

«LES COSAQUES DE KUBAN»

10, rue des Cordelières — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

№ 1

Издание неперіодическое

1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Хоперы

«LES COSAQUES DE KUBAN»

10, rue des Cordelières — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

№ 1

Издание непериодическое

1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителѣй Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

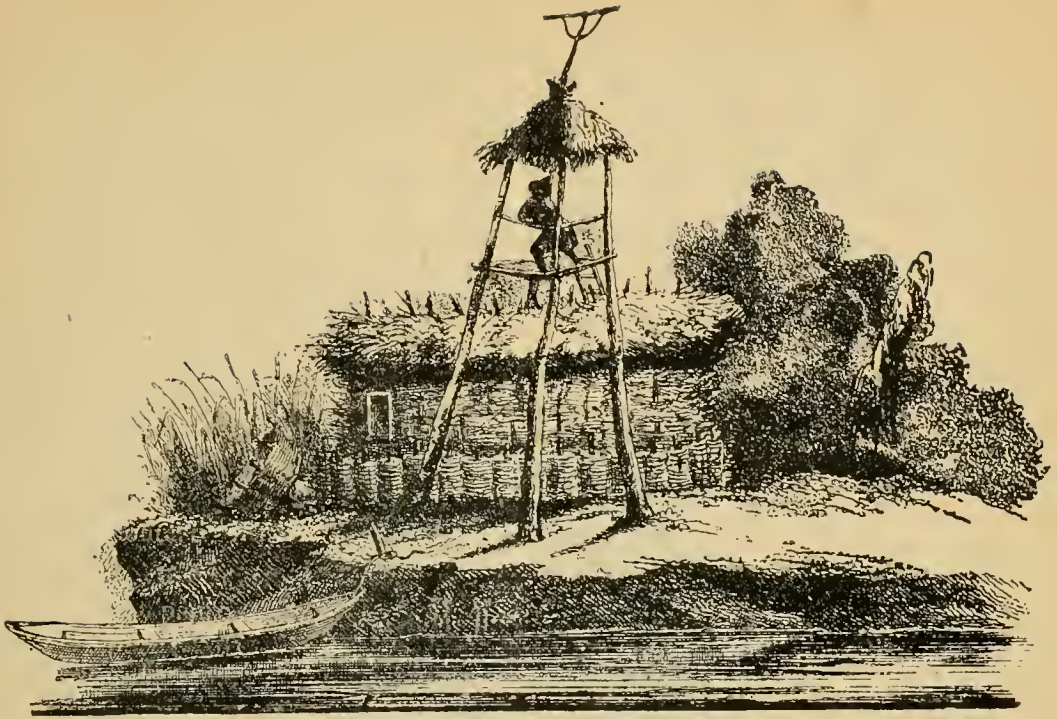

Хоперцы

Настоящій номеръ выпущенъ при участіи Союза Кубанскихъ
писателей и журналистовъ.

ЦѢНА НОМЕРА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ :

1. Во Франціи 3 фр. 50 с.
Выписывать отъ Правленія Общества.
2. На Балканахъ 5 динаръ
Выписывать черезъ Кубанскую Канцелярію у полковника Соломахина — Belgrad. Nemanina, 20
Изъ распроданныхъ на Балканахъ — 10% пойдетъ на постройку Кубанскаго дома въ Бѣлградѣ.
3. Въ Чехословакии 4 кроны
Выписывать черезъ полковника Федорова
Praha XIV. Nusle-Adoli. Jaromirova 456.
4. Для остальныхъ странъ — 20 центовъ — 5 фр.

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Гудить, разливается могучій гласъ полтысчипудоваго Войскового колокола; мощнымъ звукомъ наполняетъ онъ широкія улицы стольнаго города Кубани и далеко-далеко несется по ней — нашей матери многоводной раздольной, вѣшая нижнимъ станицамъ и закубанскимъ ауламъ о великомъ праздникѣ казачьей Кубани.

Звонъ умолкъ, умолкли мѣдныя голоса всѣхъ Екатеринодарскихъ церквей и вновь заворили частымъ радостнымъ веселымъ перезвономъ, слѣдуя гласу колоколовъ Войскового собора.

Торжественные, благоговѣйные звуки блестящихъ трубъ Войскового хора трубачей, а за нимъ цѣлаго ряда иныхъ, наполнили молитвой «Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ» ширкую Соборную площадь густо-густо устѣянную сомкнутыми рядами войсковыхъ частей, войсковыхъ учебныхъ заведений и тысячь разнаго народа, густой лавой заполнившая улицы и переулки.

Изъ раскрытыхъ дверей Войскового Собора, блистая золотомъ въ теплыхъ лучахъ ласковаго октябрьскаго солнца Кубани, спускалась на площадь длинная, длинная вереница святостей и хоругвей, сопровождаемая всѣмъ столичнымъ духовенствомъ въ богатыхъ золотыхъ ризахъ.

На одинъ мигъ по звучной рѣзкой командѣ

дрогнула вся масса войскъ и цѣлымъ лѣсомъ острыхъ штыковъ и блестящихъ лезвій шашекъ ощертилась широкая площадь и обнажились тысячи головъ.

А вслѣдъ за тѣмъ, сладкимъ трепетомъ дрогнули казачьи сердца, тысячи взоровъ жадно приковались къ соборнымъ дверямъ — цѣлый лѣсъ бунчуковъ, значковъ и знаменъ — свидѣтелей старой неугасающей славы дѣдовской — Запорожской, Черноморской, Азовской, Бугской, Линейской, Кубанской — спускался по широкимъ ступенькамъ соборнымъ и вытягивался длинной длинной змѣйкой на Красную улицу.

Блестѣли на солнцѣ золотомъ и серебромъ несчетныя булавы, насадки и перначи стариннаго казачества, въ рукахъ попарно врьдъ идущихъ Атамановъ, со всей широкой Кубани въ этотъ день слетѣвшихся въ столичный градъ.

Рѣяли и развивались въ воздухѣ Войсковыя знамена, золотомъ и малиновымъ бархатомъ переливались многочисленныя регалии — грамоты царей и царицъ, царскіе мундиры, а на чудесномъ бѣлоснѣжномъ арабѣ покачивались огромные серебряные котлы — литавры даръ царицы Екатерины Запорожскимъ — черноморцамъ.

Высокіе ряды могучихъ красавцевъ, гвардей-

цевъ - конвойцевъ шли за ними, а дальше самъ батько Атаманъ и высшіе чины Войска съ булавами, наськами, перначами — знаками своей власти — шли медленно и торжественно передъ шпалерами войскъ, школь и народа на **Войсковой Кругъ** къ священной землѣ, Крѣпостной площади, туда, гдѣ среди запорожскихъ куреней, еще такъ недавно возвышался обширный деревянный соборъ, чудо казачьей техники, безъ единого гвоздика поставленный казаками.

Тамъ передъ нимъ отбывались Войсковыя Рады послѣднихъ запорожцевъ - черноморцевъ, туда тянулись ихъ старыя боевыя реликвіи и Войсковыя святости, и все славное Войско Кубанское, въ день своего великаго праздника Войскового помолиться Богу на священной землѣ и въ Войсковомъ Кругу обновить хоть тѣнь давно забытой Рады Казачьей.

А въ тотъ же день и часъ по всей широкой Кубани, по всемъ станціямъ и далеко за ея предѣлами, тамъ, гдѣ стояли оторванные отъ родной Земли Кубанскіе полки и батальоны, молились Богу и гордо шли парадомъ подъ своими знаменами Ея сыны.

* Далеко, далеко въ глубокую сѣдину вѣковъ уходитъ торжество празднованія великаго Войскового Праздника.

Еще великій князь Владиміръ святой Пивскій не былъ христианином и не расширилъ свою власть на азовско - черноморскіе берега, какъ тамъ сидѣла многочисленная Русь - казачья, войсковымъ обычаемъ вступившая въ 948 году на службу Византійскаго Императора противъ степныхъ наѣзниковъ, кочевниковъ и турокъ. Такъ рассказывала неписанная древняя молва-исторія, а за ней и донская о началѣ Войскъ казачьихъ.

Византію и византійскіе берега познала эта удабая, боевая Русь добытническая значительно раньше — «погибельный дѣлами и названіемъ народъ Русь» — опустошала берега малоазіатскіе, «на своихъ монокилахъ по морю и землѣ плавала и Константинополь штурмовала», какъ говорилось въ посланіи Кіевскаго духовенства 1621 года о казачьихъ предкахъ донскихъ и запорожскихъ.

Въ тѣ сныя отдаленныя времена и случилось событіе, почти на тысячу лѣтъ потомъ сильно врѣзавшееся въ память казачьихъ предковъ и нашихъ праотцовъ. Сначала это было языческое отношеніе

къ небывалому чуду, утрашившему нашихъ предковъ; потомъ, съ принятіемъ ими христіанства, перешедшее въ празднованіе Покрова 1-го октября.

Въ тѣ отдаленныя времена Русь азовско-черноморская неожиданно осадила стѣны столицы Византійскаго государства. Защищать ее было некому; Императоръ съ войсками находился далеко въ походѣ противъ мусульманъ. Константинополь долженъ былъ пасть и сдѣлаться добычею Руси.

У населенія осталась одна надежда — на Бога. Послѣ усерднаго моленія патріархъ, взявъ Ризы Богоматери, пошелъ съ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ Цариграда и съ молитвой погрузилъ ихъ въ воды Золотого Рога, въ которомъ сосредоточилась флотилія осаждавшихъ.

Произошло чудо — внезапно поднялась буря, разнесла и разметала суда Руси и утрашенные добычники, снявъ осаду, удалились безслѣдно. Константинополь былъ спасенъ. Греческая церковь установила въ этотъ день праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, а Русь языческая долго запечатлѣла у себя страхъ передъ необъяснимой силой Всевышняго.

Минули столѣтія, въ то время у самихъ грековъ постепенно стиралась стѣда празднованія чуда, въ особенности послѣ взятія Константинополя турками въ половинѣ 15-го ст., у потомковъ Руси азовско-черноморской, у казачества, праздникъ этотъ пріобрѣлъ одно изъ наибаважнѣйшихъ значеній

Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска Генераль Науменко

Богородица Дѣва стала покровительницей казачества. Свой Покровъ Она распространила нынѣ надъ казаками, содѣйствуя ихъ побѣдамъ; отсюда и праздникъ Покрова сталъ праздникомъ всего казачества вообще — отъ самого Запорожья черезъ Донъ, Яикъ, занявшаго степные просторы до бурнаго Терека и въ далекой Сибири.

Къ нему приурочились и историческо - казачьи событія: въ день Покрова казаки, вышедшіе подъ гор. Казань въ 1552 году съ Дона, Волги, Яика, Терека, учинили «розмысль», взорвали стѣны Казанскія и взяли городъ штурмомъ; подъ Покровъ, остатки донцовъ и запорожцевъ, взявшіе неприступную турецкую крѣпость Азовъ, отбили въ 1641 году громадную турецкую армію, снявшую внезапно осаду и ушедшую отъ Азова, такъ какъ 800 лѣтъ передъ тѣмъ ушла Русь отъ Цариграда.

Казакъ воюеть, а жена дома горюеть.

На Запорожьи и Дону, мы знаем, что день Покрова праздновался особенно торжественно. Къ этому дню казачество стекалось отовсюду къ своему главному городу. Стекалось оно и для того, чтобы закончить прошедшій хозяйственный годъ и подготовиться на годъ новый.

Въ день Покрова въ Сѣчи Запорожской отбывалась Рада, на которой складывали счета передъ «товариствомъ» всѣ Войсковые чины; на Дону передъ Покровомъ, въ память Азовскаго сидѣнiя, отбывались торжества на Монастырскомъ урочищѣ — мѣстѣ упокоенiя сложившихъ свои головы за честь казачью защитниковъ Азова, а на Покровъ Войсковой Кругъ снималъ счета съ Войскового начальства. И на Запорожьи, и на Дону отбывалась въ это время обильная «войсковая трапеза» для всѣхъ присутствующихъ.

Въ Сѣчи Запорожской праздникъ этотъ былъ еще тѣмъ торжественнѣе, что онъ былъ престольнымъ праздникомъ главной Запорожской — Сѣчевой Покровской церкви. Покровъ на Запорожьи чтился особенно и въ честь его было посвящено очень много казачьихъ церквей.

Въ Сѣчевой церкви Войсковой запрестольный образъ представлялъ Богоматерь, осѣняющую омофоромъ своимъ колѣнопреклоненное Войско Запорожское.

Образъ этотъ ушелъ въ Задунайскую Сѣчь, послѣ эмиграціи казаковъ въ Турцію, въ связи съ разрушенiемъ Сѣчи и уничтоженiемъ Войска Запорожскаго Екатериной II, въ 1775 году; ушла туда же и традиція празднованiя Покрова какъ Войскового Праздника; унесли ее туда не только Запорожскіе казаки, но и доно-волжскіе казаки-эмигранты 1680, 1708 г.г., образовавшіе на Кубани **Великое Войско Кубанское**, перешедшее потомъ въ Турцію.

Эти первые Кубанцы до послѣднихъ дней своего Войскового существованiя праздновали Покровъ какъ Войсковой Праздникъ.

Эту же самую традицію перенесли на Кубань и послѣдующіе кубанцы — Войско вѣрныхъ казаковъ Кошу Запорожскаго, впоследствии Черноморское и казаки Линейныхъ Войскъ — выходцы и переселенцы на Сѣверный Кавказъ изъ Войскъ Донскаго, Волжскаго и иныхъ; казаки Гребенскіе и Терскіе хранили Войсковой Праздникъ Покрова съ незапамятныхъ временъ.

Долгое, очень долгое время день Покрова былъ общеказачьимъ Войсковымъ Праздникомъ и для всей Кубани. Многовѣковая, тысячелѣтняя, традиція эта была нарушена только въ 1830-хъ годахъ. Въ этомъ году для казачества было введено новое Положеніе; тогда же императоръ Николай I назначилъ Войсковымъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ Войскъ своего сына наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и день его тезоименитства — день св. Александра Невскаго — 30-го августа былъ сдѣ-

ланъ Войсковымъ Праздникомъ казачьимъ; въ томъ числѣ и Кубани.

Всѣ торжества — церковныя и военныя, связанныя съ Войсковымъ Кругомъ — теперь уже блестящимъ парадомъ, съ выносомъ регалій и прочтенiемъ грамотъ были перенесены на этотъ день.

На Кубани онъ получилъ еще большую торжественность, когда въ Екатеринодарѣ былъ освященъ новый Войсковой Соборъ въ честь св. Александра Невскаго, взамятъ снесеннаго стараго собора перныхъ Черноморцевъ - Запорожцевъ. Не только въ самомъ Екатеринодарѣ — въ станицахъ войсковой праздникъ утратилъ свою задушевность, тѣсно связанную съ праздникомъ Покрова; онъ сталъ большею официальною праздникомъ тамъ, гдѣ одновременно не было храмоваго престольнаго праздника.

Внѣшняя сторона праздника продолжала же быть такою великолѣпною, какой она бывала и ранѣе.

Она еще болѣе стала великолѣпною, когда въ 1905 году произошло долгожданное событіе — родился наслѣдникъ цесаревича, къ которому, по старой уже традиціи, перешелъ титулъ Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ.

Должность эта, съ воцаренiемъ императора Николая II, оставалась вакантною съ 1894 года — у царя не было сына, а у казаковъ Атамана — были только Наказные.

Незгоды японской компаніи, революціи, смута, все какъ будто были забыты на время и день имени наслѣдника Алексія, по старой же традиціи, снова сталъ днемъ войскового праздника, со всѣми его торжествами.

Такъ праздновалось все время до начала 1917 года, когда волна разнузданной революціи повергла все и вся; растоптала и смела многое и многое, что уже стало дорогимъ для цѣлыхъ поколѣній.

Не стало царя, не стало и царственнаго Атамана; но Войсковой Праздникъ въ день св. Алексія митрополита Кіевского и всея Русіи, родомъ волынскаго боярина — украинца, остался въ нашемъ Войскѣ.

Мѣнялись традиціи, мѣнялись устои подъ громъ кровавой борьбы съ поработителями казачества.

Снова ожила мысль возобновить общій древнеказачій праздникъ всѣхъ Войскъ — Покрова пресв. Богородицы; но мысль эта осталась неосуществленною, на эмиграцію мы вышли со старымъ Войсковымъ праздникомъ 5-го октября.

Этотъ дорогой осколокъ блестящаго празднованiя Войскомъ на далекой безконечно дорогой Родинѣ былъ одинаково дорогимъ всѣмъ казакамъ — эмигрантамъ; монархистъ, республиканецъ, вольный казакъ, единородѣлмствующій или соборноукраинствующій кубанецъ сходились вмѣстѣ за трапезой этого дня, въ дружеской казачьей бесѣдѣ вспоминая былое славнаго Войска.

Не той козакъ шо зборовъ, а той — шо вывернувся.

Одни праздновали въ немъ блескъ Россійской Имперіи и славнаго казачества въ немъ, другіе — украинца - митрополита, третьи — просто казачью традицію, принесенную съ далекой Кубани, а иные, какъ самостійники, сближали этотъ день съ старо-казачьимъ праздникомъ Покрова.

Европа, скорѣе цѣлый свѣтъ, заставляють насъ уже не придерживаться точно дня 5-18 октября. Мы больше празднуемъ свою традицію и приближаемъ ее къ другому великому древнеказачьему празднику Покрова.

Но какъ бы то нибыло, день этотъ, день Войскового Праздника, есть день радости всѣхъ насъ. Въ этотъ день мы собираемся всѣ вмѣстѣ, откры-

ваемъ наши сердца радостью, живемъ мыслями о родныхъ, Войскѣ и Кубани.

Этотъ день — это наша вторая Пасха, на который мы идемъ съ золотыми сердцами золотого пасхальнаго слова:

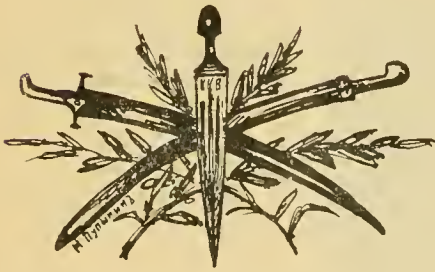
«Воскресенія»

и на которомъ ни одному изъ Васъ, Доблестное Казачество, не будетъ пославлено виною, кто въ тѣнныя своихъ ради

«Воскресенія Казачества» — согрѣшилъ или заблудился, такъ какъ —

— Всѣ мы сыны Единой Матери - Кубани, всѣ мы дѣти Единой Семьи Казачьей!.

ПЛАТУНЫ

Подъ пластунами въ наше время подразумѣваютъ казачью пѣхоту. Въ Великую войну и войну съ РСФСР были пластуны не только кубанскіе, но и донскіе, терекіе, были пластуны и у сибирскихъ казаковъ. Передъ войной только кубанская казачья пѣхота носила, да и то всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, названіе пластуновъ.

Пластуны прославились по цѣлому свѣту; казачья пѣхота вообще славилась съ давнихъ давень. 500 лѣтъ тому назадъ, въ битвѣ войскъ литовско-польскихъ съ нѣмецкими крестоносцами, при Грюнвальдѣ, четыре казачьихъ полка рѣшили ее участь и положили предѣлъ движенію кровавыхъ тевтоновъ въ славянскія земли.

Отъ казаковъ и казачьей пѣхоты учились военному искусству и европейскіе вонны.

Славный чешскій полоководецъ Янъ Жижка, служившій сначала въ Литвѣ, протекторатъ Великаго князя, котораго признавали и Днѣпровскіе казаки, перенялъ отъ казаковъ способъ лѣшаго боя изъ-за возовъ въ лагерѣ и съ возовъ при походѣ. Модернизовавъ казачьи возы, онъ эту тактику казачьей пѣхоты искусно примѣнялъ въ гуситскихъ войнахъ первой четверти 15-го столѣтія

Казачья пѣхота особенно славилась въ 16 — 17-омъ стол., въ войнахъ съ Польшей, Турціей и Крымомъ искусствомъ обороны въ укрѣпленномъ возами лагерѣ и боя возоваго на походѣ — это была скифская тактика ихъ отдаленныхъ предковъ.

Въ 16 — 17 ст. казачья пѣхота навела страхъ и трепетъ своимъ десантомъ на могущественную Турцію, передъ которой дрожалъ весь старый міръ. Взятіе Казани въ 1552 году, Азова въ 1637 и ея славная оборона 1641 г. — все это дѣло казачьей пѣхоты.

Французскій военный писатель Бопланъ, близко знавшій казаковъ Запорожья, свидѣтельствовалъ въ половинѣ 17-го ст., что казачья пѣхота есть наилучшая въ мірѣ, а король польскій, Янъ Собѣскій, безъ нея не рѣшался развить осаду турокъ подъ Вѣной. Въ концѣ 17-го ст. казачья пѣхота подъ той же Вѣной рѣшила участь боя и положила конецъ продвиженію турокъ на Западъ.

Въ войнахъ 18-го ст. перевѣсъ въ казачествѣ пріобрѣтаетъ конница, но Запорожская пѣхота еще покрываетъ себя неуязвимой славой въ войнахъ съ турками и пріобрѣтаетъ остаткамъ Запорожцевъ въ Россійской имперіи право на существованіе **Войскомъ Черноморскимъ.**

Тамъ, въ Запорожьи, и родились «пластуны» — отборнѣйшіе казаки, несшіе пѣшую или спѣшенную службу въ боевые дни, а въ мирное время ведшіе такой образъ жизни, который выковывалъ изъ нихъ цвѣтъ казачества.

Вотъ что о нихъ говоритъ Атаманъ Кухаренко, самъ видѣвшій старыхъ Запорожцевъ, въ разсказѣ «Пластуны»:

«Старые казаки - сячевки было рассказываютъ такъ: что у Запорожцевъ на Днѣпрѣ пѣхота сидѣла

въ Сичи, а конные жили въ Великомъ Лугѣ, изъ-за хорошей пастбы. Какъ пѣхотѣ такъ и конникамъ свободно раарѣшалось въ мирное время заниматься — кому рыболовствомъ, кому «пластуничествомъ»...

Пластуны стрѣляли дикихъ звѣрей, которыхъ тогда въ днѣпровскихъ плавняхъ было вдоволь. Пластунами, говорятъ, назывались потому, что были «непосѣдами», все шатались по плавнямъ и такъ какъ больше имъ приходилось мѣсить грязь, чѣмъ ходить по сухому, сирѣчь «пластать», то и прозвались «пластунами».

атамана Власова, какъ о такихъ «искусныхъ стрѣлкахъ, равныхъ которымъ нѣтъ въ мірѣ».

Колыбелью пластуновъ и тогда была пѣхота. Обративши вниманіе на ихъ стрѣлковыя качества, генералъ Власовъ распорядился, чтобы для дѣйствій противъ горцевъ были составлены особія пластунскія команды изъ охотниковъ.

Въ 1832 году, при атаманѣ Заводовскомъ, были уже составлены «пластунскія команды» по три человека изъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлахъ съ непріателемъ, при офице-

Группа г.г. офицеровъ 1-го Кубанскаго пластунскаго баталіона въ гор. Арвинѣ, въ 1891-омъ году.

Въ турецкой войнѣ 1789-91 г. «пластуны были и въ пѣхотѣ и въ конницѣ»... По переходѣ на Кубань, холостая сірома «охочая на звѣрей, разсыпалась по плавнямъ, и по запорожскому образцу — добычинчала. При пластунахъ были охочіе хлопцы, при нихъ они и выросли, а научившись искусству и сами становились пластунами»... Кухаренко очень подробно описываетъ жизнь и приемы пластуновъ того времени, но «если написать все пластунскіе порядки, то была бы цѣлая книжка», — пишетъ онъ.

Пластуны на Черноморьи отдѣльныхъ войсковыхъ частей не составляли, попрежнему они были и въ пѣшихъ и конныхъ частяхъ.

Въ официальной перепискѣ названіе «пластунъ» встрѣчается впервые въ 1824 г.. Узналъ о нихъ извѣстный генералъ, герой Кавказа Ермоловъ отъ

рахъ и урядникахъ, для кордонной охраны. Надобность въ нихъ миновала въ 1833 году и они были распущены по полкамъ.

Позже ихъ не разъ употребляли для развѣдки и какъ стрѣлковъ. Въ мирное время на охотѣ, приказомъ Войску отъ 5 іюня 1845 года пластунамъ было запрещено «стрѣлять на хрустѣ», т.-е. на шумъ отъ подхода звѣря, такъ какъ часто бывали случаи, когда пластуны, при невѣроятной способности этихъ стрѣлковъ попадать въ предметъ невидимый глазомъ съ помощью одного привычнаго слуха, — убивали бродившихъ въ густыхъ плавняхъ товарищей.

Въ Кавказской войнѣ пластуны не разъ совершали выдающіяся дѣла, но на это смотрѣли какъ на дѣло обычное. Такими же они были и въ Сева-

стопольскую кампанію, гдѣ прославились особенно 2-й, 5-й и 8-й баталіоны, въ 1854-55 г.

Пластуны того времени были вполне достойны своихъ запорожскихъ предковъ. Они одинаково удивляли какъ противника, такъ и русскихъ.

Вотъ какъ характеризуетъ пластуна того времени современникъ:

«Пластунъ — это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ, первообразно запорожскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, ие знающій удержки послѣ подъема; при хотѣньи — бѣгущій на гору, при нехотѣньи — еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ»...

Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный зодчій можетъ превенбечь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла.

Сквозь сильный загаръ лица пробивается добродушіе, которое легко провести и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія. Умный взглядъ и навощенный, къверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ — это лицо окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью — ни въ задъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло — отъ его шага, отъ его взгляда и простыхъ словъ вѣтъ на васъ какимъ то спокойствіемъ, какимъ то забвеніемъ опасности.

Череска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія отъ починки, кожанными заплатами; папаха вытертая, порыжѣвшая, но въ удостовѣреніе беззаботной отваги — лихо заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу — вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннымъ набойникомъ спереди около пояса и висящая съ боковъ пояса такъ называемая «причиндалія»: пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайка или даже скрипка — и вы составите

себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна какова она есть».

Таковъ былъ пластунъ періода Кавказскихъ войнъ.

Въ 1842 году по штатамъ, пластунскія команды были во всѣхъ конныхъ и пѣшихъ частяхъ Черноморскаго Войска, а за нимъ и Линейнаго. По нашему это были команды развѣдчиковъ.

Со временемъ, пѣшіе первоочередные батальоны специально уже обучались пластунскому искусству и пѣшій казакъ Кубанскаго Войска сталъ синонимомъ пластуна.

Въ 1864 году окончилась Кавказская война; къ севастопольскимъ георгиевскимъ знаменамъ, Кубанскіе пластуны получили еще новыя награды, а въ

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 г.г.: 1. Марко Сопельнякъ. 2. Иванъ Кравченко. 3. Парамонъ Бѣлый. 4. Иванъ Чижъ. 5. Демьянъ Онищенко. 6. Тарасъ Сопельнякъ. 7. Порфирій Семакъ.

1870 году пѣшіе батальоны получили наименованіе «пластунскихъ». Въ кампаніи 1877-78 г.г. Кубанская пѣхота показала себя такими же пластунами, какими были Черноморцы раньше, хотя теперь и Линія и Запорожье выставляли пѣшіе батальоны.

Раньше ихъ было только 3 — первоочередныхъ; въ Войскѣ Кубанскомъ уже — 6.

Пришла Японская кампанія и пластуны вновь украсили Войско отличіями; пришла — Великая война — они прогремѣли по цѣлому свѣту; спасали Кавказъ и честь Арміи въ Закавказьи, били прославленную германскую гвардію, удерживали знаменитую «фалангу Макензена» на р. Санѣ тогда,

когда ни российская трагедія, ни вся армія не смогли остановить ея напора; были «ударными частями» еще императорской арміи, спасая положение фронта вездѣ и всюду и были непобѣдимыми «Кавказскими ордами» на фронтѣ Турецкомъ, подъ Сары-Камышемъ.

Пришла война за Казачью волю, и пластуны геройски бились съ красными ордами.

И вездѣ и всегда отъ стародавняго Грюнвальда начала 15-го ст. и до нашихъ дней — скромная, незамѣтная, невзрачная казачья пѣхота творила чуде-

са храбрости и поражала доблестью современниковъ.

Пасынки регулярной арміи — они были незамѣтными блестящими героями боевой жизни.

Тихо, скромно, спокойно, съ присущимъ ему вѣковѣчнымъ юморомъ, дѣлалъ пластуны свое обычное пластунское дѣло, не ища «ни корысти ни славы», а Слава сама его находила.

Полковникъ Федоровъ.

РАЗЛИЛАСЬ ТЫ...

... Разлилась... Разливалась...

А теперь часто вижу ее — пересохшую... Во всему ея широкому руслу — буристые пески, иссохшіе корчаги... гдѣ-гдѣ плѣсневые лужи...

Обвалились гордые «шпили». Съ корнемъ высохшимъ, конвульсивно изогнутымъ трупомъ, лежитъ наша —

«Многоводная»...

Надъ ней, тамъ и сямъ, низко склонились мягкостволия вербы... А и гдѣ ужъ не плачутъ. Не шепчутъ молитвы. Тупо смотрятъ въ буристый песокъ, время отъ времени бороздя его глыши вѣтками... Словно молчаливая, безслезная мать, что «безучастными» руками прищупываетъ дѣло мертвого сына...

Ни пѣсенъ, ни смѣха, ни задорнаго ржанья копей, ни мычанья коровъ, ни фырканья барахтающей въ водѣ дѣтвора казачьей...

Песокъ, корчаги, плѣсневые лужи, да безкорья вербы...

И ничто, ничто не открьсть чужому, неказачьему оку, какая жизнь здѣсь разливалась —

«Вдаль и вширь»...

Какия прекрасныя возможности стояли передъ казачьимъ —

Богатыремъ - народомъ!

Излилась въ бездонное море раздольная сила. Осиротѣла ковыльная степь. И безъ воли — «Станица Вольная»...

..... Слишкомъ щедра ты была, наша Родина! Безъ учета и счета богатствомъ своимъ разбрасывалась. За друга и недруга слала насъ —

«Въ смертный бой»...

И — о тебѣ, здѣсь нынѣ вспоминая, — съ усмѣшкой горькой признаемся:

— Увы, ни пользы намъ — ни тебѣ — Славы!..

Характерные типы Кубанскихъ казаковъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сербіи.

Разливалась... А отъ разливовъ твоихъ чесались за ухомъ — твои - же. Была — Вольная, а

покорно несла даць — пока не обезкровилась, и отъ вѣкового богатыря не произошла въ — ничто.

Создала совершеннѣйшія въ мірѣ Свободу и Равенство, а истекла кровью, защищая совершеннѣйшіе въ мірѣ Деспотизмъ и Неравенство...

Ибо сыны твои тебя знали лишь —

«Изъ далекихъ странъ»...

И въ грозный часъ борьбы за самое Тебя — Тебя —

«Не отстояли»...

Не сумѣли: ибо не знали Тебя...

Не знали источниковъ Своихъ. Не знали, что многоводность Твоя не въ «милосивнѣйшихъ грамахъ», а въ самобытности устоевъ Твоихъ. Не въ мертвыхъ заливныхъ болотахъ, а въ живыхъ подземныхъ ключахъ, бьющихся изъ глубины вѣковъ

Родившаяся въ кристалльныхъ льдахъ — съ кристалльно чистою душою, безпечнымъ смѣхомъ, будто силы Твои неизбывны — кормила Ты своею грудью и друга и недруга. Принимала званныхъ и незванныхъ, пока —

Гости не стали «хозяевами»,

А многоводность Твоя не превратилась въ плѣсневя лужи...

Умеръ смѣхъ въ рассказаченныхъ станицахъ... въ тундрахъ сгнила Казацья

Пѣснь - Молитва,

А остатки остатковъ твоихъ — развѣяны по всему свѣту... И Богъ знаетъ, соберутся ли когда подъ единымъ стягомъ:

— За родной отовскій Домъ»...

Ночь ли спустится надъ родимую степью; лень ли ясный, безоблачный показываетъ мнѣ Тебя отъ Эльбруса до Маныча — неузнаваема —

Ты, Кубань, наша Родина!..

Странные, неизвестные люди — странное, неизвестное одѣяніе. —

Лишь тоска, что вѣщей птицей — чибисомъ кружится надъ Твоимъ просторомъ —

Моя, Ты, Родина!..

Ибо ея изъ сердца безъ сердца — не выкинуть. Она приковала мой духъ къ Твоему широкому без-

долью и тяжкими думами прокорчевываетъ путь къ Твоему — Воскресенію.

Разлилась... Разливалась...

Но не Ты насъ выплеснула изъ родныхъ станицъ! Не улюлюканьемъ и злобнымъ смѣхомъ провожала Ты насъ...

Мертвой стражею заняла Ты кремнистые утесы Побережья. Слезами съ кровью напоила подземные ручьи Свои...

А если мы Тебя «тогда» не отстояли —

Страждущее казацье семейство одной изъ горныхъ станицъ на Кубани въ 1927 году. Глава ея — отецъ и мужъ — за рубежомъ. Школяры, вѣрные казацкой традиціи — снялись при отцовскихъ кинжалахъ.

То не потому, —

Что — не хотѣли. —

Не смогли. Не сумѣли. Не знали.

И если Ты «тогда» «покорно»

Разливалась —

Теперь сумѣемъ втиснуть Тебя въ берега Твои.

Вл. Куртинъ.

Церковная жизнь на Кубани

со времени прибытія Запорожцевъ до послѣднихъ дней.

Когда Запорожцы изъ Буджацкихъ степей въ 1792-1793 г.г. переселились на Кубань и въ поискахъ мѣста, гдѣ бы можно и удобно было стать кошемъ, пришли и остановились въ Карасунскомъ куту, — то однимъ изъ первѣйшихъ дѣлъ, которыя они со-

вершили, закладывая нынѣшній Екатеринодаръ, — было сооруженіе двухъ церквей: Екатерининской и Войскового Собора. Дубы, покрывавшіе въ то время оба берега Карасуна (ихъ остатки можно было видѣть до послѣднихъ дней въ садахъ Духовнаго и

Отъ Бога положено казаку выше быть.

Епархіального училища и на Дубинкѣ), были вырублены и изъ нихъ же была сооружена Екатерининская церковь. *)

Иначе и трудно было представить ихъ начало жизни на новомъ мѣстѣ, у этихъ рыцарей и стражей св. Православной церкви, у которыхъ единственнымъ условіемъ принятія въ ихъ славное братство, «Сичъ Запорожскую», была — вѣра въ Бога и Пресвятую Троицу и православное крестное знаменіе. И всѣ тѣ тридцать восемь куреней, которые были и въ Запорожьи, раскинулись по своимъ мѣстамъ, начали свою жизнь съ сооруженія храма. Станицы позднѣйшаго возникновенія, начиная съ одновременной куренямъ Екатерининской, часто однимъ своимъ названіемъ говорили, что не мыслить казачество своей жизни безъ церкви и внѣ ея.

Въ тѣ же первые годы своего поселенія на Кубани были основаны Войскомъ два монастыря: Николаевскій и Маріе-Магдалинскій — женскій. И много лѣтъ въ первомъ монастырѣ, куда по старому запорожскому обычаю уходили старые вонны, не могущіе уже по немощи старческой держать саблю въ ослабѣвшихъ рукахъ, — среди монастырской братіи и преобладалъ элементъ болѣе привыкшій въ своей жизни къ дыму пороховому, нежели кадилному. — Словомъ, въ концѣ 18-го вѣка на одной изъ окраинъ Россійской имперіи прочно осѣло нѣскольکو десятковъ тысячъ людей исключительно глубокой религіозности, необычайной твердости въ вѣрѣ и преданности св. Православію. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ организациі этой стороны своей жизни казаки на Кубани были почти предоставлены самимъ себѣ. Въ церковно - административномъ отношеніи первое время своей жизни на новыхъ мѣстахъ Черноморское войско зависѣло отъ епископовъ Екатеринославскихъ, въ Екатеринодарѣ же было организовано (и то не сразу) Духовное Правленіе съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣлъ. Войсковые протоіереи, въ силу такихъ обстоятельствъ, сразу приобрѣли исключительно высокое положеніе въ церковно - религіозной жизни новаго края и отъ ихъ душевныхъ качествъ и добраго расположенія многое зависѣло въ дѣлѣ устроенія церковной жизни на Кубани. Попеченіемъ Божиимъ въ первые же десятилѣтія жизни казаковъ на Кубани былъ воздвигнутъ великій свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія — принопамятникъ о. протоіереища Кирилломъ Россинскимъ. Упорядоченіе церковной жизни и особенно начало народнаго просвѣщенія на Кубани неразрывно связано съ его именемъ. При немъ, въ 1818 - 22 г.г. было открыто первое учебное заведеніе на Кубани — «Екатеринодарское духовное училище» (приходское и уѣздное), помѣщавшееся дол-

*) Въ послѣдніе годы, послѣ освященія Екатерининскаго Собора, старая Екатерининская церковь была перенесена въ «Сады», въ сѣверной ихъ части, по направленію къ станицѣ Новотитаровской.

го въ сторожкѣ Екатерининской церкви на сѣверо-западномъ углу Екатерининской площади (противъ теперешняго дома Бородина). Нѣсколько позднѣе имъ же открывается Войсковая Гимназія, и въ своемъ лицѣ о. К. Россинскій объединяетъ все церковное и просвѣтительное дѣло на Кубани. Онъ былъ предсѣдателемъ Духовнаго Правленія, Смотрителемъ духовныхъ училищъ, Директоромъ Войсковой Гимназіи и Войсковымъ Протоіереемъ. Равнаго ему по своей дѣятельности и значенію изъ послѣдующихъ Войсковыхъ протоіереевъ уже не было, но дѣло, начатое имъ, не погибло, и возросши — принесло многократный обильный плодъ.

Кубанскій Войсковой Собор

в г. Екатеринодарѣ.

Отдаленность епархіальной власти отъ Черноморья представляла большія затрудненія для церковной жизни на Кубани. Бывали случаи, когда какой-нибудь «дьячекъ» Калайтанъ дважды въ лѣто долженъ былъ являться къ «Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Іову, Архіепископу Екатеринославскому», — и, чтобы поощрить его ко второй поѣздкѣ, ему былъ обѣщанъ стихарь, неизвѣстно, впрочемъ, полученный ли имъ.

Многія сотни верстъ разстоянія, бездорожье того времени, дѣлали Кубань заброшенной и оторванной, а вслѣдствіе этого часто забываемой. Для устраненія этихъ неудобствъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія Черноморье въ церковномъ отношеніи было присоединено къ Астраханской епархіи, но нельзя сказать, чтобы это мѣропріятіе было особенно удачнымъ. Астрахань была болѣе отрѣзана отъ Кубани, чѣмъ далекій Екатеринославъ: 400 верстъ совершенной пустыни, безводныхъ калмыц-

кихъ степей, особенно въ зимнюю пору бурановъ и морозовъ дѣлали совершенно невозможнымъ сообщеніе Астрахани съ Екатеринодаромъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что астраханскіе архіереи сами просили объ отчисленіи отъ ихъ епархіи Черноморья, и въ скоромъ времени церкви и приходы Кубани были подчинены Донскимъ архіепископамъ, въ подчиненіи у которыхъ и были до образованія Кавказской епархіи.

Эта новая епархія обнимала собою громадное пространство: весь Сѣверный Кавказъ, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, съ епархіальнымъ центромъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ. Совершенно понятно, что Ставропольскіе архіереи, начиная съ перваго епископа Кавказскаго Теофилакта и оканчивая архіепископомъ (умеръ въ санѣ митрополита, не зная объ этомъ, въ 1919 г.) Агаѳодоромъ, всю свою дѣятельность направляли на близкій и знакомый имъ Ставрополь, часто совершенно забывая о заброшенномъ, далекомъ Екатеринодарѣ. Бывали случаи и явнаго небреженія церковными интересами и запросами Кубани. Еще по представленію, кажется, пріснопамятнаго о. Кирилла Россинскаго было положено начало образованію такъ называемаго «Черноморскаго духовнаго учебнаго капитала», предназначавшагося, понятно, на устройство и содержаніе духовно-учебныхъ заведеній на Кубани. Къ 80-ымъ годамъ прошлаго столѣтія этотъ капиталъ возросъ до солидной суммы, далеко превышавшей 100.000 руб. Изъ этихъ денегъ дѣлались свободно позаймствования на постройку епархіальнаго училища въ Ставрополѣ по тому вполнѣ справедливому соображенію, что это училище будетъ обслуживать и Кубань. Но когда Кубанское духовенство на сѣздѣ своемъ въ началѣ 80-хъ годовъ постановило употребить оставшіяся деньги этого капитала на постройку новаго зданія духовнаго училища (уголь Котляревской и Екатерининской, рядомъ съ подворьемъ Лебяжьяго м—ря), — преосв. Германъ (Остцкій) рѣшительно воспротивился этому, и вопросъ благополучно разрѣшился уже при другомъ епископѣ.

Словомъ, въ церковномъ отношеніи Черноморье и Кубань все время были какъ бы заброшены и пренебрежены. Богатый край, населенный исключительно по своей религіозности и церковности народомъ, былъ все время придаткомъ другихъ областей, иногда далеко уступавшихъ ему въ этомъ отношеніи.

Интересно отмѣтить, что на объединенномъ епархіальномъ сѣздѣ Кубани и Ставрополя на Церковный Московскій Соборъ 1917 года только препод.

Ставропольской Дух. Семинаріи Я. Д. Сперанскій былъ отъ Ставрополя. Остальные четыре члена, два отъ духовенства и два отъ мірянъ (оба казаки) были Кубанцы. На Московскомъ Соборѣ было еще два Кубанца — представители Кавказской арміи.

Менѣе населенный и болѣе бѣдный Терекъ успѣлъ получить церковную самостоятельность въ концѣ прошлаго столѣтія. А многолюдная, богатѣйшими храмами и исконнымъ православнымъ населеніемъ не могла этого добиться до времени Ставропольскаго помѣстнаго Собора (май 1919 г.), когда полусамостоятельное Екатеринодарское викариатство было окончательно выдѣлено въ самостоятельную епархію съ епископомъ Иоанномъ — Кубанскимъ и Екатеринодарскимъ — во главѣ.

Прошлое прошло. Впереди будущее. И если въ минувшемъ были ошибки и недостатки, — тѣмъ болѣе должны беречься отъ нихъ тѣ, кому Богъ приведетъ вновь строить жизнь на Кубани. Для народа, утратившаго вѣру и все съ ней связанное, — итѣ свѣтлаго будущаго. И сколь силенъ въ своей религіозности, а вмѣстѣ съ этимъ во всякой жизненной борьбѣ, тотъ народъ, который всѣмъ существомъ своимъ связанъ черезъ церковь и ея установленія съ самой глубиной религіозной жизни. Обычнымъ и естественнымъ на Кубани было явленіе, когда славный казакъ самъ ли непосредственно, черезъ своихъ ли дѣтей становился въ ряды клира, — пріобщаясь тѣснѣйшимъ образомъ черезъ это къ Церкви, ея жизни и дѣятельности. И славный хорунжій Запорожскаго войска, переносившій на плечахъ пушку во время боя, на склонѣ дней своихъ, своими ослабѣвшими силами мирно служилъ церкви Божіей, подавалъ кадило священнику.

Скиданы, Канайтаны, Конограи, Ширази, Шкуро, Погуляевы, Николайченки, Куши и мн. др. фамиліи говорятъ о неподдѣльности, о неразрывности духовенства отъ казачества на Кубани, напоминая лучшія прошлыя времена, когда Тупталы и Горленки давали свв. Димитріевъ и Юсафовъ.

Да благословитъ же Господь Богъ родную Кубань, послѣ прогнанія красной нечисти, процвѣтаніемъ вѣры и благочестія, красотой и благолѣпіемъ храмовъ Своихъ, чистотой и подвижничествомъ обителей подъ мудрымъ водительствомъ своихъ архіереевъ, епископовъ Кубанскихъ и Екатеринодарскихъ.

Ментона.

Протоіерей Григорій Ломако.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ КУБАНСКАГО ВОЙСКА

(Отрывокъ очерковъ «Наше прошлое»)

Для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, Ставропольское казачье юнкерское училище имѣло особое значеніе — оно помогло имъ избавиться отъ пополненія своихъ строевыхъ частей офицерами не изъ казаковъ.

Отличаясь прекрасными боевыми качествами, казачье офицерство, относительно параднаго и, вообще, внѣшняго лоска — во многомъ уступало армейскому. Въ то время, какъ послѣднее представляло собою совершенно отдѣльную касту въ арміи, связанную съ рядовымъ составомъ ея только общностью службы, — казачье офицерство было связано съ рядовымъ казачествомъ не только службой, но и общей частной жизнью въ станицахъ, гдѣ оно не пользовалось почти никакими привилегіями. Этой общности офицерства съ рядовымъ казачествомъ много способствовали и родственныя отношенія. Зачастую въ одной семьѣ казака можно было встрѣтить сыновей офицеровъ и, наоборотъ, въ семьѣ офицера — сыновей, рядовыхъ казаковъ, или двухъ братьевъ, изъ которыхъ, одинъ былъ офицеромъ, другой оставался рядовымъ казакомъ всю жизнь. При этомъ нужно имѣть въ виду, что казачьи офицеры, за свою службу пенсію не получали и сами должны были заботиться о приобрѣтеніи средствъ для жизни послѣ отставки. Взамѣнъ пенсіи они пользовались періодическими льготами для поддержанія своихъ хозяйствъ, когда приходилось работать дома наравнѣ съ прочими казаками. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, лайковыхъ перчатокъ на руки не натянешь и, при- выкнувъ танцевать на конѣ въ бою и съ вилами и граблями на льготѣ — особенной склонности къ бальнымъ танцамъ не получишь. Были, конечно, исключенія изъ этого, именно, въ лицѣ окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ или гимназій, но такихъ было очень и очень мало. Они какъ-то терялись въ общей массѣ. Вслѣдствіе всего выше- изложеннаго, армейское офицерство, не отличавшееся и само особенно широкимъ кругозоромъ, относи-

лось къ казачьимъ офицерамъ свысока, возбуждая къ себѣ непріязнь послѣдняго. Между тѣмъ кончилась Кавказская война, вся армія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казачьи части перешли на мирное положеніе и центръ тяжести службы перевѣсился съ боевой дѣятельности на подготовку къ боевой службѣ въ мирномъ положеніи: — практику смѣнила теорія.

Начальство, всегда смотрѣвшее на казачество, какъ на второстепенное воинство — нашло полезнымъ допустить къ службѣ въ казачьихъ строевыхъ частяхъ и армейскихъ офицеровъ, какъ болѣе знакомыхъ съ субординаціей, въ которыхъ оно видѣло главную основу военнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду, этой мѣрой поднять престижъ казачьяго офицерства, и сблизить его съ армейскимъ.

Надежды эти не оправдались и привели даже, пожалуй, къ нежелательнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что въ казачьи части шель далеко не лучший элементъ армейскаго офицерства, а тѣмъ, которымъ ничего больше не оставалось — либо выйти въ отставку, либо идти «въ казаки». Были, конечно, изъ этого исключенія, но они были очень и очень рѣдки. Своеобразно поняли эти армейскіе офицеры свободу казачества. Попадъ въ строевыя казачьи части, они прежде всего считали себя свободными отъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя налагала на нихъ прежняя служба. Небрежность, манкированіе службой, полное непониманіе и нежеланіе понять принятыхъ на себя обязанностей — были обыкновеннымъ явленіемъ среди нихъ. Кутежи и карточная игра, которая до того считалась среди казачества чуть не омерзительнымъ грѣхомъ — были обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ. Во всемъ чувствовалось полное разгильдяйство.

А между тѣмъ, чуждое казачеству Войсковое начальство видѣло въ нихъ просвѣтителей казачества и старалось отличать ихъ, правда, по возможности, на высшія ступени служебной іерархіи. Ближайшее-же, зная это, остерегалось быть къ нимъ слишкомъ требовательнымъ. Это породило разнь между офицерами въ частяхъ, которая поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что офицеры, переведенные изъ арміи, сохраняли свой армейскій окладъ содержанія, который въ первое время былъ выше содержанія казачьихъ офицеровъ. Выходило такъ, что кто служилъ не за страхъ, а за совѣсть, расцѣнивался дешевле. Отсюда дѣлается понятной та нетерпимость казачьихъ офицеровъ ко всякаго рода пришельцамъ въ ихъ среду, которая не была изжита окончательно даже до послѣдняго времени.

Терпи казакъ — Атаманомъ будешь.

Тѣмъ болѣе, что пришельцы эти относились нѣсколько свысока къ казакамъ.

Не лучшія отношенія установились у этихъ офицеровъ и съ рядовымъ казачествомъ, несмотря на всѣ способы, употребляемые ими для пріобрѣтенія популярности, способы, доходящіе до панибрательства. Попавъ въ среду совершенно имъ чуждую, они старались внѣдрить въ нее тѣ-же приемы и тотъ духъ, которые были для нихъ привычны въ предыдущей ихъ службѣ, не считаясь съ тѣмъ направлениемъ, которое господствовало съ давнихъ поръ въ средѣ новой ему обстановки, въ которой они являлись совершенно чужими людьми. Они приходили въ чужой монастырь со своимъ уставомъ. Прежде всего нужно отмѣнить ту разнь взглядовъ на службу, которая существовала между армейскими офицерами и казаками.

Въ арміи формализмъ имѣлъ преобладающее значеніе. Тамъ онъ оправдывался необходимостью спайки разнородныхъ элементовъ, попадавшихъ въ контингентъ ея пополненія. Его нужно было привести, что называется, къ одному знаменателю; при этомъ всякая мелочь, конечно, имѣла большое значеніе, какъ способъ подготовки къ согласованному дѣйствию массы. У казаковъ, съ малыхъ лѣтъ связанныхъ чувствомъ товарищества и взаимной выручки, такія подготовительныя требованія были совершенно излишни. Они давно имѣли свой общій знаменатель, и считали всякую формальность «пустяковой», не имѣющей никакого значенія къ боевой подготовкѣ. Въ концѣ концовъ и само начальство пришло къ заключенію, что назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части не очень-то полезно, такъ какъ они «незнакомы съ бытомъ казачества» — фраза, ничего, въ сущности, не выражающая и понимало вѣдь его и само начальство, въ большинствѣ чуждое казачеству, такъ какъ, несмотря на все это, — назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части продолжалось. Не имѣя другого фундамента для своего авторитета средъ казачества, офицеры эти опирались на свои чины и привилегіи у начальства и доходили, иногда, до полного безобразія.

Рядовое казачество если этого всего и не понимало, то чувствовало и, конечно, не могло имѣть особенной симпатіи къ нимъ. Если каждая строевая часть имѣла свои традиціи, хранителями которыхъ являются офицеры полка, то казачьи части, кромѣ того, имѣютъ еще и свои войсковыя традиціи, хранителями которыхъ являются всѣ офицеры войска. Какими же хранителями традицій будутъ эти чуждые войску офицеры, въ большинствѣ относящіеся не только свысока, но часто и съ пренебреженіемъ къ самому Казачеству?!

Въ общемъ итогъ, результаты всего этого оказались весьма плачевные, а именно:

1. Престижъ казачьяго офицерства не только не былъ поднятъ, но скорѣе понижился, такъ какъ назначеніе въ казачьи части регулярныхъ офице-

ровъ, оставшихся почему либо неудобными въ арміи, служило оправданіемъ пренебрежительнаго отношенія къ казакамъ.

2. Внѣдреніе регулярнаго элемента въ казачью среду раскололо офицерство на двѣ части: привилегированныхъ — регулярныхъ, и обыкновенныхъ — казачьихъ.

3. Отговало совершенно офицерство отъ рядового казачества, переставшаго чувствовать общность интересовъ.

4. Въ общемъ, — способствовало скорѣе ослабленію боевыхъ качествъ казачества, чѣмъ укрѣпленію ихъ.

Исправить все это выпало на долю Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища и нужно сознать, что оно прекрасно справилось съ этой задачей, давъ рядъ выпусковъ чудныхъ строевыхъ офицеровъ по отзывамъ строевого начальства.

Расширить контингентъ комплектованія корпуса офицеровъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, замѣнивъ ценъ проходенія въ строю цензомъ образовательнымъ, — Ставропольское училище дало возможность достигъ офицерскаго чина и рядовому казачеству, что прежде было невозможно, помимо боевого отличія. Училище, такъ сказать, демократизировало корпусъ офицерства. Казалось бы, что эта мѣра должна была бы увеличить разнь между армейскимъ и казачьимъ офицерствомъ, но ввиду такой же реформы комплектованія перваго, она, наоборотъ сближала ихъ, такъ какъ и въ среду армейскихъ офицеровъ попадали молодые люди разныхъ классовъ, сословій и состояній, которымъ нечѣмъ было особенно гордиться передъ казачествомъ. Это былъ первый и существенный шагъ къ ихъ сближенію. Казачество широко воспользовалось предоставленными ему правами и во все время своего существованія — училище никогда не было въ не-комплектъ своего штатнаго состава. Если первые абитургенты его были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, до имѣющихъ аттестатъ зрѣлости включительно, то уже со втораго года начали появляться молодые люди самостоятельно подготовившіеся къ экзамену на права вольноопредѣляющагося 3-го разряда, дающихъ право на поступленіе въ училище. Число такихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Пробывъ 7 лѣтъ въ Ставропольскомъ училищѣ въ качествѣ строевого офицера и преподавателя, по чистой совѣсти могу засвидѣтельствовать, что такого серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, такого усердія и любви къ нему, какое обнаруживали юнкера этого училища, — трудно не только встрѣтить, но и вообразить, не будучи очевидцемъ. Чему его приписать? Быть можетъ сознаніе однихъ, что они хватаются за послѣдній сучекъ для спасенія своей будущей жизни; честолюбіе другихъ — надѣть офицерскіе эполеты, о которыхъ только видѣлось во снѣ, какъ недостижимое достиженіе — судить не берусь, но фактъ остается фактомъ. Неудивительно, что училище, ежегодно

собирая свѣдѣнія о своихъ питомцахъ, получало отъ строевого начальства наилучшія аттестаціи о нихъ и онѣ не были безсознательными, какъ я могъ удостовѣриться потомъ, встрѣчая ихъ впоследствии на своемъ служебномъ пути. Были въ полкахъ офицеры и болѣе образованные, были «страдающіе большимъ доскомъ», но истинными труженниками, на которыхъ держалась строевая часть, какъ послѣ оказалось и боевая, были именно бывшіе юнкера Ставропольскаго училища. Обладая такими высокими качествами, они скоро вытѣснили пришлый элементъ и подняли престижъ казачьяго офицера на такую высоту, что въ казачьи части не стѣсняясь начали выходить не только изъ военныхъ училищъ, но даже и изъ Пажескаго корпуса.

Это былъ единственный путь, по которому, не будучи казакомъ, можно было попасть на службу въ казачьи части. Но это уже не были тѣ, какъ ихъ называло казачество, «московскіе казаки», которые видѣли традиціи казачества въ неряшливости, разгильдяйствѣ и въ постоянныхъ кутежахъ съ пѣніемъ «Мраво Джавіе», нарочно обрывавшіе свои новыя чековски, чтобы «висѣли стряпья» и тѣмъ же руками, раздирая шашлыкъ, увѣряя, что такъ онъ гораздо вкуснѣе. Это были еще не установившіеся юноши, попавшіе прямо со школьной скамьи въ среду казаковъ не потому, что некуда дѣваться, а по своему желанію и легко поддающіеся вліянію той среды, куда они попали. Уступая въ практическомъ знаніи строя, они превосходили послѣднихъ во всестороннемъ знаніи военного дѣла и были даже желательными въ строевыхъ казачьихъ частяхъ.

Боевое крещеніе юнкера Ставропольскаго училища получили въ войну 1877-78 г.г. Къ этому времени въ конныхъ частяхъ Кубанскаго войска уже почти не было офицеровъ, назначенныхъ изъ арміи. Ихъ занимала молодежь, выпущенная изъ Ставропольскаго училища, и замѣнила съ честью.

Мнѣ лично суждено было услышать оцѣнку дѣйствій кубанцевъ въ турецкую войну 1877 года. По установившемуся обычаю, всѣ фельдфебеля шефскихъ ротъ Военныхъ училищъ вмѣстѣ со своими командирами ротъ и начальниками училищъ на пер-

вый день Пасхи приносили поздравленія Государю Императору.

Въ 1878 г. Пасха приходилась на 16 апрѣля. Въ этомъ году былъ ускоренный выпускъ и производство совершилось въ день Пасхи. Вслѣдствіе этого приказано было фельдфебелямъ явиться для поздравленія въ офицерскихъ мундирахъ къ заутрени на Высочайшій смотръ, а въ 11 часовъ дня для по-

Школяры на Кубани въ одной изъ станицъ Войска въ 1910 году.
Справа, въ 4-мъ ряду, въ бѣлой папахѣ, Сотникъ В. Г. Науменко
— нынѣшній Кубанскій Войсковой Атамань.

здравленія въ Зимній дворецъ. Такъ какъ я былъ фельдфебелемъ шефской роты 3-го Александровскаго училища, то мнѣ пришлось стоять въ ряду предпослѣднимъ. За мною былъ только фельдфебель инженернаго училища, а вправо отъ меня фельдфебеля первыхъ двухъ училищъ, и за нами — наше начальство. Казакъ — фельдфебель шефной роты!.. Чуть ли не первый случай, какъ и то, что фельдфебеля представлялись въ офицерскихъ мун-

дирахъ. Представленіе происходило въ билліардной. Государь, выйдя изъ кабинета, окинулъ взоромъ представляющихся, невольно пріостановлся, увидя мой, рѣзко выдѣляющийся отъ прочихъ, мундрий.

— «Ага! Кубанецъ!» воскликнулъ онъ и, затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, прибавилъ: «А молодцами они показали себя въ эту войну». Послѣ чего началъ христосоваться съ праваго фланга.

Послѣдняя міровая война застала уже только остатки бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища, въ большинствѣ случаевъ на отвѣтственныхъ должностяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли не только высшихъ чиновъ въ военной іерархіи, но и прошли курсъ академіи генеральнаго штаба.

Будущее дастъ оцѣнку ихъ доблести въ эту войну, такъ какъ въ настоящее время, благодаря общей разрухѣ, трудно подвести итогъ, но нѣкоторые факты, какъ напримѣръ взятіе первыхъ орудій противника сотней 1-го Линейнаго полка подъ командой, нынѣ полковника, Тихоцкаго, питомца Ставропольскаго училища, особое отличіе баталіона пластуновъ, которымъ командовалъ полковникъ Зиниковскій, также Ставропонецъ, за что оба были награждены высшей военной наградой — орденомъ Св. Георгія 4-й ст., а баталіонъ получилъ Георгіевское знамя. Наконецъ, блестящія дѣла Кубанской пластунской бригады, которой командовалъ генеральнаго штаба ген.-маіоръ, нынѣ ген.-лейт. И. Е. Гулыга — свидѣтельствуютъ, что таившаяся въ груди питомцевъ Ставропольскаго училища искра бывшихъ доблестей старыхъ казаковъ, вспыхнула яркимъ пламенемъ, озарила сѣдыя знамена, свидѣтелей прежней славы и подвиговъ Кубанцевъ.

Не чужды оказались юнкера Ставропольскаго училища и литературному, собственно, военно-историческому труду своего Войска. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ нынѣ ген.-маіоромъ Толстовымъ, юнкеромъ выпуска 1879 года. Сolidный и основательный трудъ его «Исторія Хоперскаго полка» — первый камень, вложенный въ фундаментъ Военной исторіи Кубанскаго Войска, которая до него не разрабатывалась, отдѣляясь иногда только собираніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

Генеральнаго штаба ген.-маіоръ Гулыга, юнкеръ Ставропольскаго училища выпуска 1878 года издалъ прекрасный трудъ, посвященный Наслѣднику Цесаревичу, «Исторія Полтавскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска», талантливо изложенная и роскошно издана. Отъ него же ожидается довольно цѣнный трудъ о дѣйствіяхъ пластунскихъ бригадъ въ міровую войну. Нужно ожидать, что это будетъ дѣйствительно дорогой вкладъ въ литературу по военной исторіи не только Кубанскаго войска, но и вообще по исторіи прошлой войны.

Юнкеръ Ставропольскаго училища болѣе позднихъ выпусковъ, нынѣ полковникъ Тихоцкій, первый кавалеръ св. Георгія 4-й степени Кубанскаго

Войска и, если не ошибаюсь, всей Русской арміи прошлой войны, для ознакомленія сербовъ съ боевой дѣятельностью Кубанскихъ казаковъ, выпустилъ нѣсколько брошюръ на сербскомъ языкѣ о нѣкоторыхъ эпизодахъ дѣйствія 1-го Линейнаго полка Кубанскаго Войска, въ которомъ онъ служилъ, и готовитъ на русскомъ языкѣ трудъ о дѣйствіяхъ этого полка въ теченіе всей войны. Этотъ даровитый офицеръ не пропускаетъ случая, чтобы возможно шире популяризировать родное ему Войско, дѣлая доклады въ офицерскомъ собраніи и помѣшая ихъ въ мѣстной періодической печати.

Ему — же, этому «безпокойному» полковнику, принадлежитъ и мысль сгруппировать бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища здѣсь, за рубежомъ родины.

Выбравъ удобный моментъ, онъ сдѣлалъ кличъ и дружно откликнулись на его призывъ Ставропольцы, ряды которыхъ сильно порѣдѣли за время міровой и гражданской войны. Въ этомъ дружномъ откликѣ сказалась вся любовь къ своему старому, уже разоренному гнѣзду, изъ котораго вылетѣли молодые орлята. Въ немъ выразился старый завѣтъ казачьяго чувства товарищества и взаимной выручки, какъ основа всѣхъ доблестей. Но, казалось бы, что учрежденіе, принесшее Кубанскому и Терскому войскамъ неоцѣненные услуги въ дѣлѣ подбора офицерскаго состава, и вселившее такую любовь къ себѣ, что и сейчасъ его питомцы съ любовью вспоминаютъ о немъ, должно бы пользоваться вниманіемъ со стороны этихъ войскъ, между тѣмъ тогдашніе Войсковые Начальники этихъ войскъ держали себя совершенно въ сторонѣ отъ училища, какъ будто оно рѣшительно не касалось ихъ. Я не знаю ни одного случая, чтобы Атаманы этихъ войскъ или ихъ начальники штабовъ посѣтили училище и заинтересовались постановкой дѣла въ немъ. По крайней мѣрѣ за всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ училищѣ только одинъ разъ посѣтилъ его начальникъ Войскаго штаба Кубанскаго войска генеральнаго штаба полковникъ Залѣсскій и то, вѣроятно, только потому, что самъ онъ былъ кубанскій казакъ и назначался командиромъ Закаспійской казачьей бригады. Ему, конечно, интересно было ознакомиться съ тѣмъ учрежденіемъ, откуда онъ будетъ получать офицеровъ въ свою бригаду. Атаманы, видимо, считали это излишнимъ любопытствомъ для себя.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что когда пришло время о закрытіи окружныхъ юнкерскихъ училищъ, считавшихся временной мѣрой и перестройки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ военныя училища, — Ставропольское училище было закрыто безъ всякаго протеста со стороны Наказныхъ Атамановъ Кубанскаго и Терскаго войскъ: — вѣдь они не знали ни самаго училища, ни его питомцевъ, ни степени ихъ подготовкы. Для нихъ училище было — «шморгонская академія», а можетъ ли быть что-либо хорошее изъ такого учрежденія? Быть мо-

жетъ было бы иначе, если бы они видѣли, какъ на дѣлѣ поставлена была эта подготовка.

Какого не высокаго мнѣнія былъ атаманъ Кубанскаго войска о своихъ офицерахъ, могу указать на слѣдующій фактъ. Не помню только въ какомъ году, не то въ 1903, не то въ 1902 году, было рѣшено сформировать одинъ или два конныхъ полка изъ горцевъ Кубанской и Терской области. Возникъ вопросъ: какихъ офицеровъ назначить. Горцы просили казачьихъ. Были запрошены по этому поводу атаманы. Не знаю, что отвѣтилъ Терскій атаманъ, но Кубанскій, ген. штаба ген.-майоръ Малама далъ такой отвѣтъ: «Считаю казачьихъ офицеровъ элементомъ непригоднымъ. Для этого было бы болѣе надежнымъ дать офицеровъ регулярной кавалеріи». Почему онъ считалъ казачьихъ офицеровъ «непригоднымъ элементомъ». — было извѣстно только ему одному, такъ какъ въ отвѣтъ никакой мотивировки этого мнѣнія не было. По роду же службы, предполагаемые полки намѣревались причислить къ числу казачьихъ, удержавъ въ нихъ всѣ казачьи особенности и по строю, и главное, — по ѣздѣ. Въ видѣ опыта въ Терскомъ войскѣ былъ сформированъ Осетинскій дивизионъ. Сколько туда вошло казачьихъ офицеровъ? — не знаю, но во главѣ его былъ поставленъ подполковникъ фонъ-Кубе. Вѣроятно, опытъ оказался удачнымъ, т. к. дивизионъ этотъ былъ вскорѣ расформированъ. Въ этомъ примѣрѣ нельзя не видѣть того отрицательнаго отношенія къ своимъ офицерамъ наказныхъ атамановъ, чуждыхъ казачеству. Могли ли они способствовать поднятію престижа казачьихъ офицеровъ? И особенно странно было такое отношеніе со стороны генерала Маламы, который раньше былъ начальникомъ штаба Кубанскаго войска и которому были извѣстны отзывы дивизионныхъ комиссій строевого начальства и ордера инспекторовъ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Если съ теченіемъ времени взгляды на казачьихъ офицеровъ во многомъ измѣнились къ лучшему, то этимъ мы обязаны всецѣло самимъ себѣ и тому учрежденію, въ которомъ они получили подготовку, а не какъ не старанію ихъ войскового начальства. Поддержки въ немъ они не встрѣтили.

Наказные атаманы, начальники войсковыхъ штабовъ, назначаемые со стороны, часто незнакомые ни съ бытомъ, ни съ законоположеніями казачества, въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на свое назначеніе, какъ на переходную ступень для устройства своей карьеры, въ лучшемъ случаѣ смотрѣли совершенно безразлично на всякіе эксперименты, происходившіе въ подчиненныхъ ему казачьихъ войскахъ, или какъ на упражненіе въ своихъ административныхъ способностяхъ, мало считаясь съ интересами войска, и скорѣе въ ущербъ идею казачества, считая его уже пережиткомъ прошлаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи и вопросъ о существованіи Ставропольскаго училища, съ которымъ они рѣшительно не были знакомы, мало интересовалъ ихъ и съ легкимъ сердцемъ они допустили его закрытіе. Удержать его было очень легко, такъ какъ содержаніе его казифъ ничего не стоило. Три четверти бюджета ложилось на Кубанскую войсковую казну, а четверть — на Терскую.

Штатный составъ офицеровъ строевыхъ казачьихъ частей былъ еще далеко не полнымъ. Правда, части первой очереди могли быть укомплектованы до полнаго штата, но во 2-й очереди, за вычетомъ должностныхъ лицъ штаба полка, на сотню приходилось только по одному офицеру, а для 3-й очереди — запаса, можно сказать, никакого, ибо десятка два или три состоящихъ по войску, включая въ нихъ и отставныхъ, годныхъ къ призыву, нельзя считать запасомъ для 33 полковъ Кубанскаго Войска. Такъ обстояло дѣло въ 1891 году, когда я завѣдывалъ мобилизационнымъ отдѣленіемъ Кубанскаго войскового штаба. Не думаю, чтобы въ теченіе 4—5 лѣтъ, оставшихся до закрытія училища, дѣло значительно измѣнилось. Между тѣмъ, главной причиной закрытія Ставропольскаго училища было указано заполненіе штатовъ офицеровъ строевыхъ частей войска. Но главная причина была не въ этомъ, о чемъ я скажу въ слѣдующемъ очеркѣ Ставропольскаго училища.

Генеральнаго Штаба,

Генераль-Лейтенантъ Кокунько.

1-й Кавказскій полкъ

и этимъ завершили окончательное покореніе

русскому оружію полудикаго Туркестанскаго края. Съ этого года, весь полкъ, перекинутый изъ Закавказья, былъ сосредоточенъ въ Туркестанѣ и оставался въ немъ безсмысленно вплоть до Великой войны 1914 года, занимая отдѣльными сотнями далекіе пограничные рубежи — далекую южную границу Русскаго государства.

Передъ войною полкъ занималъ: Двѣ сотни со

штабомъ полка въ г. Мервѣ. Двѣ сотни въ крѣпости Кушка (самый южный пунктъ Россіи). Одна сотня въ урочище Тахта - базаръ и одна сотня на посту Пуль - и - Хатумъ (по казачьи «пали - хатунъ»), идѣ весь постъ составляли — казарма для сотни съ офицерскими пристройками, да сотенная конюшня. Вотъ и все. А кругомъ, на десятки верстъ — мелкіе посты пограничной стражи да жгучій песокъ...

Съ 1-мъ Таманскимъ полкомъ, 4-ю Кубанскою Казачьею батареєю и Туркменскимъ коннымъ дивизиономъ — 1-й Кавказскій полкъ составлялъ «Отдѣльную Закаспійскую Казачью бригаду», въ составъ которой и выступилъ на Кавказскій фронтъ. Туркменскій дивизионъ, чтобы не воевать противъ своихъ же единовѣрцевъ — отправленъ былъ на Западный фронтъ

По мобилизации, полкъ впервые собрался въ г. Мервѣ и 25-го августа выступилъ на Кавказъ, пробовавъ безсмѣнно въ Туркестанѣ 33 года.

Прорѣзавъ парохдами Каспійское море — загѣмъ черезъ Баку-Тифлисъ — 2-го сентября полкъ перешель русско-турецкую границу у с. Шахтахты (возлѣ Джульфы) и 8-го сентября, всю бригадою, сосредоточился въ г. Маку (центръ Макинскаго ханства), войдя въ составъ Макинскаго отряда. Полкъ возглавлялъ Терскаго Войска Полковникъ Д. А. Мигузовъ. По объявленіи Турціей военныхъ дѣйствій противъ Россіи — 19-го октябрю полкъ, съ боемъ, перешель Персидско - Турецкую границу у села Базыргянъ (южнѣе и въ непосредственной близости горы Араратъ) и занялъ рядъ курдинскихъ сель. 22-го октября полкъ занялъ крѣпость Баязетъ, войдя въ непосредственную связь съ авангардомъ Эриванскаго отряда генерала Абациева (2-я пластунская бригада Генерала Гулыги и сотня 3-го Кавказскаго полка), наступавшаго со стороны Игдыря. Развивая движеніе — полкъ прошелъ долиною черезъ пункты Диадинъ, Ташлы-чай-Суфла и къ ноябрю мѣсяцу былъ оттянутъ обратно къ Баязету, занявъ село Диза, что къ югу отъ него и передъ Топоризскимъ переваломъ, лежащаго у самаго истока библейской рѣки Ефрата.

Угроза паденія Сары-Камыша вызвала спѣшную переброску полка въ этомъ направленіи по государственной территоріи, но дойдя до Александрополя — полкъ былъ вновь возвращенъ въ с. Диза, такъ какъ турки были разбиты и плѣнены.

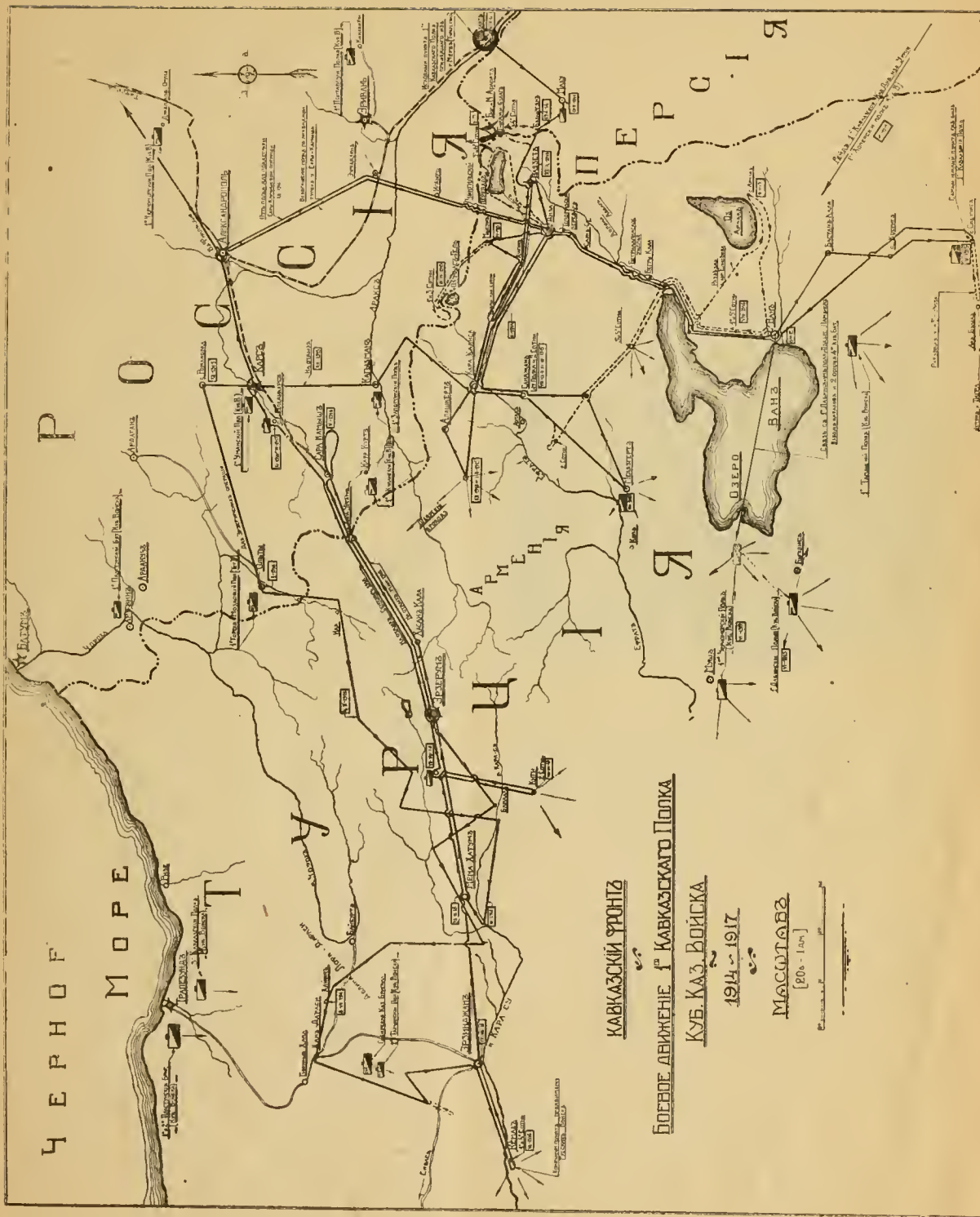
На усиленіе авангарда Эриванскаго отряда — полкъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года, вошелъ въ Алашкертскую долину, останъ зился въ ней и своими разѣздами проходилъ знаменитый Даярскій проходъ (коварное ущелье), соединяясь съ Кубанскими полками, дѣйствовавшими со стороны Сары-Камыша. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года — полкъ вновь былъ оттянутъ къ Баязету (село Мысунъ) и въ концѣ апрѣля, войдя въ составъ Араратскаго отряда (Закаспійская Казачья бригада, Кавказская Конно-горная батарея и Армянскія національныя дружины —

Дро, Амазаспъ, Керн) и, — когда въ долинахъ росла трава и цвѣли фруктовыя деревья, — онъ, рубя снѣжные завалы на подоблачной высотѣ — занялъ и прошелъ знаменитый Топоризскій переваль, а спустившись въ дикую, плѣнительную своею первобытностью, травами и родниками, долину Аббага — разметалъ курдовъ. 23-го апрѣля у с. Саукъ-су («холодная вода») впервые одна сотня полка (3-я, Подъесаула Маневскаго) была брошена въ конную атаку на курдовъ. Послѣдніе ее не приняли и разсѣялись въ горныхъ скважинахъ. Продвигаясь вглубь Турецкой Арменіи — полкъ прошелъ 20-ти верстное Бегри-Калинское ущелье и 6-го мая 1915 года занялъ городъ Ванъ. На перерѣзъ войскамъ Халиль-бей, разбитымъ и отступающимъ отъ г. Сарая — полкъ былъ брошенъ далѣе на югъ. 17-го мая у с. Косриктъ, столкнувшись съ правою колонною Халиль-бейскихъ войскъ — полкъ велъ упорный дневной бой съ ними и къ ночи занялъ село.

Въ іюнѣ полкъ достигъ горныхъ кряжей у с. Сикунисъ, гдѣ уже начинался районъ православныхъ айсоровъ и сильнымъ разѣздомъ въ 30 коней хорунжаго Елисеѣва — достигъ Акъ-Булаха («бѣлый родникъ») — истока 2-ой библейской рѣки — Тигра и въ кристальной чистотѣ его истока — напоилъ своихъ коней.

Ушедшій изъ-подъ Сарая, Халиль-бей сосредоточилъ свои силы у Битлиса и рѣзкимъ кулакомъ ударилъ въ направленіи на Кара-Килису («черная церковь»), что въ Алашкертской долинѣ, занялъ ее и своими разѣздами достигнулъ даже русской государственной границы и полкъ, очищая лѣвый флангъ русскаго расположенія — вновь отошелъ къ Баязету по старымъ своимъ побѣдоноснымъ маршрутамъ. Видя успѣхъ — въ глубокомъ тылу, на склонахъ Большого Арарата, зашевелились неугомные кочевники - курды. Для усмиренія — туда были брошены двѣ сотни полка (3 и 6-я). 23-го августа, на склонахъ Большого Арарата, у с. Шейхъ-Али, 3-я сотня попала въ засаду и понесла замѣтный уронъ: смертельно раненъ Командиръ сотни, Подесаулъ Лыпиковъ и убитъ вахм. сотни, знаменитый джигитъ, Подхорунжий И. М. Дубина. Съ цѣлымъ десяткомъ раненыхъ казаковъ сотня спустилась внизъ. Въ слѣдующіе дни — курды были покараны жестоко.

Вновь продвигаясь въ Алашкертскую долину и съ сосредоточенными русскими войсками — полкъ отгѣснилъ турокъ къ озеру Ванъ, занявъ г. Мелязгертъ, а 2 сотни, обогнувъ озеро съ востока — вторично вошли въ г. Ванъ. Цвѣтущій богатствомъ, зеленью и многонаселенностью — городъ Ванъ былъ почти полностью разрушенъ ужъ теперь. Вначалѣ армяне сожгли всю турецкую половину города, а турки, занявъ его вновь — сожгли потомъ армянскую часть и отъ понстинѣ прекраснаго райскаго города — остались одни обуглившіеся развалины...

ЧЕРНОЕ
МОРЕ

КАВКАЗСКИЯ
ПЕРСИЯ

АРМЕНИЯ

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТЪ
БООЕВОЕ ДВИЖЕНІЕ 1го КАВКАЗСКАГО ПОЛКА
КУБ. КАЗ. ВОЙСКА

1914 - 1917

МАШТАБЪ
[1:200,000]

Вновь раскинув сотни на десятки верст — штаб полка съ 2-мя сотнями съ августа по декабрь 1915 года оставался въ селѣ Санжанъ. Въ этомъ селѣ и появилась впервые Кубанская плачь-молитва — «Ты, Кубань, Ты наша Родина», ставшая въпослѣдствіи Войсковымъ гимномъ. Здѣсь бригада, со влітѣмъ въ нее третьеочередныхъ полковъ — Линейнаго, Екатеринодарскаго и 6-й Кубанской Казачьей батареи — развернулась въ 5-ю Кавказскую Казачью дивизию.

Истрепанный и надорванный боями и походами — полкъ былъ оттянутъ черезъ Кагызманъ и Карсъ въ молоканское село Романовку въ послѣднихъ чис-

Группа г.г. офицеровъ и казаковъ 3-й и 5-й сотенъ 1-го Кавказскаго полка въ Турціи, въ с. Санжанъ, въ 1915 г., въ день Войскового праздника. Въ черескахъ слѣва на право: Есаулъ Успенскій (братъ умершаго Войскового Атамана), Хорунжий Елисеѣвъ, Сотникъ Дьячевскій (умеръ въ Соловахъ) и Корнетъ Чумаковъ. † (Снимокъ найденъ во французскомъ журналѣ за 1915 годъ).

лахъ декабря мѣсяца 1915 года, но простоявъ всего нѣсколько дней — былъ слѣшно перебросень черезъ г. Ольты опять въ Турцію, въ г. Иды и вошелъ въ составъ своего 2-го Турестанскаго корпуса.

Послѣ взятія форта Тюбекъ, запиравшаго выходъ въ Эрзерумскую долину — полкъ обходною конною колоною (Закаспійская и Сибирская казачьи бригады) спобствоваль взятію крѣпости Эрзерумъ, алвшаго 4-го февраля 1916 года. Не заходя въ Эрзерумъ — полкъ рывками прошель до г. Мема-Хатумъ, недоходя котораго, конною атакою въ одинъ конь у с. Тузла, отрѣзаль отступающую колону турокъ и плѣнилъ ее съ 2-мя орудіями. За эту атаку, командиръ головной 1-й сотни подъесаулъ Алферовъ, казакъ станицы Урупской, былъ награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

Изъ Мема-Хатума полкъ былъ оттянутъ на за-служенный отдыхъ къ Сары-Камышу, куда и прибылъ къ маю мѣсяцу. Дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ въ глубь Турціи вызвали на фронтъ вновь Кавказцевъ, и онъ подошелъ къ Эрзеруму. Здѣсь къ нему прибылъ новый командиръ полка, знаменитый Полковникъ Эль-Мурза Асламбековичъ Мистуловъ, казакъ изъ осетинъ - мусульманъ Терскаго Войска, который, слѣзая съ сѣдла только на ночь — конными бросками-атаками, вторично занялъ Мема-Хатумъ 28-го іюня и пересѣкши рядъ горныхъ кряжей и долинъ — 10-го іюля занялъ узловой центръ шоссеиныхъ дорогъ — Ханъ-Дараси. Слустившись къ югу и соединившись вновь съ безумно - доблестной и неутомимой бригадой Сибирскихъ казаковъ — перерѣзаль шоссе Эрзинджанъ - Сивасъ и 17-го іюля 1916 года занялъ г. Эрзинджанъ. 2 сотни полка (1-я и 4-я), брошенные на западъ — заняли небольшой городокъ Кемахъ, что въ 60 верстахъ отъ Эрзинджана. Это былъ послѣдній и самый дальній пунктъ, гдѣ были русскія войска въ Турціи. Весь августъ и часть сентября полкъ простоялъ возлѣ Эрзерума, смогшій выдѣлнить только 2 сборныхъ сотни на мало-мальски приличныхъ лошадахъ на югъ, въ село Киги и къ октябрю мѣсяцу, полкъ въ полномъ своемъ истощеніи и надорванности конскимъ составомъ — обезсиленный и обтрепанный — оттянутъ былъ вновь къ Карсу, расквартировавшись по молоканскимъ селамъ, имѣя штабъ полка съ 4-мя сотнями въ с. Влади-Карсъ. Здѣсь его и застала революція. Доблестный Мистуловъ за нѣсколько мѣсяцевъ привелъ полкъ въ блестящій и омоложенный видъ и, получивъ высшее назначеніе — выѣхаль на Западный фронтъ.

Полкъ вр. принялъ его помощникъ — Войсковой Старшина, Калугинъ. Революціонное начало пѣхотныхъ частей въ Сары-Камышѣ «ударило» полкъ по его основѣ: солдатами былъ арестованъ самъ Командующій полкомъ, 3 командира сотни и 3 младшихъ офицера. Казаки, въ своей робкой безпомощности передъ разбушевавшейся солдатской стихіей — не отстояли своихъ офицеровъ... Неискусные въ политикѣ — они были словно дѣти средь моря волнъ, въ своей маленькой полковой казачьей ладѣ.. и вихрь разрушенія, налетѣвъ на нихъ шкваломъ — поколебаль и ихъ... Присяга Вр. Правительству предъ полковымъ штандартомъ — уже ни говорила ни сердцу ни уму каждому изъ нихъ... Полкъ раскисаль...

Въ первыхъ числахъ мая 1917 года вся дивизія неожиданно была перебросена въ Финляндію, совершивъ отъ Царичына до Рыбинска водный путь по Волѣ. Въ іюнь полкъ былъ подѣ Двинскомъ, но не противъ нѣмцевъ, а разоружаль свои же большевизанствующие пѣхотные полки, и въ іюль — вновь вошелъ въ Финляндію. Волна развала арміи катилась и катилась и 21-го декабря 1917 года полкъ первымъ своимъ эшелономъ прибылъ на

Кубань, въ родные края, закончивъ свой долгій и, какъ оказалось, ненужный путь войны...

Трубачъ 2-й сотни урядникъ Ильинъ, передъ строемъ 20-ти казаковъ, выстроенныхъ верхами противъ церкви на площади станицы Кавказской, скучно и одиноко протрубилъ: «подъ - штандартъ». Командиръ 2-й сотни грустно и одиноко внесъ свою полковую святыню, своей Георгіевскій штандартъ въ станичную церковь, прикрѣпилъ его у пѣвческаго клироса, и склонился передъ нимъ въ послѣдній разъ... Скучно и одиноко, съ пустотою въ душѣ, разѣхались казаки по своимъ станицамъ... Что будетъ дальше — никто, конечно, тогда толкомъ ничего и не зналъ.

25-го февраля въ Кавказскомъ полковомъ округѣ укрѣпилась власть совѣтовъ и полку приказано демобилизоваться и сдать оружіе. Ужъ отрезвленные анархіей въ станицахъ — казаки не расходились и на грозный ультиматумъ отдѣльскаго комиссара Одарюка — «сдать оружіе и разойтись» — 19-го марта возстали противъ красной власти, но 23-го марта были уже разбиты и въ жуткой растерянности — сдались и сложили оружіе. Главныхъ зачинщиковъ изъ видныхъ стариковъ станицы Кавказской — красные въ тотъ же день разстрѣляли...

Въ этотъ день, 23-го марта 1919 года, фактически прекратилось вѣковое существованіе полка, начавшееся 14-го октября 1803 года. Но... исторія такъ рѣзко не кончается. Мобилизованные краснымъ командованіемъ пять присягъ молодыхъ казаковъ, не желая драться противъ своихъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1918 года, ночью оставили лагерь на р. Челбасы и степями пробились въ Донскую область, гдѣ крѣпилась Русская добровольческая армія и Кубанскій Войсковой центръ со своими полками. Изъ этихъ казаковъ тамъ же и сразу же былъ составленъ 1-й Кавказскій полкъ, который, черезъ Ставрополь, Сальскія и Астраханскія степи, въ дивизіи историческаго Бабіева, дошелъ до Царицына, участвовалъ во взятіи его и переброшенный на паромахъ за Волгу, въ направленіи къ Уральскому Войску — лилъ кровь и тамъ въ степныхъ бурунахъ... Рѣки крови и слезъ Казачьяго народа за освобожденіе поруганной страны Великой — не оправдали ихъ надеждъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1920 года, Кавказская бригада (1-й и 2-й полки) со всею Кубанскою Арміею, испила полностью и до дна трагедію родного Войска: Тщетно казаки ждали паромовъ изъ Крыма, вглядываясь въ синеву морской дали... Ихъ они такъ и не дождались и оба полка, со всѣмъ офицерскимъ составомъ, въ рядахъ мученически зародившейся молодой Кубанской Казачьей Арміи — капитулировали передъ красными... А ихъ полковой штандартъ, полученный 13-го октября 1878 года за взятіе Девебойненской позиціи у крѣпости Эрзерумъ въ 1877 году — еще 3-го марта у окраины станицы Пашковской, слѣдуя съ обозомъ — былъ выхваченъ на-

тѣвшей конницей красныхъ и съ кощунственной руганью — брошенъ въ капаву...

Кавказскій полкъ вышелъ изъ Екатеринославскаго Казачьяго Войска, сформировавшись на слободской Украинѣ въ 1788 году для войны противъ турокъ, но 5-го іюня 1796 года Екатеринославское Войско было уже упразднено. Казаки, не пожалѣвшие стать крестьянами, подали прошеніе въ государственный сенатъ о сохраненіи за собою своего Казачьяго положенія и съ переселеніемъ ихъ на Кубань. Главою этого движенія былъ казакъ Козьма Рудовъ. 16-го октября 1801 года Императоръ Александръ 1-й утвердилъ это ходатайство и осенью 1802 года полкъ на собственный счетъ, съ пожитками и семьями переселился на Кубань, раскинувшись по рѣкѣ между Черноморскимъ Войскомъ и Кубанскимъ полкомъ, образовавъ собою 4 станицы возлѣ уже существовавшихъ тамъ редутовъ, поселившись:

у Ладожской	232 семьи
у Тифлиской	181 »
у Казанской	223 »
у Темнузбекской	226 »

а всего 3.277 душъ м. пола,

назвавъ свои станицы этими же именами и образовавъ собою пяти-сотенный конный полкъ — «Кавказскій». Годныхъ къ службѣ оказалось 1.106 казаковъ, престарѣлыхъ — 586 и малолѣтнихъ — 1.505. Въ 1804 году изъ Харьковской губерніи было переселено еще 311 душъ м. п. и поселили Воронежскую станицу. Она выставила отъ себя 5 сотню, т.е. каждая станица выставила отъ себя конную сотню казаковъ.

14-го октября 1803 года, инспекторъ Кавказской кавалеріи, генераль - лейтенантъ Шепелевъ донесъ Командующему войскамъ въ Грузіи, князю Цицианову, что Кавказскій полкъ принялъ свое формальное существованіе и, по своему казачьему обыкновенію, въ его присутствіи, выбралъ среди себя офицеровъ. Первымъ командиромъ полка былъ избранъ старикъ есаулъ Гречишкинъ. Въ каждой сотнѣ были избраны: одинъ сотникъ, два квартирмистра и два хорунжихъ. Каждый казакъ долженъ былъ имѣть: 2 лошади (верховую и вьючную), ружье, пикъ, пистолетъ и шашку. За порохомъ и свинцомъ немедленно были командированы приѣмщики въ крѣпость Георгіевскъ (Терск. обл.). Штабъ-квартира полка помѣстилась въ станицѣ Тифлиской. Есаулъ Гречишкинъ былъ старикъ и совершенно неграмотный, почему, несмотря на его заслуги и авторитетъ, въ скоромъ времени его змѣнилъ уже по назначенію — Волгскаго Войска Войсковой Старшина Усковъ и еще были присланы старшины изъ Хоперскаго и Кубанскаго полковъ, уже давно укоренившихся на этой линіи. Гречишкинъ былъ назначенъ полковымъ Есауломъ.

Когда проведена была желѣзно - дорожная линія Новороссійскъ — Кавказская — благодарное потом-

ство Кавказцевъ увѣковѣчило память своего перваго Командира Есаула Гречишкина, назвавъ желѣзнодорожную станцію у станицы Тифлисской — «Гречишкино».

Съ этого года и началась новая боевая эра казакъ въ Кавказскаго полковаго округа, полна лишений и невзгодъ безъ конца сдобриваемыхъ кровью и слезами... Достаточно сказать, что станицы раскинулись у самой Кубани, на ея правомъ берегу, служащей границей между ними и воинственными горцами и были обнесены валомъ, и имѣли выходныя ворота, которыя на ночь запирались и население выѣзжало въ степь на работу одновременно, ночевать тамъ не могло, такъ какъ рыскающіе черкесы забирали все въ плѣнъ и даже ночью въ станицахъ — повозками забаррикадировали главную улицу у воротъ, на случай прорыва черкесовъ черезъ нихъ. Вся жизнь складывалась на манеръ военного поселенія, подчинено строевому начальству и когда даже выѣзды въ поле или за водою на Кубань — дѣлался по сигнальной трубѣ и порою — подъ эскортомъ коныхъ казакъ. А о томъ, что казакъ работать въ полѣ или въ своемъ виноградникѣ, имѣя заряженную берданку подъ рукою — такъ это было естественное явленіе!..

Въ этихъ станицахъ до сихъ поръ есть казаки, своимъ внѣшнимъ видомъ похожіе на черкесовъ. Это все результатъ долгаго нахожденія въ плѣну у нихъ, гдѣ казакъ изъ плѣнника постепенно превращался въ мѣстнаго жителя аула, женившись потомъ на черкешкѣ и когда было полное съ ними замиреніе — вдругъ возвращался домой, да еще съ цѣлымъ семействомъ очеркешенныхъ казачатъ отъ черкешенки матери и котораго въ станицѣ давно уже считали погнбшимъ.

Въ борьбѣ съ черкесами — кровь, разореніе жилищъ, поджегъ имущества, угонъ скота, увозъ полезныхъ плѣнныхъ — былъ узаконеннымъ финаломъ набѣговъ съ обѣихъ сторонъ. Пошады, милосердія — не было. Сотникъ Гречишкинъ, съ 50 тью казаками, выброшенный на развѣдку къ Зеленчуку въ 1829-омъ году и, попавши въ засаду къ своему же кунаку (пріятелю) Джембулату Айлекову — былъ полностью имъ уничтоженъ, да такъ что въ изрубленныхъ тѣлахъ нельзя было никого и опознать, почему ихъ и похоронили въ общей могилѣ, сложивъ вмѣстѣ отрубленные головы, руки, ноги...

То они встрѣтились — въ бою. — Таковъ законъ борьбы тогдашней — быть или не быть. А плѣнъ — позоръ и рабство.

Кромѣ порубежной войны съ горцами полкъ, въ полномъ своемъ составѣ участвовалъ въ экспедиціи въ 1809 году на Большой Зеденчукъ и въ 1810 г. — на Курджинскъ, что за г. Майкопомъ и самое дѣятельное участіе принялъ при покореніи Западнаго Кавказа.

Въ 1813 году изъ пяти-сотеннаго, полкъ развернулся въ восьмисотенный.

Въ 1816 году станція Усть-Лабинская была изъ

Запорожская сторожевая вышка въ с.ели. (Прототипъ Кубанской вышки времяя Кавк. войны съ горцами).

Кубанскаго (донскіе казаки) перечислена въ Кавказскій полкъ, а Темижбекская — въ Кубанскій.

Въ 1831 году была введена форма одежды по образцу черкесской.

Въ 1832 году всѣ полки Кавказской линіи сведены были въ Кавказское линейное Казачье Войско, куда вошли и Кавказцы.

Начиная съ 1794 года, подъ оплотомъ заселенія Кавказской линіи казачьими станицами — съвернѣе ихъ, прелычаемые вольными землями, селились мелкія крестьянскія села, которыя, разросшись, — въ 1833 году, для усиленія казачьихъ полковъ, были обращены въ станицы и переведены на казачье положеніе. Въ наше время бывшихъ крестьянъ не узнать. За 75 лѣтъ они настолько ассимилировались, что наѣзники изъ нихъ выходили сплошь и рядомъ, и казачій край для нихъ сталъ также дорогъ, какъ и всѣмъ. Они въ немъ обрѣли свою новую родину — казачью отчизну.

Въ послѣдніе годы существованія полка — его комплектовали станицы, составляя Кавказскій полковой округъ: Тифлисская, Казанская, Кавказская, Темижбекская, Расшеватская, Дмитріевская, Ильинская,

Успенская, Новолокинская, Новопокровская, Терновская, Тихорѣцкая, Архангельская, Ново-Хоперская, Ново-Алексѣевская.

Окружная (и отдѣльская) станица была Кавказская, гдѣ расквартированы были — управленіе отдѣла и штабы льготныхъ полковъ и баталіоновъ, и былъ военный арсеналь въ крѣпости время Суворова. Кавказская поселена одна изъ первыхъ станицъ на Кубани въ 1792 г., донскими казаками — старовѣрами и возлѣ которой произошли событія — бунтъ 3-хъ Донскихъ полковъ, не желавшихъ послѣ службы селиться на новыхъ мѣстахъ. Ихъ все же поселили.

Въ 1845 году полкъ, развернувшись, составилъ первую бригаду (1-й и 2-й Кавказскіе полки) Кавказскаго линейнаго казачьяго Войска. Въ 1861 г., 6 бригадъ Линейнаго войска — въ порядкѣ номеровъ — Кавказская, Лабинская, Урупская, Кубанская, Ставропольская и Хоперская — были соединены съ Черноморскимъ казачимъ Войскомъ и образовали единое Кубанское Казачье Войско. Ввиду новаго войскового формироваія, Кавказскій полкъ былъ названъ «11-ый» конный полкъ Кубанскаго казачьяго Войска, такъ какъ Черноморское Войско имѣло полки нумерные, числомъ 10-ть, и онъ какъ ближайшій, зачисленъ одиннадцатымъ.

Въ 1870 году, вновь ввиду новаго Войскового перестроенія, онъ названъ былъ «Кавказскимъ».

Въ 1882 году, какъ и всѣ полки Войска — Кавказскій полкъ составилъ 3 очереди.

Въ 1894 году по новому Положенію въ Войскѣ, названъ «1-мъ Кавказскимъ».

Въ 1910 году полкъ получилъ шефство и сталъ называться: «1-й Кавказскій Намѣстника Екатеринославскаго, Генераль - Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска».

Полкъ имѣлъ награды:

1. Георгіевскій полковой штандартъ — за отличія въ Турецкую войну и въ дѣлахъ противъ горцевъ 1828—29 г.г. и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864-мъ году и за отличія при взятіи Деве-Бойну (фортъ у крѣпости Эрзерума) 23-го октября 1877 года.

Штандартъ пожалованъ 13-го октября 1878 года.

2. 12-ть Георгіевскихъ серебрянныхъ трубъ — «за отличія въ Турецкую войну 1877-78 г.г.».

Трубы пожалованы вмѣстѣ со штандартомъ 13 октября 1878 года.

3. Знаки отличія на папахъ первой полусотнѣ 1-ой сотни съ надписью «за отличія въ 1854 г.».

Пожалованы 30-го августа 1856 года.

4. Знаки отличія на папахъ остальнымъ сотнямъ, съ надписью «за отличія при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

Пожалованы 20-го іюля 1865 года.

5. Бѣлая тесьма на воротники парадныхъ бешметовъ и рукава черкесокъ.

Пожаловано 6-го декабря 1908 года.

Но, — все это осталось «тамъ»...

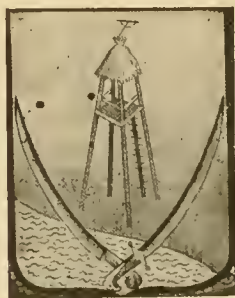
Время идетъ. Исторія всегда имѣетъ свою непрерываемую цѣпь событій. И оно готовитъ новую эру въ жизни Казачества, въ которой, въ новыхъ фазисахъ и въ новыхъ техническихъ вариантахъ возродится вновь Кавказскій полкъ нашего роднаго Кубанскаго Казачьяго Войска.. Надо только работать и быть всегда готовымъ къ событіямъ — всегда готовымъ!..

Полковникъ Елисѣевъ.

Гдѣ чортъ не сможетъ — туда казака пошлетъ.

ПОДВИГИ ДѢДОВЪ

... «Воно хочь, бачиш, і не гарне,
Як кажуть то нелегулярне
Та до війны, самый злий гад».

Котляревскій.

Былъ я уже юношей, когда между моей станицей и Староминской, на только что построенной желѣзной дорогѣ, желѣзнодорожный разъѣздъ былъ названъ «Сотникъ Горбатко»; и вотъ тогда воскресли въ памяти рассказы дѣда о борьбѣ съ черкесами. Самъ дѣдъ участвовалъ въ этой борьбѣ, имѣлъ Георгіевскій крестъ, никогда не болѣлъ, умеръ глубокоимъ, но еще крѣпкимъ старикомъ. Онъ былъ настоящимъ пластуномъ: неподражательно вылъ по волчьи, пѣлъ по пѣтушному; въ мѣстныхъ плавняхъ зналъ всѣ «манівці» (дорожки), никогда съ охоты, или рыбной ловли не возвращался съ пустыми руками. До самой смерти самъ себѣ «моршил» (дѣлалъ) постолы и послѣдніе годы жизни посвятилъ рыболовству.

При его разсказахъ о борьбѣ съ черкесами болѣзненно сжималось дѣтское сердце, хотя его разсказы часто служили и «деспозиціей» для устройства «игры въ черкесовъ».

— Прозоря, що жеве на солоні, говорили дѣдъ спокойнымъ голосомъ, — Вівчарь, що на Берегові улиці, Волошинь, що на новіхъ планахъ...» — и такъ далѣе, перечисляя всѣхъ станичниковъ, павшихъ на постахъ по рѣкѣ Кубани. Говорилъ онъ и о казакахъ другихъ станицъ и никогда, конечно, не забывалъ упомянуть о героической смерти начальника пластуновъ сотника Горбатко и его жены Марины. *)

— Усі погинули, якъ настоящи козаки, а бусурманамъ ни здалися, — заканчивалъ обычно свой разсказъ дѣдъ.

*) На самомъ дѣлѣ она была Марывна, что установлено документально.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда русское правительство напрягало всѣ усилія къ укрѣпленію своего владычества, главнымъ образомъ, на берегахъ Чернаго моря, старалось использовать прекрасный боевой матеріалъ, какими были казаки. Осуществленію этого плана, т.-е. закрѣпленію юга за Россіей, весьма въ чувствительной мѣрѣ мѣшали горскія племена, населяющія Закубанье. Эти гордые и отважные рыцари никакъ не хотѣли поступиться своей землей, признать надъ собою власть «гяуровъ», но подъ конецъ, какъ всѣмъ извѣстно, они покорились Россійскому правительству.

На долю Кубанскаго казачества въ борьбѣ Россіи съ горцами выпала исключительная задача, и казаки выполнили ее блестяще, въ силу своей врожденной храбрости, а также въ силу жившей еще Запорожской идеи: — борьба съ басурманами, а горцы, какъ магометане, были для казаковъ басурмане, или просто «нивіра».

Вся Кубань представляла тогда изъ себя область, находящуюся на военномъ положеніи. Въ любую минуту все мужское населеніе, свободное отъ кордонной службы, могло быть призвано подъ ружье. Такое положеніе по тому времени было почти нормальнымъ, хотя долготѣнія боевая жизнь казачества отразилась впоследствии на его экономической жизни. Оно было въ хвостѣ тѣхъ, кто во время самой борьбы торговалъ или «маистровалъ».

Кубанское казачество несло тяжесть борьбы на своихъ плечахъ одно, такъ какъ въ тѣ годы процентъ неказачьяго населенія едва доходилъ до 5, да и тѣ были: либо ремесленники, либо торговцы. *)

Ясно, что черкесы, жившіе съ казаками въ теченіи полулѣтка довольно мирно, не могли простить имъ активнаго, а можетъ быть и главнаго участія въ борьбѣ по завоеванію Закубанья.

Борьба-борьба, а жизнь потребовала своего. За спиной кордоновъ и пикетовъ протекала, въ относительно спокойныхъ условіяхъ, жизнь Кубани, жизнь отцовъ, матерей, женъ и дѣтей, зорко охраняемая казаками, не допускавшими горцевъ дѣлать набѣги на станицы.

Почти какъ правило — сторожевую службу несли пластуны, ибо другимъ врядъ ли былъ бы подѣлу справиться съ такими смѣлыми и отважными воинами, какими были черкесы. Пластунъ тогда и пластунъ теперь — два совершенно разныхъ поня-

*) Тогда, по свидѣтельству И. Попко, по Кубани много ходило «Коробейниковъ».

См. Ист. Черном. Войска И. Попко.

тія. Пластунъ теперь — пѣшій казакъ, надъ которымъ вѣчно (правда, не зло) подтруниваютъ. Пластунъ тогда — это не только пѣшій казакъ, но это казакъ, одаренный всѣми качествами идеальнаго развѣдчика - лазутчика. У него было настолько хорошо развито зрѣніе, что ночью онъ видѣлъ на далекое разстояніе, стрѣлять безъ промаха не только днемъ, но и ночью по шуму — «на хрусть». Пластунскія команды были какъ при пѣшихъ, такъ и конныхъ частяхъ. П. Попка въ своей исторіи Черноморскаго Войска говоритъ, что не было правилъ или признаковъ, по которымъ бы зачисляли въ пла-

Такая слава укрѣпилась за пластунами неспроста. Пластуны - лазутчики очень часто за 10-15 верстъ отъ поста уже откывали горцевъ, собравшихся въ набѣгъ на станицу. Въ такихъ случаяхъ подымалась своеобразная тревога. Обычно пластуны выли по волчьи «на всѣ лады» и этимъ воемъ выражали цѣлое донесеніе съ такой точностью, что только вполнѣ грамотный человекъ могъ бы такъ подробно изложить обстановку на бумагѣ.

Дерзость пластуновъ, стоявшихъ на постахъ, была изумительной. Это была и настоящая дерзость. Сами горцы рассказывали такой случай.*)

Залого пластуновъ.

стуны, а сами пластуны выбирали казаковъ для пополненія своихъ командъ и никогда при выборахъ не ошибались. Вотъ такимъ смѣлымъ и отважнымъ воннамъ была ввѣрена защита Кубани отъ набѣговъ горцевъ.

Часто и весьма часто съ кордоновъ привозили въ станицы убитыхъ казаковъ, но были случаи и гибели цѣлыхъ постовъ.

Постъ... фортеція... кромкя названія, на самомъ же дѣлѣ посты, при весьма бѣдныхъ техническихъ возможностяхъ того времени, представляли плачевный видъ. Они могли бы быть сооружены гораздо прочнѣе «безъ техники», если бы тѣ, кому надлежало смотрѣть за оборудованіемъ постовъ, на самомъ бы дѣлѣ смотрѣли, а то вся надежда была на живую силу, — на пластуновъ, стоявшихъ на этихъ постахъ.

— Пластуны все могутъ, всегда могутъ отразить черкесовъ, сколько бы ихъ не было — такъ думали всѣ, такъ говорили всѣ.

Однажды пластуны пробрались довольно далеко въ горы, къ самымъ ауламъ и украли корову. Горцы немедленно были увѣдомлены пастухомъ, организовали погоню, но погоня не дала результатовъ. Пластуны, точно сквозь землю провалились. Было предположеніе, что они убили корову и, бросивъ въ лѣсу, сами спрятались. Но каково же было удивленіе горцевъ, когда на другой день на посту, на высококомъ шестѣ, красовалась коровья голова и кожа для показа горцамъ...

Въ 1862 году погибъ цѣликомъ Липкинскій постъ, состоявшій изъ 34-хъ пластуновъ, подъ командой сотника Горбатко. На посту проживала и его жена Марьяна, раздѣлившая участь своего мужа и его доблестныхъ сподвижниковъ. Названный постъ, по своему стратегическому положенію, служилъ весьма серьезнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ

*) См. Вишневецкій. Сот. Горбатко и его сподвижники.

горцамъ проникать въ станицы для набѣговъ. «Гарнизонъ» поста зналъ это прекрасно и понималъ, что въ одинъ прекрасный день горцы могутъ обрушиться на постъ такой массой, что никакая стойкость и отвага имъ не помогутъ. Знали и ждали.. Ждали всегда. Всегда были готовы. Какъ часто бываетъ, что люди чувствуютъ приближеніе смерти, иногда съ поразительной точностью... и бодрствуютъ, готовятся встрѣтить ту, которая уносить человѣка туда, въ тотъ лучший міръ — гдѣ нѣтъ «ни болѣзни ни воздыханія»...

На Липкинскомъ посту приближеніе смерти ощущалось всѣми, начиная съ начальника поста и его жены. За нѣсколько дней до трагической гибели, начальникъ поста сразу какъ то замѣтилъ непригодность укрѣпленія къ серьезному сопротивленію, замѣтилъ то, чего какъ то раньше не замѣчалъ.

Кубанскія плавни.

Своими переживаниями и страшными снами, которые видѣлъ въ послѣднее время онъ подѣлился съ однимъ пластунскимъ офицеромъ, бывшимъ профессоромъ на Липкинскомъ посту за нѣсколько часовъ до штурма его горцами.

Пластуны поста какъ то особенно явственно чувствовали приближеніе развязки. Извѣстно, что пластуны тѣхъ временъ имѣли свои, ни кѣмъ не спрашиваемыя, правила, свои преданія, свои повѣрья и, такъ называемое, характерство: заговоръ отъ пули, или обпоя горячаго коня, отъ укушенія змѣи; наговоръ на ружье и капканъ, «замовленье» крови, текущей изъ раны и проч. Обычно всѣ заклинанія начинались словами: «Я стану шиптати, ти жъ, Боже, рятувати». *)

Помню, въ дѣтствѣ не разъ пришлось присутствовать, когда дѣдушка шепталъ отъ вывиха, будь это человѣкъ или лошадь, — молитву онъ начиналъ такъ:

«Іхав Ісусе Христос, черезъ калиновій міст.

Міст сряхнувся, кий спіткнувся,

Сустав з устава звихнувся» и т. д...

Можетъ быть это «характерство» и было причиной того, что на посту пластуны особенно какъ то

готовились къ защитѣ, хотя ничто и не предвѣщало скорого набѣга горцевъ.

... Кто штыкъ точиль, ворча, сердито,
Кусая длинный усь...

Такъ было и на Липкинскомъ посту.

Войсковой старшина Вишиневецкій, такъ описываетъ послѣдніе часы пластуновъ поста:

«Одинъ пластунъ, передѣлавши старые тогдашніе патроны съ бумажными гильзами, несъ ихъ и говоритъ: «нихай тепер ідуть бісові голомшвиці, буду частувать їх горошкомъ». На эти слова другой отвѣтилъ: «шо ти хвастаєся патронами! Я три дні гострю штыкъ камінємъ і такъ зробивъ, якъ шло гостре. Ось — подивись! Нихай голомшвиці тільки прийдуть, буде чим їх тикать». Слышенъ голосъ третьяго: «Надівайте, хлопці, чисті білі сорочки як і я надів». На эти слова возразилъ одинъ изъ пла-

стуновъ, находившійся въ балаганчикѣ: «на що сьогодні одягати білі сорочки? Хіба сьогодні свята чи що?» На всѣ эти разсужденія сдѣлалъ замѣчаніе старый казакъ, Георгіевскій кавалеръ, атлетическаго роста, съ длинною бородою и вообще довольно суроваго вида: «Та на що ви їх накликаєте! отъ гостей захотіли, якъ прийдуть ни раді будете» и при этихъ словахъ онъ что то состригъ, что мы всѣ расхохотались».

Приготовленія оказались не напрасны.. Предчувствія оправдались полностью...

Груша горцевъ, довольно внушительной численности, а именно: около 3.000 человѣкъ, двинулась въ набѣгъ на казачьи станицы, но, какъ я говорилъ выше, Липкинскій постъ имѣлъ большое стратегическое значеніе, что понимали и горцы, — то ясно, что не избавившись отъ столь серьезной помѣхи нельзя было и думать о набѣгѣ на станицы, такимъ большимъ отрядомъ; и вотъ тотъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ, точно разбушевавшееся море, колонна за колонной, ринулись на слабо укрѣпленный Липкинскій постъ съ горсточкой храбрецовъ, зашедшихъ въ немъ.

Сколько времени шель бой? Долго ли защищались пластуны и защищались ли вообще, такъ какъ численно горцы, во много разъ превышая пла-

*) И. Папко. Исторія Черномор. Войска.

стуновъ, могли просто задавить ихъ массою своею, рѣшивъ дѣло въ 5 минутъ. Изъ гарнизона поста никто не уцѣлѣлъ, собранныя же свѣдѣнія путемъ «опросовъ и распросовъ» также ничего опредѣленнаго не говорили. Ясно было одно, что погибли всѣ, ну, а и всѣ знаютъ, что пластунъ отдавать жизни дешево не любитъ.

Представить картину (приблизительно, конечно) штурма Липкинского поста удалось нѣсколько лѣтъ спустя, когда горцы переселились въ Турцію. Несмотря на такое численное превосходство, взять тынъ (заборъ), окружавшій постъ, горцамъ удалось только послѣ третьяго натиска, когда они, озлобленные стойкостью пластуновъ, ихъ мѣткой стрѣльбой, причинившей горцамъ большой уронъ, навалились на тынъ и онъ подъ тяжестью живой массы — рухнулъ. Но съ паденіемъ препятствія и стѣны еще не были ликвидированы. Завязалась рукопашная схватка, въ которой, по свѣдѣтельству горцевъ палъ и самъ Горбатко; жена же его, Матіяна, защищая трупъ своего мужа, убила одного горца, другого смертельно ранила штыкомъ. Ни штурмъ, ни рукопашная схватка все же не дали окончательной побѣды горцамъ. Часть пластуновъ, не болѣе 16 человекъ, заперлась въ казармѣ поста и продолжала бить горцевъ, къ тому же безъ промаха. Отвага и упорство пластуновъ заставила горцевъ вступить въ переговоры, предлагая находящимся въ казармѣ сдаться. Но о сдачѣ пластуны и слышать не хотѣли; единственно на что они были согласны, это — чтобы горцы ушли во свояси и давши слово не стрѣлять имъ въ спину. На такой постыдный отходъ гордые горцы не согласились. Они, ожесточенные до крайности, обложили казарму хворостомъ и подожгли... И послѣдніе храбрые защитники поста — «сгорѣли — но не сдались»...

Трехтысячный отрядъ горцевъ, вель бой съ гарнизономъ Липкинского поста въ 35 человекъ болѣе часа...

Имена храбрецовъ, выполнившихъ свой долгъ до конца, дошли до насъ и не лишнимъ считаю перечислить ихъ:

Начальникъ поста сотникъ Горбатко, урядникъ станицы Староминской Иванъ Молька, казаки той же станицы: Сергѣй Цисарскій, Михаилъ Вовкъ, Яковъ Юдицкій, Михаилъ Липецъ, Григорій Тримло, Семень Радченко, Иванъ Пига, Иванъ Иванченко, Федоръ Яковенко, Афанасій Чмило, Романъ Романенко, Филиппъ Дудка, Ерофей Иванецкій; казаки станицы Старошербиновской: Леонтій Тицкій, Савва Колесникъ, Василиій Волошинъ, Емельянъ Ильченко, Василиій Подгорній, Петръ Прозоря, Федоръ Вивчаръ, Фотій Сковорода, Θεодосій Степаненко, Василиій Моршукъ; казаки станицы Уманской: Семень Андрущенко, Дмитрій Рясикъ, Козьма Радіоненко, Михаилъ Ермоленко, Трофимъ Соповьянъ, Каленикъ Козикъ, Василиій Финобокъ, Купріянь Устенко, и казакъ станицы Камышевѣтской Иванъ Туръ.

Кромѣ того убита жена постового начальника Марьяна Горбатко.

Тогда это событіе, т.е. гибель гарнизона Липкинского поста взволновало всю Кубань; но время беретъ свое. Прошли годы и многіе забыли объ этомъ событіи, хотя тогда же на памятникъ, путемъ подписки, были собраны деньги и деньги не малые, но куда ушли они, такъ никому и не извѣстно. Проектъ сооруженія памятника, такъ и остался проектомъ... Герои — пластуны даже не удостоились постоянного погребенія, какового заслуживаетъ всякій воинъ, павшій на полѣ битвы. Тѣла ихъ были похо-

Пластуны въ Турціи, за р. Чорохомъ въ 1915 г.
«Письмо до дому».

ронены въ братской могилѣ, на берегу рѣки, а черезъ два-три года рѣка смыла могилу, унесла благородныя кости героевъ и сама погребла въ песокъ своего дна, и это лучшее погребеніе, чѣмъ неосуществленные проекты памятника.

Среди Черноморцевъ сотникъ Горбатко и его сподвижники не были забыты и полъ-вѣка спустя, послѣ его геройской смерти, потомство не забыло его и воздвигло, хотя своеобразный, но все же памятникъ: на Ейской желѣзной дорогѣ между станицами Староминской и Старошербиновской развѣздѣ «Сотника Горбатко».

Всякій казакъ, пробѣжавшій по этой вѣткѣ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и вспоминаетъ какую цѣною досталась дѣдамъ та земля, на которой жили мы и которую не могли отстоять по примѣру дѣдовъ...

Мало жалованныхъ грамотъ — нужна кровь для закрѣпленія того, что жадуется грамотой и дѣды это условіе буквально выполнили.

21 августа 1931 г. Парижъ.

Подъесаулъ Еф. Якименко.

Хоть голова въ крови, да наша взяла.

Страдная пора на Кубани

Страдная пора на Кубани начинается фактически съ сѣнокоса, т. е. съ половины мая мѣсяца.

Къ этому времени вся «полка» хлѣбовъ, кукурузы, подсолнечниковъ, бакчъ и т. п. заканчивается и начинаютъ косить траву. Едва закончили сѣнокосъ, какъ уже готовъ къ покосу ячмень, а тамъ на очереди и пшеница и уже послѣднимъ всегда скашивается овесъ.

Въ это время вездѣ по Кубанской степи трещать сноповязалки. Молчаливые труженники — лошади, въ разгаръ знойнаго времени, ташутъ тяжелую косилку, а бабы и беззаботныя дѣвки, въ бѣлыхъ соломенныхъ, съ широкими полями, шляпахъ, перепоясанными по срединѣ розовыми лентами, сносятъ снопы и кладутъ ихъ въ такъ называемыя «крестцы», которые послѣ уборки свозятся и складываются въ «одонки» для обмолачиванія паровою молотилкою. Это самое жаркое и суетное время въ жизни казаковъ-Кубанцевъ, т. е. съ половины июня и кончая, приблизительно, половиною октября мѣсяца:

Послѣ покоса хлѣбовъ, изъ станицъ, по обыкновенію, выѣзжаетъ чуть ли не все населеніе въ степь съ домашнею птицею и мелкими пожитками, и живутъ тамъ какъ на курортѣ; птица пасется по скошенному полю, собирая оставшіяся тамъ зерна колосевъ, а казаки свозятъ весь убранный хлѣбъ и обмолачиваютъ его. Домохозяевами въ станицахъ остаются одни лишь старики.

Къ этому времени, какъ всегда, изъ центральныхъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Курской и др. пріѣзжали къ намъ на Кубань на заработки великороссы. Здоровенные, краснощекие дяди, стриженные подъ скобку, въ бѣлыхъ своихъ холщевыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, они издали кажутся стаей бѣлыхъ лебедей. Пріѣздъ свой они обыкновенно пріурочивали къ молотьбѣ, такъ какъ во время покосовъ какъ травы, такъ и хлѣбовъ, ввиду обилія на Кубани травяныхъ косилокъ и сноповязалокъ, имъ абсолютно дѣлать нечего. Но за то на молотьбѣ безъ нихъ не обойтись.

По пріѣздѣ своемъ въ казачьи станицы, они группировались въ небольшія партіи, чловѣкъ приблизительно по 10 — 15 и каждая партія обязательно выбирала себѣ старшаго, который не только договаривался отъ имени своей партіи съ хозяевами о заработной платѣ, но и являлся своего рода и ихъ начальникомъ и судьей. Вся партія его слушала и исполняла безпрекословно всѣ распоряженія и приказанія, имъ отдаваемыя. Сами они такія группы называли «брягадами». Характерныя картинки: по пріѣздѣ ихъ въ станицы нерѣдко можно было видѣть какъ нѣкоторые изъ нихъ, изъ лодырей, конечно, во время сна около какой нибудь «харчевни» или пивной, въ ожиданіи наниматься, на подолвахъ своихъ лаптей обозначали мѣломъ цѣну дневнаго заработка, напр., 1 руб. 35 коп., 1 руб. 50 коп. и т. п. Если хозяинъ-наниматель согласенъ платить эту цѣну, то онъ будитъ ихъ, а если сначала посмѣетъ ихъ разбудить и послѣ съ ними начнетъ торговаться, то они, крѣпко выругавшись, переворачиваются на другой бокъ и продолжаютъ свой сонъ. И вотъ такія «брягады» обыкновенно выбираютъ одну молотилку и все время за нею слѣдуютъ, пока и закончится молотьба на Кубани. Какъ рабочіе они были хорошіе. Если ужъ возьмутся съ «одонка» «мятать» снопы, такъ едва успѣваетъ «зубарь» подавать ихъ въ барабанъ молотилки. По окончаніи молотьбы они какъ перелетныя птицы уѣзжаютъ къ себѣ на родину съ заработанными деньгами, въ то время какъ ихъ жены и дѣти тамъ сами справляются со своими сельскими лѣтними работами.

И такъ изъ года въ годъ эти «брягата» посѣщали насъ въ довоенное время и «рубали», какъ они сами выражались, бѣлый пышный Кубанскій хлѣбъ, арбузы, дыни, яблоки, груши и т. п., которые у нихъ на родинѣ дѣяты какъ лакомство.

Кубанскіе же казаки съ мая мѣсяца и кончая октябремъ ни днемъ ни ночью не знаютъ покоя, стараясь какъ можно скорѣе окопчить лѣтнія работы и потомъ снова приготовить посѣвъ озимаго хлѣба на слѣдующій годъ. Кстати умѣстно здѣсь упомянуть: мнѣ неоднократно приходилось слышать, напримѣръ, отъ нѣкоторыхъ лицъ изъ центральныхъ русскіихъ городовъ, что послѣ того, какъ въ разговорѣ упомянешь, что я есть кубанскій казакъ, — онъ сейчасъ же дѣлится явными воспоминаніями — какъ онъ былъ на Кубани во время гражданской войны, какъ всего тамъ было вдоволь — янць, масла, молока, арбузовъ, яблокъ, сливъ, грушъ и послѣ всего перечисленнаго выше, всегда почти слышишь, что какія пріятныя, веселыя и милостивыя Кубанскія казачки, какія онѣ хорошія хозяйки. Какой чудный хлѣбъ пекутъ, вареники, пирожки и при этомъ никогда не применеть случая указать

на то, что, дескать, а мужья ихъ — казаки, напротивъ — ничего почти не дѣлають, только знаютъ, что играютъ въ карты, да по духанамъ ходять, а несчастныя жены за нихъ работаютъ...

Услышавъ, конечно, такія понятія о трудолюбивыхъ казакахъ-кубанцахъ, старашься объяснить своему собесѣднику (иногда даже, къ несчастью, и интеллигентному), что это не совсѣмъ точно и, что казаки вообще всѣхъ російскихъ казачьихъ войскъ, являются самыми трудолюбивыми и способными хозяевами нашего Великаго и Славнаго Отечества.

Какъ только молотѣба хлѣба заканчивается — начинаютъ «рубить» подсолнечникъ, котораго нигдѣ въ Россіи столько не сѣялось, какъ у насъ на Кубани.

Подсолнечникъ, это такъ называемая «живая копѣйка», такъ какъ многіе изъ казаковъ имѣли, кромѣ того, большія пасѣки, а меньшія — впоследствии имѣли едва ли не половина казачьяго населенія. Пчелы, кромѣ другихъ полевыхъ цвѣтовъ, главнымъ образомъ брали медъ изъ цвѣтовъ подсолнечника, а по уборкѣ такового, его сейчасъ же продають и на эти деньги покупается, обыкновенно,

все необходимое для домашняго обихода, временно задерживая, такимъ образомъ, еще въ то время слишкомъ дешевое зерно до тѣхъ поръ, пока на таковое поднимется болѣе приличная цѣна.

Подсолнечникъ еще полезень и тѣмъ, что, помнимо того, что съ него пчелы берутъ медъ и зерно его идетъ на продажу, изъ котораго бьютъ масло, онъ даетъ землѣ «передохнуть», т.е. своего рода это методъ удобренія послѣ нѣсколькихъ сборовъ хлѣба, такъ какъ на Кубани никогда вообще земля не удобрялась.

И уже послѣ всего этого снимается кукуруза и свозится домой.

Такимъ образомъ лишь послѣ уборки послѣдней, казаки, закончивъ лѣтнія работы, приступаютъ къ пахотѣ и къ посѣву озимаго хлѣба для слѣдующаго года, а также и свозу, еще оставшейся въ степи, половы и соломы.

И такъ изъ года въ годъ трудолюбивое население Кубани жило и работало не только на благо и процвѣтаніе своего Роднаго Края, но и на благо бывшей Великой Россійской Имперіи.

А. Толбатовскій.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ...

Настойчивость отца и, главное, бабушки — взяли верхъ надъ протестами нашей доброй матери и «семейный совѣтъ» рѣшилъ — «учить дѣтей».

120 рублей въ годъ за ученіе и пансіонъ въ городѣ — былъ не легкимъ экономическимъ напряженіемъ для зауряднаго казачьяго хозяйства. На ихъ можно было купить три рабочихъ лошади тогда... И часто, за работою, въ дни тяжкихъ недостатковъ, добрая наша мать справедливо пролила слезы, чувствуя постоянное утомленіе и не видя пока насущныхъ результатовъ этого «ученія».

«Подросли бы всѣ три сына, три пая (24 десятины) земли, поженили бы ихъ, всѣ въ хозяйствѣ за работою, все бы горѣло въ рукахъ да и «смѣна была бы у печки снохами...», такъ разсуждала наша мать, уже пожилая женщина, своимъ безхитростнымъ умомъ рядовой казачки, и такъ не разъ она слушала рѣчи-упреки сосѣдокъ, сидя долгими вечерами на завалинкѣ. Безсмѣнная работа по хозяйству и отсутствіе и, даже, въ связи съ ученіемъ сыновей, удаленіе этой возможности къ такъ желанной «смѣны у печи» — всегда искренне ее волновали. Но отецъ и бабушка стояли на своемъ, «учить», и твердо проводили свой планъ въ исполненіе — «вывести дѣтей въ свѣтъ».

Послѣ вступительнаго экзамена въ техническое училище, оставляя средняго сына въ г. Майкопѣ и уѣзжая назадъ въ станицу, отецъ, прощаясь, лас-

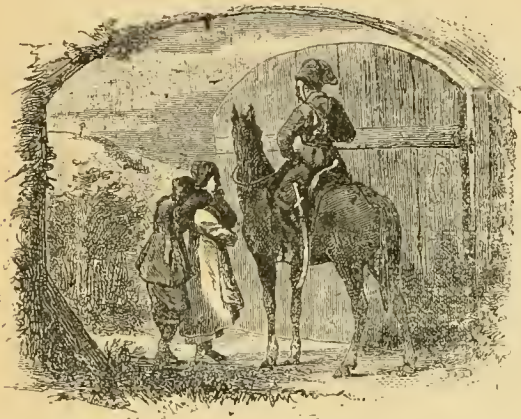
ково сказалъ: «Учись, сынокъ... ты знаешь какъ трудно въ хозяйствѣ достаются деньги... и мы все отдадимъ, чтобы выучить васъ, но, если что не такъ — домой не возвращайся... Черезъ Кавказскій хребетъ и... прыгай прямо въ море...» Таковъ былъ послѣдній наказъ нашего дорогаго умнаго отца, и... мы учились.

Въ длиннополой темносѣрой стариковской черкескѣ, но съ широкими длинными парубочскими рукавами, въ каракулевой черной папахѣ, въ мягкихъ козловыхъ, на деревянныхъ шпилькахъ, сапогахъ и при кинжалѣ въ серебряной оправѣ — горделиво шелъ онъ въ церковь на первый день святой Пасхи 1917 года, окруженный тремя сыновьями — офицерами — и тремя послѣдними дѣтьми — дочурками — гимназисточками въ бѣлыхъ передникахъ... Сыновья какъ-то неожиданно сѣхались вмѣстѣ въ отпускъ съ Кавказскаго фронта и — какъ горды былъ нашъ отецъ тогда, въ тотъ день...

Всегда въ разналку важно ходившій — онъ, въ тотъ день, еще пышнѣ расчесалъ свою густую черную, уже посеребренную сѣдиною, бороду съ такими же пышными усами и шелъ... шелъ словно на парадъ, гордясь результатомъ своихъ долготѣрныхъ трудовъ, въ теченіе коихъ онъ — мокъ отъ дождя подъ бороною на загонѣ, заливался потомъ подъ снопами, мерзъ въ лѣсу за хворостомъ, надрылся надъ чувалами на молотѣбѣ и пр. и пр. и пр.

и что только не случилось съ нимъ тогда, въ тѣ долгіе годы въ своемъ мелкомъ заурядномъ казачьемъ хозяйствѣ, гдѣ каждый грошъ, гдѣ каждый снопокъ и ремешокъ былъ на учетѣ... И все — куда? въ ученіе... дѣтямъ на ученіе...

И вотъ, на 48-мъ году своей тяжелой жизни — это былъ его лучший день, это былъ праздникъ его души, его гордость, его слава, праздникъ его семейнаго достиженія, — то была весна его жизни, но, и какъ оказалось — его послѣдняя весна, послѣдняя семейная радостная пѣсня его существованія земного... И года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстрѣлянъ былъ красными, павшій подь пулями невѣдомыхъ пришельцевъ, ставъ первой казачьей жертвою своей станицы, на своей родной казачьей кровной землѣшкѣ...

Пожаръ большевицкаго наводненія разлился по всей Руси и къ концу февраля 18-го года захлестнулъ и всю Кубань. Всѣ Кубанскія фронтовыя части вернулись уже на родину и въ мартѣ — прибыли послѣднія изъ нихъ — персидскія. Казалось, конецъ пришелъ всему. Части прибыли въ Войско и разошлись по станицамъ. И закатилось казачье солнышко за тусклый безпроектный небосклон... въ станицахъ потекла жизнь селянина...

Съ тремя сынами и съ плѣннымъ туркомъ, самъ пятый въ одинъ «упругъ» подчистили на гумнѣ они канавы и акаціи, снесли весь «хмызъ» на гать, придавили его соломою и «дерномъ» и линейкою, запряженною двумя горячими гнѣдыми кабардинцами изъ-подь офицерскаго сѣдла, держа упоръ на вожжи и разсѣкая грязь копытомъ чоткимъ «строевыхъ» въ упряжкѣ — также горделиво возвращался нашъ отецъ домой — обѣдать.

«Не страшно жонушка... такіе молодцы ребята... Не будетъ службы — займемся вновь хозяйствомъ. Вѣдь пять работниковъ въ семьѣ — подумай, только...» — таковъ былъ первый сказъ отца женѣ (матери нашей), вернувшись съ гумна.

Но судьба иное вѣзмъ судила...

Поруганное въ своихъ правахъ, привычкахъ и обычаяхъ — Казачество возстало уже въ мартѣ. Семь тысячъ ихъ собралось при отдѣлѣ. Воодушевленію ихъ не было конца. Казалось — зардѣлась вновь Казачая зоренька. И изъ станицъ тянулись и тянулись казаки въ возставшій станъ... Но... промедленіе — подобно смерти: пока казачество группировалось и по семейному готовилось къ сокрушенію ненавистой новой власти — не спать и врагъ и, — подготовить «встрѣчу»...

Въ просторномъ хозяйственномъ дворѣ казачьемъ — къ мажарѣ привязано до десятка подь сѣдлами коней. Пасмурная ночь. Въ полночь, конница возставшихъ должна выступить въ степь и, обойдя противника — занять въ тылу станицы. Къ назначенному часу, въ черкескѣ, при оружіи, изъ своей спальной вышелъ средній сынъ, подьсауль, въ просторный корридоръ — столовую. При тускломъ свѣтѣ лампы, въ углу, въ бешметѣ на распашку, сидѣлъ задумчиво отецъ, облокотившись локтемъ на спинку стула и подперевъ рукою голову. Мимо проходя и не предчувствуя бѣды, словно разставаясь на день, сынъ бросилъ —

— «До свиданія, папаша...»

— «Прощай, сыискъ...» — послѣдовалъ отвѣтъ. Сынъ остановился и обернулся на отца. Отвѣтъ послѣдняго звучалъ какимъ то замогильнымъ тономъ, предвѣстникомъ недобрымъ...

И это пронеслось какимъ то страшнымъ предрѣшеніемъ. Сынъ остановился и, обернувшись, еще разъ подумалъ: почему —

— «Прощай», — когда только —

— «До завтра?»!

Отецъ сидѣлъ все такъ же, не шевелясь, въ какомъ то мрачномъ состояніи. Въ полутьмѣ — чертъ лица его не видно было. Онъ продолжалъ сидѣть, все такъ же мрачно, не мѣняя позы. Сынъ постоялъ моментъ, еще разъ бросилъ на отца свой взглядъ, толкнулъ ногою дверь, прошелъ къ мажарѣ, вскочилъ въ сѣдло и съ группой казаковъ, нервной рысью застоявшихся коней — прошелъ на улицу сквозь разступившіяся широкія ворота... То, оказалось, были послѣдніе слова отца и на него послѣдній сына взглядъ... съ того момента — онъ больше ужъ его не слышалъ и... не видѣлъ. Ровно «завтра», часовъ въ 12-ть дня — онъ былъ разстрѣлянъ — его отецъ — старикъ...

«Не отступать!»! «не отступать!»! — кричали казаки, встрѣченные на зарѣ жестокимъ пулеметнымъ огнемъ красныхъ и, смѣшанной толпой, потерявъ «сердце», стыдъ и дисциплину, въ полномъ безпорядкѣ, бѣжали вспядь... И напрасно стойкіе усовѣщали ихъ... волна людей безудержно катилась, какъ и волна морская, а съ разсвѣтомъ, бѣлые дымки шрапнелей надь станицей — совсѣмъ рѣшили участь казаковъ...

«Сыны — сыны...» — зывалъ отецъ.

«Только не попались бы живьемъ...»

И отправивъ мать съ дѣтьми въ сады, подь гору — въ сѣдлѣ держаль для старшаго онъ кобылицу строевую и... самъ остался, попавъ противнику «живьемъ»...

Въ виду станицы, у станичнаго «ставка», у вражескаго бронепѣзда — былъ застрѣленъ нашъ отецъ... Красный главковерхъ, за сыновей «ученыхъ», самъ лично, пробилъ ему свинцомъ високъ... и свалился пятидесятилѣтній бородатый казачина на землю — мать Казачью, гдѣ — дѣтятей онъ пасъ гусятъ у этого ставка, гонялъ коней на пастбищѣ подросткомъ, а малолѣткомъ — вздымалъ клубами пыль гарцуя на борономъ конѣ своемъ и рѣзалъ десятки лѣтъ ее родную плугомъ землероба въ послѣдній свой періодъ жизни и гдѣ его родная мать, когда она была дѣвчуркою - подросткомъ — черкесы ее едва ли не плѣнили въ горы, и гдѣ его сѣдобородый дѣдъ Ёома и великанъ — казакъ, еще когда здѣсь былъ пустырь дикой, — построилъ хату и, съ другими казаками, — колонизировалъ сей край невѣдовый тогда...

Такова была эта земля казачья, гдѣ пуля звѣрскаго пришельца остановила жизнь сѣдого казака...

Братъ...

Армія оставила и Сочи. Кусокъ родной земли въ 12-ть верстъ былъ нашей территоріей послѣдней. На немъ скопилось много тысячъ Войскъ Кубанскихъ. Ни хлѣба, ни патроновъ не было... Вѣтви деревьевъ съ побѣгами весенними — были кормъ для лошадей казачьихъ.

Подорванъ духъ бойцовъ. Что дальше дѣлать? — пожалуй, и никто не зналъ порядкомъ. Проѣздомъ въ Адлеръ, въ штабъ Войска, — встрѣтилъ обозъ Корниловскаго коннаго полка. Соратники казачьяго разсвѣта освобожденія своей земли родной — подступили къ стремени и забросали:

— «Куда и какъ?»

— «Что дальше дѣлать?».

— «Веди!.. — мы всѣ пойдемъ съ тобою!»..

И молча впервые орлиный взглядъ испытанныхъ Бабіевцевъ-героевъ — ждали отвѣта: —

И для познанія мятущейся души друзей — по вель глазами всѣхъ ихъ съ лошади... Средь многихъ взглядовъ, горящихъ взглядовъ, — мелькомъ, мелькомъ лишь встрѣтилъ взглядъ, одинъ лишь взглядъ.. и, лишь мелькомъ... онъ говорилъ: «Спаси, спаси.. въ тебѣ одномъ надежда и спасеніе мое... Спаси!»... И, въ мужественной скромности, скрывая тяжесть боли невѣднія завтрашняго дня — онъ тутъ же доду опустилъ свои красивые глаза... И я уѣхалъ къ Атаману Войска метать «Сполохъ». Тотъ взглядъ незабываемый — былъ взглядъ послѣдній меньшого брата моего Георга... Съ тѣхъ поръ его я ужъ не видаль...

Въ Крыму, въ дивизіи неустрашимаго Бабія, въ своемъ родномъ Корниловскомъ полку, послѣ прорыва въ Таврію, подь напоромъ красныхъ полчищъ — полкъ отходилъ. Въ пѣшемъ строю, при перебѣжкахъ на отведенную позицію въ тылу — когда другія сотни отошли и 1-й взводъ его — онъ, слѣдуя примѣромъ братьямъ-казакамъ, вроемъ съ урядникомъ и казакомъ послѣднимъ оставался въ той цѣпи, гдѣ полкъ лежалъ... И когда урядникъ настоялъ ему уйти хоть раньше ихъ, послѣднихъ двухъ — онъ приподнялся и... упалъ опять. Свинецъ пробилъ ему гортань... онъ захрипѣлъ...

Три дня въ жару іюнскаго степнаго юга тянулись казаки. Въ подводѣ, при безводіи и потерявъ языкъ — онъ угасалъ... И въ третій день земля чужая, при чуждыхъ людяхъ и въ полномъ одиночествѣ — сомкнула сводъ свой вѣчный въ Тавріи надъ нимъ...

Таковъ конецъ въ 24 года красавца - Есаула со строгимъ профилемъ и ростомъ великана-казака...

Сестра... сестренка лишь всего...

Ей было только вѣдъ 17 лѣтъ. На Черноморскомъ побережьи, съ Кубанскими войсками и она была. Всегда въ сѣдлѣ, въ лапахѣ и беѣметѣ, и съ бритой головою послѣ тифа — дитя казалось мальчонкомъ. Потомъ капитуляція. Она вернулась въ станицу. Ея два брата были ужъ въ Ростовѣ, за проволочкой. Ихъ гнали въ даль Россійскую, на сѣверъ. Прорвавъ запреты, она прибыла проводить ихъ. Всѣхъ было 80 передъ посадкой. То все — строевая старшина Кубанская. Какъ оказалось — она была единственной, единственной казачкою съ родной Кубани, словно гонецъ съ родныхъ полей пришелъ ихъ проводить здѣсь всѣхъ...

— «Пойди, дитя, купи — тому провизіи, тому кусочекъ мыла, иному табаку, иль — опустить псымо...»

Въ станичныхъ женскихъ мягкихъ башмачкахъ, въ коротенькой юбчкѣ и въ бѣленькой косынкѣ съ кружевами, съ услужливой улыбкою сквозь слезынки на ласковыхъ глазахъ въ предверіи мучитель

ной разлуки съ братьями — она спѣшила угодить намъ всѣмъ — чтобы хоть какъ нибудь, чтобы хоть чѣмъ нибудь исполнить, облегчить желанія насъ всѣхъ, увы — уже несчастныхъ узниковъ на родинѣ «своей»...

«Пробѣжи скорѣй, Надюша, и еще разокъ къ знакомымъ и попроси намъ на дорогу книгъ», — сказала ей средній братъ. Вставъ молча и послушно, и ласково взглянувъ въ глаза ему — она пошла... Она нѣжно провожала ее глазами вслѣдъ, разсматривая ее походку торопливую. И какъ бы свидѣтельствуя — «подождите... я скоро вотъ вернусь» — она, передъ угломъ, къ намъ оглянулася, еще разъ нѣжно улыбулася, и скрылася за заборомъ... И... кто-бъ повѣрилъ, что... что то былъ ея послѣдній взглядъ...

Прошли минуты... всего днѣ-три минуты... Насъ неожиданно захлопнули въ вагонахъ для скота и... поѣздъ тронулся на сѣверъ...

Ее, свою сестренушку, Надюшу, я больше ужъ не видѣлъ на этомъ свѣтѣ... Ровно черезъ годъ, она пустила въ себя пулю и умерла тогда, когда мы были въ заточеніи, въ Сибири...

Ея «взялъ замужъ» комиссаръ - пришелецъ... Какъ завоеватель гнусный и жестокой (начальникъ отдѣлскаго «чека») предварительно «пустивъ въ расходъ» цѣлыя сотни стариковъ и среди нихъ — ея крестнаго отца, наломнивъ ей — и отступленіе на побережье Черноморское съ Кубанскими войсками, и «буржуазное происхождение», и сочувствіе зеленымъ — фостиковцамъ, и проводы въ Ростовѣ бывшихъ офицеровъ и, все, все, все, что было такъ естественно для всякаго казачьяго семейства... И она, схвативъ его же револьверъ — въ животъ его весь разрядила и на рукахъ измученной старушки-матери, пять дней спуская — погасла... какъ еще не распустившіяся степной цвѣточекъ...

И это — въ свои всего 17-ть лѣтъ... Такъ рано, такъ жутко умерла... — зачѣмъ тогда ужъ было и родиться?!

Бабушка...

Ей было сверхъ 70-ти лѣтъ. Въ первый же годъ прихода со службы мужа, — дѣда нашего — она осталася вдовою. Дѣдъ былъ убитъ въ степи разбойниками. Потомъ — пожаръ станицы и... все до гла сгорѣло въ ненасытномъ пламени, включительно до птицы. Съ подросткомъ - сыномъ, отцомъ нашимъ — она построила хибарку на гумнѣ и такъ жили — страждали, наживали вновь несчастное казачье добро. Въ томъ мѣстѣ родились и мы всѣ, дѣти. Натерпѣвшись горя и нужды — она вотъ и была тѣмъ главнымъ двигателемъ въ семьѣ — «учить дѣтей».

Маленькая, смуглая, худенькая, всегда въ дѣловомъ движеніи, съ сухимъ пріятнымъ тонкимъ профелемъ, всегда строгая къ себѣ, ко всѣмъ, и

замкнутая отъ другихъ ради семейства, прошедшая суровыя лѣта, когда еще черкесы нападали на казачія станицы, волевая и умудренная житейскимъ опытомъ — она была основой патріархальности семьи, ея расцвѣта.

Весною 18-го года, когда убитъ былъ сынъ ея — она, на второй день, наперекоръ террору красныхъ, сама, своими рученьками разрывала насыпи среди убитыхъ и наспѣхъ зарытыхъ возставшихъ казаковъ — нашла его родного, доставила домой, обмыла тѣло отъ крови и предала землѣ родное тѣло торжественно, по христіански.

Въ тѣ дни, когда въ Екатеринодарѣ Войсковыя части Кубанской арміи безславно были упрятаны за проволоку — съ котомкою въ рукахъ, съ костылькомъ, еще сильнѣе согнувшись долу отъ сплошныхъ ударовъ по семьѣ и по казачьему несчастью — и туда пришла она провѣдать, своими глазушками увидать плѣненныхъ казаковъ и... внуковъ... О-о-о... и какая встрѣча! Схвативъ заруку — залилася слезами: «Въ какомъ вы видѣ, дѣтки...?» — причитала. Потомъ... потомъ, когда всѣхъ главныхъ 80 провели къ вокзалу, подъ конвоемъ на голгоу, чтобы убраться куда то всѣхъ на сѣверъ, въ Россію — она, сторая добротой христіанскою — откуда то достала всѣмъ ведро казачьяго борща, чтобы облегчить и накормить несчастныхъ, а потомъ, когда вагоны двинулись — она бѣжала рядышкомъ, сгорбившись еще сильнѣе и на бодрящія слова всѣхъ ссыльныхъ — бѣжала, плакала, и сквозь слезы мягко улыбаясь, все твердила — «... дѣтки-дѣтки-дѣтки...»

За семафоромъ паровозъ свернулъ налѣво и въ закругленіи вагоновъ еще разъ мелькнула передъ нами маленькая тѣнь старушки — въ послѣдній разъ...

Съ гѣхъ поръ ее я ужъ не видѣлъ.

Въ голодный годъ, когда Кубань замученно стогнала подъ продналогомъ — старушка, блюдя все ту жъ заботу о семействѣ, она, съ разоренной и ограбованной Кубани, былой когда то житницы страны Великой — поѣхала за хлѣбомъ вдаль и, тамъ... тамъ гдѣ то, на чужбинѣ, на чужой сторонушкѣ, среди чужихъ людей, подрѣзанная косою безжалостнаго тифа, въ чумномъ баракѣ, среди сотенъ ей подобныхъ — отдала Богу душу... и какъ ненужный хламъ — свалена была въ могилу-яму общую...

А какъ она всегда мечтала закрыть свои глазунки среди своихъ родныхъ и хоть похороненной быть рядышкомъ съ мужемъ...

Судьба?!

Еще сестренка...

Она была совсѣмъ мала, когда казачьи части покинули Кубань родную. 1-й Лабинскій полкъ, съ оркестромъ полковымъ и конскими бѣлыми хвостами на значкахъ шелъ по станицѣ, будируя игрою трубочей и мощью боевой своею сердца Кавказ-

цевъ — уставшихъ, распыленныхъ... она тогда, маперою дитяти — махала ручкою вслѣдъ уходившему полку... «До - завтра», — такъ думалось тогда всѣмъ намъ, и скрылся полкъ въ изгибы улицы. Но — рокъ войны сулилъ иное...

Полкъ, послѣ боевъ, подъ давленіемъ враждебной силы — отступилъ инымъ путемъ мимо станицы и... все закрылось. И то, какъ оказалось, былъ послѣдній ея взглядъ и взмахъ ручонками дитяти — было послѣднее ея — «прощай».

Ужъ много лѣтъ спустя, когда семья была распилена буквально и осталось всего лишь три изъ десяти — одни побиты, другіе умерли, третьи ушли изъ дому въ дальній неприглядный путь и въ домѣ остались одна лишь мать-старушка и то дитя, те-

перь уже подростокъ — томясь въ отчаяніи одиночества, съ пятью подругами, поѣхала она на лодкѣ черезъ Кубань-родимую, за ландышами по веснѣ... Рѣка бурливая тогда, весною, — она, безсильною ладью схватила и понесла... Напуганныя, съ дѣтскою растерянностью, они схватились вмѣстѣ за ручки и, чтобы спастись — пригнули всѣ въ волны и... пошли ко дну всѣ пять...

Четырехъ нашли тогда же. За 70 лишь верстъ внизъ по теченію, спустя недѣли двѣ — нашли послѣдній трупикъ — изъѣденный и растрепавшійся въ водѣ — моей сестренки меньшей и... послѣдней...

Бідолага. -

Наша слава, наша гордость...

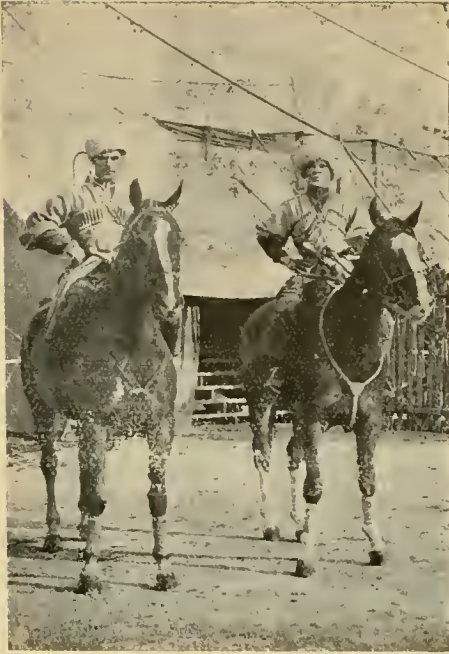

«Сюда наѣзники Джемата...» — былъ кличъ Шруко въ Парижѣ въ 1925-омъ году, чтобы встряхнуть казачьей джигитовкой центръ міровой столицы... И, — они слетѣлись всѣ, кто только могъ, и всѣхъ Казачьихъ Войскъ и, — дѣйствительно — встряхнули...

О джигитихъ - казакахъ заговорили. Но, не всѣ въѣдъ вѣчно подъ луною. Прошли годы, все расплилось, ушло и, — стихло. Остатки изъ Кубанцевъ славныхъ, превозмогъ препоны разныя — сейчасъ работаютъ на Западѣ Европы — Войсковой Старшина Крикливый и Хорунжій Сопильнякъ.

Пластунъ по роду службы, штабъ-офицеръ способный, гордый и съ дерзаниемъ — Крикливый сѣлъ въ сѣдло сознательно тогда въ Парижѣ и, исколесивъ Европу всю — достойнымъ сталъ онъ конникомъ теперь — красой Кубани.

Его помощникъ — рядовой и молодой казакъ Кривчунъ — спокойный, добрый и послушный своему руководителю, съ большой душою казака, джигитъ, танцоръ — его, Крикливаго, усиливаетъ онъ и украшаетъ, давая мощь и твердость группѣ.

Слѣва Войсковой Старшина Крикливый,
справа Хорунжий Сопильнякъ.

КАЗАКИ НА МОГИЛѢ НЕИЗВѢСТНАГО СОЛДАТА ВЪ ПАРИЖѢ

Укрѣпляется и ширится рыцарскій жестъ за казаками, что они, одинъ разъ въ году, въ свой специальный, зафиксированный въ «Комитетѣ Пламени» день — возжигаютъ лампаду на могилѣ Французскаго Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ, похороненнаго подъ Триумфальной Аркой и возлагаютъ на его могилу вѣнокъ.

Разъ въ году, открыто, въ центрѣ міровой столицы, казаки, въ военныхъ мундирахъ своихъ Войсковыхъ формъ — свободно и наглядно могутъ вывить себя міру о своемъ физическомъ существованіи, давая этимъ «выходомъ» всѣмъ о себѣ знать. И эта данная имъ возможность «выявленія», надо полагать, позволена продуманно. Казали, и въ прошломъ году, 6-го сентября, и въ этомъ году 2-го августа — горячо откликнулись на призывъ Атамана Богаевского и ревниво оберегаютъ «свой день заженія», какъ день своего Казачьяго праздника, готовясь къ нему заранѣе, какъ бы ко дню свѣтлой весенней Святой Пасхи.

Правленіе.

Хорунжий Сопильнякъ, въ 1914 году, тогда еще онъ малолѣткомъ, въ лагеряхъ подѣ Екатеринодаромъ, какъ получилъ свой первый призъ за джигитовку — съ тѣхъ поръ съ сѣдла онъ не слѣзаетъ. Его стихія — конь и торочекъ, а «на вертушкѣ» — кривая шашечка въ зубахъ. Хотя на соломѣ спать, но — джигитовать, джигитовать и... джигитовать, — его девизъ.

Такъ вѣрные сыны родной Кубани, живымъ нагляднымъ дѣломъ поютъ ей пѣснь и стягъ Ея неся ревниво, — работаютъ во славу Войска — Кубанскаго Казачьяго.

Слава нашимъ козаченькамъ!

Слава!

поется въ пѣснѣ такъ, и мы ей вторимъ —

«Слава...!»

Елисѣевъ.

«Казачій вѣнокъ» 2-го августа. Его несли — отъ Дон. Войска — В. Старшина Алексѣевъ (справа, въ фуражкѣ) и отъ Кубанскаго — Полковникъ Елисѣевъ (слѣва, въ черкескѣ). Лѣвѣ послѣдняго — знаменщикъ Лейбъ-Казачьяго полка подхорунжий Бодрухинъ и старшій урядникъ Кубанецъ — инженеръ Машенко (въ бѣлой папахѣ). Позади Алексѣева, въ черкескѣ — Кубанскій артиллеристъ — Полковникъ Сейделеръ. Изъ старшихъ Кубанскихъ офицеровъ, въ военной формѣ, былъ Генералъ Лебедевъ.

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Общество Ревнителѣй Кубани, имѣющее свой центръ въ Парижѣ, задалось цѣлью — въ своемъ журналѣ

« КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО »

историко - литературнымъ матеріаломъ, историческими и характерными снимкамъ, гравюрами, рисунками — воскрешать въ памяти родныхъ казаковъ былое нашей Кубани-Матери, освѣщая и воспѣвая Ее родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое намъ, растерзанное, обезкровленное и распятое на крестѣ Кубанское Казачество, наше славное и незамѣнимое ничѣмъ Кубанское Казачье Войско, — распятое, но еще живое и въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій — горящаго «Жить».

Ко всѣмъ Кубанскимъ Казакамъ — отъ высокихъ до рядовыхъ ранговъ, отъ ученыхъ до землеробовъ, отъ богатыхъ до «сіромы», отъ Вольныхъ до Имперскихъ Казаковъ — нашъ призывной голосъ — кто живетъ мыслью о Родинѣ, кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, кому дорогъ путь «Туда», къ роднымъ Казачьимъ берегамъ — принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки . . .

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія, боевые эпизоды Кубанскихъ Казаковъ . . .

Пишите на чемъ попало и какъ попало. За бѣдностью — пишите кровью и на сахарной бумагѣ, лишь былъ бы въ писанномъ смыслъ, душа, Казачій взлетъ, нѣснь и тоска, плачь и жартъ, лишь бился бъ пульсъ жизни и болѣзни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому . . .

Пишите . . .

Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ — Родные Кубанцы — отзовитесь!

Редакціонная Коллегія и Правленіе

Общества Ревнителѣй Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый

Подъесаулъ А. Н. Толбатовскій

Подъесаулъ Е. М. Якименко

Предсѣдатель Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

Во Франціи можно выписывать черезъ Общество Ревнителѣй Кубани

1. «Кубанскій Календарь» — настольная книга, необходимая
каждому Кубанскому Казаку 10 фр.
2. «Исторія Кубанскаго Воинскаго гимна» 5 фр.
3. «Россія» № 7 — посвященная Кубанскому Казачьему
Войску 5 фр.
4. Альманахъ Русской эмиграціи за 1920-1930 г. съ Кубан-
скимъ матеріаломъ 7 фр. 50 с.

Слѣдующій номеръ журнала «Кубанское Казачество» вый-
детъ послѣ распространенія настоящаго. Предположено къ празд-
нику Рождества Христова. Нажми козаче и... распространи.

Imprimerie BASILE

1, villa Chauvelot, Paris-15^e

Téléphone Vaugirard 04-08

Изящное и быстрое выполненіе всевозможныхъ
типографскихъ работъ на всѣхъ
Европейскихъ языкахъ по весьма доступнымъ цѣнамъ

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

«LES COSAQUES DU KOUBAN»

10, rue des Cordelières — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 2

Издание непериодическое

Декабрь 1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителѣй Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Таманцы

СОДЕРЖАНИЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
 2. «Пластуны» (историческій обзоръ) Полк. Федоровъ
 3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) - Вл. Куртана
 4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» -- Прот. Ломака
 5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» Ген. Кокунько
 6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисѣевъ
 7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) -- Подъес. Якименко
 8. «Страдная пора на Кубани» -- Подъес. Толбатовскій
 9. «Послѣдній взглядъ...» — казака Бідолага
 10. «Наша слава, наша гордость» — Елисѣева
 11. «Казакъ на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе
- Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта района Турціи, гдѣ прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г. На обложкѣ — нарядный Штабъ 1-го Хоперскаго полка. Цѣна сборника — 3 фр. 50 с.; для заграницы — 5 фр.

Черезъ Общество РЕВНИТЕЛЕЙ КУБАНИ можно выписывать:

1. «Кавказскій Казакъ», съ пересылкою — 2 фр. 50 с.
Это органъ Кубанскаго Войскового Центра, съ богатымъ информационнымъ матеріаломъ о жизни Кубанскаго Казачества «тамъ и «здѣсь». Считаемо журналъ необходимъ каждому Кубанскому казаку.
2. Кубанскій Календарь — 10 фр.
Богатая, содержательная Войсковая книга въ 108 стр. съ 22 снимками, гдѣ каждый казакъ найдетъ всю повѣсть о родномъ Войскѣ во всемъ ея объемѣ, силѣ, богатствѣ и всей красотѣ и мощи.
3. Казачьи герои и сподвижники — Проф. и историкъ Ф. А. Щербина 3 фр.
4. Вѣче, Рада, Кругъ — Полковникъ и Докторъ Правъ С. А. Федоровъ
5. Исторія Кубанскаго Войскового Гимна — Полковникъ Елисѣевъ 3 фр.
6. Россія № 7, посвященная исключительно Кубанскому Казачьему Войску — вся распродана.

КАВКАЗСКІЙ КАЗАКЪ

ежемесячная информация о жизни Казачества.

Подписная цѣна:

	Югославія.	Болгарія.	Чехослов.	Франц.
На 6 мѣс.	20 дин.	60 лева	15 кр.	10 фр.
На 1 годъ	40 дин.	120 лева	25 кр.	20 фр.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ — 4 дин.

Адресъ редакціи: Belgrad. Nemanina 20. Yugoslavia

Сапожная Мастерская

КУБАНСКАГО КАЗАКА С. Е. ЗАХАРЬИНА

Пріемъ заказовъ на казачью обувь - чевяки, наговицы, мягкіе и твердые сапоги и на другую обувь и всевозможную починку. Умѣренныя цѣны, накуратное и своевременное выполненіе

Адресъ: 111, B-d de l'Hopitale, Paris 13. Métro: Campo-Fornio

КУБАНЬ...

Москвою я рождёнъ, но выросъ на Кубани,
 Береговъ родныхъ Ея всю жизнь не покидалъ —
 Мнѣ милъ стеной курганъ, свидѣтель прежней
 брани.
 Златыхъ полей просторъ и, зубья дикихъ
 скалъ...

И моря Чернаго люблю приливъ ибвучій,
 Пль въ бурю, — грозные шумящіе валы.
 И ночью надъ собой полеть звѣзды надучій
 И въ отраженіи водъ, серебристый слѣдъ луны...
 И мутныхъ, вешнихъ рѣкъ люблю разливы
 безбрѣзный.

Крикливый перелетъ пернатыхъ веренищъ,
 На куполахъ церквей, заката отблескъ ибвнний
 Уютный сытый видъ разбросанныхъ станицъ...
 И былю старины мнѣ дорогъ стоишь бандуръ
 Среди праздничной толпы базарныхъ площадей,
 Слезой блестящій взоръ, склоненныя фигуры

Надъ кобзаремъ слѣпымъ, ибвцомъ, минувшихъ
 дней...

И городъ, гдѣ я росъ, въ тѣни садовъ цвѣтущихъ,
 И вышки казаковъ на берегу крутомъ.

И ибвъ лѣнливыхъ баржъ, вдоль по рѣкѣ
 ползущихъ

Съ дарами тучныхъ шивъ, сверкающимъ зерномъ..
 Цвѣтущій мощный край! Край зубра и
 фазана.

Гдѣ вѣвзрахъ золото, гдѣ нефть течеть рѣкой,
 Гдѣ грезить кедръ сибирскій надъ пальмой

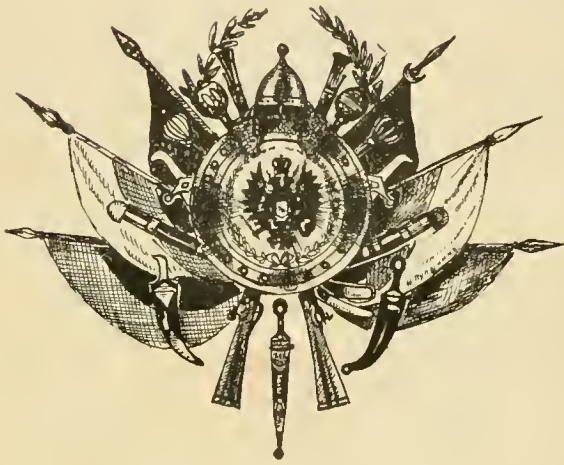
Индостана,
 Гдѣ розы въ январѣ! — Что сдѣлали съ Тобой?!

Н. Николаевъ,

Членъ Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Ку-
 банской и Терской областей и Черномор. губ.

Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества

(1811 — 1911 г.г. — май мѣсяць)

Смотримъ на юбилейныя фотографіи розной части и невольно вспоминаешь недавно пережитое, но уже невозвратно утерянное.

Царское Село съ его идеальной чистотой, тѣнистыми парками, цвѣтниками, прудами, китайской деревней и прочими затѣями Великой Екатерины, Величественный творецъ, Громадный внутренній плацъ, окруженный полукругомъ одноэтажныхъ зданій въ стилѣ дворца. На плацу алѣють стройныя линіи сотенъ Собственнаго Его Величества Конвоя, въ конномъ строю развернушаго свои сотни, для встрѣчи Державнаго Шефа, по случаю столѣтняго юбилея.

Картина рѣдкая: красивыя и внушительныя лица казаковъ въ черныхъ панахахъ, ловко сидящихъ на своихъ кабардинцахъ; алія черкески расшитыя серебромъ и басонами, шашки, кинжалы, пояса — украшенные серебромъ и позолотой, кавказскіе уборы коней.

Майское солнце ярко освѣщаетъ эту блестящую картину, играя и тысячами бризгъ отражаясь въ серебрѣ и позолотѣ красочнаго обмундирования.

Ровно въ 10 часовъ изъ дворца выходятъ Его Величество съ Августѣйшей Семей. Государь и Наслѣдникъ — въ формѣ Конвоя, Императрица и Княжны въ бѣлыхъ платьяхъ. Государь садится на коня, Августѣйшая Семья и часть свиты располагаются на площадкѣ подъезда.

Звонкая команда Командира Конвоя Кнзя Трубецкого и алія линіи дрогнули, сверкнули клинками шашекъ и... замерли. Подъ звуки гимна, Императоръ объѣзжаетъ сотни, здороваясь съ казаками: въ отвѣтъ несетъ восторженный отвѣтъ и перекатное «ура»...

Торжественное молебствіе и церемонія передачи вновь пожалованнаго Штандарта.

Вновь сверкнули шашки и, потъ мощные звуки хора трубачей Гусарь Его Величества, юбилейный Штандартъ занимаетъ въ строю свое мѣсто.

Государь выѣзжаетъ на среднюю фронту, поздравляетъ Конвой съ юбилеемъ: въ краткой рѣчи благодаритъ казаковъ за ихъ славную и вѣрную службу и выпиваетъ «чапурку» терскаго чихря за славу и процвѣтаніе Своего Конвоя.

Вотъ Государь подъѣхалъ къ главному подъезду дворца. Раздается команда и алія линіи сотенъ двинулись, перестроились и четкіе ряды взводовъ, проходятъ церемониально. Впереди, блеся серебряными трубами, въ расшитыхъ широкимъ басономъ черкескахъ, на сѣрыхъ коняхъ, — проходятъ четыре трубача Его Величества.

На флангѣ Лейбъ - Гвардіи 1-й Кубанской сотни проходитъ Атаманъ Кавказскихъ Казацкихъ Войскъ Намѣстникъ Его Величества на Кавказѣ — Графъ Ворошиловъ-Данковъ и Наказный Атаманъ Кубанскаго Войска Генералъ-Лейтенантъ Бабычъ. На флангѣ Лейбъ-Гвардіи 3-й Терской сотни — Наказный Атаманъ Терскаго Войска Генералъ-Лейтенантъ Флейшеръ. На Царское «спасѣю» — несетъ дружное «рады стараться, В. П. В.».

Парадъ конченъ. Штандарты съ почестями поставлены во дворецъ. Сотни съ пѣнями и зурной расходятся по своимъ казармамъ. Офицеры, съ ихъ семьями, и гости Конвоя, приглашаются во дворецъ къ Высочайшему завтраку. Благодаря исключительному вниманію Высочихъ Хозяевъ — у всѣхъ восторженное настроеніе во все время завтрака, — нарастаетъ. Тостъ Командира Конвоя за Державнаго Шефа покрывается громкимъ «ура»...

Въ 12 1/2 часовъ, въ офицерскомъ собраніи Конвоя, происходитъ пріемъ депутатовъ отъ гвардейскихъ полковъ и райѣ служившихъ въ Кон-

воѣ, приносившихъ поздравленія и подарки по случаю юбилея.

Осмотръ собранія доставляетъ гостямъ большой интересъ. Постройка пачата въ сентябрѣ 1910 года п. по повелѣнію Государя, должна быть закончена къ юбилею, т.-е. къ маю 1911 г. Чтобы можно было вести постройку зимой, при лютыхъ морозахъ, особенно бетонныхъ работъ, былъ выстроенъ деревянный футляръ, благодаря чему собраніе было закончено своевременно.

Въ стилѣ углицкихъ теремовъ, съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ достижений, оно произвело совершенно новое, оригинальное впечатлѣніе! Внутренняя отделка и обстановка переноситъ въ отдаленное прошлое старой Руси: потолок изъ темнаго дуба, съ выступающими балками, огромный каминъ изъ цвѣтныхъ изразцовъ, на подобіе русской нечи съ лежанкой, массивные, рѣзные столы и скамьи, красныя занавѣски съ подушками и проч. — все русское, все дорогое...

На второй день, въ Высочайшемъ присут-

Императоръ христосуется съ Казаками - Конвойцами

ствіи, состоялась призовая джигитовка. Лучшіе джигиты получили отъ Ихъ Величествъ призы: шашки, кинжалы, охотничьи ружья, часы.

На третій день, въ присутствіи Его Величества, состоялась улань въ офицерскомъ собраніи, въ тѣсной Конвойной семьѣ. Государь прибылъ въ черескѣ азіатскаго сукна, при кинжалѣ въ черныхъ хозовыхъ ножнахъ.

Неизмѣнное вниманіе, простота и приветливость, присутствіе Императора — оставили у всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе.

За ужиномъ царил непринужденное веселье. Знаменитый хоръ балалаечниковъ во главѣ съ Андреевымъ и неподражаемая исполнительница русскихъ пѣсенъ г—жа Шлевская — доставляли и тихое удовольствіе. Отличный хоръ Конвойцевъ родныя казачьи пѣсни, всегда заражавшія слушателей или безотчетной грустью, или безудержнымъ весельемъ, а лезгинка я гонать —

положительно захватывали всѣхъ своей неравной лихостью и удалью.

Государь былъ веселъ и неоднократно выражалъ свое полное удовольствіе.

Казачи со своими гостями — старыми казаками, пріѣхавшими на юбилейныя празднества, три дня пировали въ шатрахъ, разбитыхъ на Конвойной площадкѣ. Эти шатры съ пирующими казаками, напоминали пиры запорожцевъ послѣ побѣды: мелькали синія черески, красныя бешметы, раздавались возгласы, лилась казачья пѣсня, говорившая о славныхъ боевыхъ дѣлахъ отцовъ и дѣдовъ...

Въ день юбилея Адьютантъ Коввойной Семьи Жуковъ былъ назначенъ Флагманъ-Адьютантомъ. Въ память юбилея былъ пожалованъ въ грудной знакъ въ видѣ щита съ короной и мечемъ въ знакъ вѣковой вѣрной службы Конвой при Русскихъ Императорахъ.

Средній юбилей (1811 — 1911 г.г.) Конюв Его Величества. Государь Императоръ съ дочерьми среди депутаціи отъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ и г.г. офицеровъ Собрывената Конюв. Послѣдне въ формѣ одежды разныхъ эпохъ. Правѣ Его — Кубанскій Атаманъ Генераль-Лейтенантъ Бабичъ и лѣвѣ — Терскій Атаманъ, Генераль-Лейтенантъ Флейшеръ. Снято въ Царскомъ Селѣ 18-го мая 1911 г.

Юбилейныя торжества кончены. Жизнь Коввой вошла въ свою колею. Отборные съ Кубани и Терка красавцы казаки, прекрасный составъ офицеровъ — составляли одну дружную семью. Всегда подтянутые, веселые, сердечно расположенные другъ къ другу, отчетливо несли свою службу, а досуги проводили въ своемъ уютномъ собраніи или въ Петербургѣ, гдѣ не было недостатка въ развлеченияхъ.

После революціи 17 года, Коввой былъ переформированъ въ два дивизиона — Кубанскій и Терскій и отправлены въ свои Войска — на Кубань и Терекъ. Кубанскій Гвардейскій дивизионъ, не прерывая своего бытія, прошелъ чрезъ

всю гражданскую войну. Лемпосъ и прибывъ въ Сербію, вновь встрѣтилъ братьевъ Терцевъ гвардейскаго дивизиона, которые и были присоединены къ Кубанскому дивизиону 3-й сотни. И по настоящій день въ этой части живутъ славныя традиціи и хранятся въ полной цѣлости священныя реликвіи стараго Коввой. Въ тяжеломъ трудѣ добывая дневное пропитаніе, дивизионъ преисполненъ непреклонной волей — дожидаться завѣтнаго часа, когда можно будетъ послужить потерзанной Родинѣ и сложить свои головы за Родную землю.

М. С.

АТАМАНЪ КУХАРЕНКО

*«Де не взялася орда,
Порубала козака,
Порубала, посікла
І у полонъ заняла».*

Пѣли казаки Войска Черноморскаго печальную пѣсню на смерть своего лихого, Атамана — отца, Якова Герасимовича Кухаренко: пѣли на Черноморьи, перенесли на Линію и поютъ по сей день Кубанцы, отбывая злую долю казачью.

Громовымъ ударомъ пронеслась по Кубани вѣсть о несчастьи съ Кухаренкомъ.

Въ Екатеринодарѣ:

*«У пятницю, на базарі,
Всі заговорили,
Що черкеси Кухаренка
Взяли — полонили!..
Задзвонили до райної
Богу помозиця,
Рознеслися слуги тяжкі,
Люд чогось боця.
Зажурились старі і малі,
Народ галасує.»*

Случилось это несчастье передъ полуночью 19-го сентября 1862 года, на почтовомъ переконѣ между станицами Казанской и Кавказской.*)

*) На переконѣ Казанская - Кавказская, находится глубокая котловина, издавна «славившаяся» густыми зарослями камыша, куку и дѣса съ ихъ ко-

*Пита один у другого:
«Чого люд сумує?»
«Чого острах на всіх найшов?
— Чого? — ти не знаєшь?
Генерала Кухаренка
Узяв черкес...
Його з зятєм захопили,
Обох положили;
А поитаря й козака
Там же зарубили...
Пішов гомін у народі,
Брат брата питає,
Розпитують, розказують...
А ніхто не знає
Чи то правда, чи не правда...
Інший не йме віри,
Щоб старого Кухаренка
Взяли бузувіри!..
Люд сумує і гвалтує:
«Взяли... полонили...
Кухаренка та ще й з зятєм
В кайдахи забили!..
Затужили Чорноморці:
«Ой — Боже ж наш, Боже!..
Ой хто ж тепер у пригоді
Нам бідним поможе?..»*

Генераль-майоръ Я. Г. Кухаренко, въ то время начальникъ Нижне-Кубанской Линіи, былъ срочно вызванъ изъ Екатеринодара въ Ставрополь, вмѣстѣ съ генераломъ Бабицемъ. Послед-

ложенія средь укоренившихся «иногороднихъ» и кулачныя стычки — не были здѣсь явленіемъ случайнымъ. А въ 18 году, когда станицы пѣли въ невѣде-

ний счастливо проскочилъ небезопасное мѣсто у устьевъ Зеленчуковъ, генералу же Кухаренко

судьба приготовила иную долю.

Восемь конныхъ абадзеховъ изъ засады уби-

Атаманъ Кухаренко

марами, москитами и разбойниками. Старожилы не рисковали проѣзжать это мѣсто въ поздній вечерь... Въ такомъ-то «разбойничьемъ гнѣздѣ» и подстерегли абадзехи Атамана Кухаренко и удачно полонили его. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится казачій хуторъ Романовскій, принадлежащій станицѣ Кавказской (по совѣтски—гор. Крапоткинъ) съ 40.000 неказачьяго населенія, съ узловою станціею «Кавказская» Владикавказ. ж. д. Отъ бывлыхъ «зарослей» ничего не осталось. Объ урядникѣ Романовѣ, державшемъ здѣсь когда-то на броду постъ съ казаками противъ черкесовъ, живя въ своей лачугѣ, отчето и вначалѣ образовавшійся казачій хуторокъ сталъ называться «Романовскимъ» (станич. преданіе), тоже всѣ забыли, но это роковое и разбойничье мѣсто таковымъ и осталось и до нашихъ дней. Коренной житель хутора (пятьдесятъ казачьихъ дворовъ всего лишь) и казакъ ближайшихъ станицъ, пріѣзжающій въ этотъ торговый центръ — не чувствовалъ себя здѣсь хозяиномъ по-

ни власти завтрашняго дня — здѣсь, въ центрѣ казачьихъ станицъ — сразу-же, открыто, нахрапно образовался воен.-рев. трибуналъ, всю власть взялъ въ свои руки и буквально терроризировать не только населеніе хутора, но и пріѣзжающихъ «на сыпья» и на базаръ казаковъ, беря съ нихъ пошлины даже за въѣздъ въ это «гнѣздо». Отсюда-то жестоко было подавлено «Кавказское возстаніе казаковъ 19-23 марта 1918 года» и этотъ «хуторъ» далъ до 5.000 бойцовъ въ красную армію, выданенную за Кубань въ томъ-же году бѣлыми войсками. А въ годы, съ 1920 — это мѣсто является «узломъ» красныхъ застѣнокъ для казаковъ ближайшихъ станицъ, гдѣ знаменитые «пески» заволокли не одну сотню разстрѣлянныхъ казаковъ — домовитыхъ, довѣрчивыхъ и неискушенныхъ злымъ рокомъ жестокой политической встряски... Вотъ таково то памятное мѣсто, гдѣ нашель свою гибель знаменитый Атаманъ Кухаренко.

Ред.

ли почтаря и вѣстового казака, ранены и зарубили генерала и его зятя — капитана конноархивной батареи Югансона.

63-лѣтній раненый старикъ рубился отчаянно, но обезсиѣлъ и попалъ въ плѣнь.

Генералу связали руки, посадили на коня, подвязали ноги вѣдомъ и въ двѣ ночи, скрываясь днемъ въ лѣсахъ и плавняхъ, проскакали около 200 верстъ за Майкопъ, въ горы.

Кухаренко скрывалъ свое имя и только уз-

навъ, что одинъ изъ восьми абадзеховъ, былъ кунакомъ его сына Степана, сказалъ ему, кто онъ... Это улучшило его положеніе и отдалило конецъ его смерти на пару дней, но зато абадзехи потребовали за него 22.000 рублей выкупа.

Вся Кубань и Закубанье были всполошены извѣстіемъ о плѣнѣ генерала.

Со всѣхъ сторонъ стекались горцы взглянуть на грознаго изнемогающаго отъ ранъ генерала. Войско предложило въ обмѣнъ 20 плѣнныхъ гор-

Похороны Атамана

цевъ лучшихъ фамилій. Самъ сынъ его, Степанъ, пріѣхалъ въ Майкопъ, чтобы сѣсть въ загонъ за отца до окончанія переговоровъ. Сѣлъ заложникомъ и кунакъ его, абадзехъ, а между добычниками доходило до схватокъ изъ-за размѣра выкупа.

Все оказалось напраснымъ: 26-го сентября до Екатеринодара дошли вѣсти о смерти генерала отъ ранъ, въ плѣну...

Взявши большой выкупъ, абадзехи выдали тѣло генерала. Печально - торжественно встрѣчало Войско бывшего своего послѣдняго Атамана Кубанца, на всемъ протяженіи отъ Майкопа до Екатеринодара, «рідного сына и благого батька» Кубани и Казачества, какъ писали о его смерти.

И не только Кубань, а и родственная ей Украина сумувала надъ смертью Кухаренко. Украина и лучшіе ея патріоты не забыли, что Куха-

ренко былъ почти единственнымъ въ Войскѣ знатокомъ и цѣнителемъ казачьей Запорожской старины и Черноморскаго быта».

Кубань же потеряла не только способнаго администратора, храбраго воина, а и своего перваго казачьяго поета и писателя, слава котораго шла далеко за предѣлы Черноморья.

Кухаренко не былъ только отцомъ Кубанскому Казачеству, но онъ былъ и отцомъ — вдохновителемъ славнаго вѣнца Казачества и Украины — Тараса Шевченко. Отцомъ — Атаманомъ называли его и заброшенные въ Сѣверную Пальмиру украинцы, среди которыхъ часто появлялся Кухаренко, при своихъ поѣздкахъ по дѣламъ службы въ Сибирь и за дѣтьми, учившимся въ столицѣ и Гатчинѣ.

Жившіе отблесками славнаго былого Запорожья, они не видѣли уже на Украинѣ ничего, что напоминало бы о Казачествѣ. Самъ молодой

еще Тарась Шевченко извѣрился въ свою Родину: очи ихъ стремились туда, откуда приѣзжалъ сѣдовласый усатый «Кошевой батько», гдѣ потомки славнаго Запорожья жили своимъ казачьимъ бытомъ, въ боевой жизни Кубани, поддерживая безсмертную славу своихъ предковъ.

Разказы генерала о Кубани и о казачествѣ — воодушевляли петербуржцевъ; но этого мало: въ дни тяжелаго изгнанія украинскаго пѣвца — Шевченко, когда у него упали духъ и сила, когда надломилось его сердце. — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко, помощью моральной и матеріальной, поддерживалъ изгнанника, не боясь преслѣдованій начальства, вливая въ него снова силу и энергію къ творчеству.

Самъ Кухаренко не былъ зауряднымъ писателемъ въ ту эпоху на казачій масштабъ.

Онъ написалъ обширную поэму въ стихахъ — «Харько Запорозькій Кошевий», и написалъ замѣчательную въ бытовомъ отношеніи пьесу, рисующую жизнь на Кубани первыхъ переселенцевъ казаковъ — «Черноморскій побитъ». Онъ написалъ еще рядъ разказовъ изъ Черноморскаго быта, имѣющихъ для насъ теперь и чисто историческій интересъ. Онъ далъ намъ «Чабанскій словарь» — почти вымершихъ на Кубани когда то распространенныхъ словъ и терминовъ, специфически кубанскихъ.

Въ своихъ произведеніяхъ, писанныхъ чистѣйшимъ разговорнымъ языкомъ первыхъ Черноморцевъ, онъ оставилъ намъ образцы нашей Кубанской народной «мовы» такъ мягкой и благозвучной нашему казачьему уху.

Но къ нашему стыду — Кухаренко оказался «забытымъ казачьимъ писателемъ». Его произведенія, печатанныя враздробь и въ различныхъ журналахъ, были изданы отдѣльнымъ сборникомъ только въ 1880 году и къ нашему времени сдѣлались библиографической рѣдкостью. Пьеса же его была передѣлана М. Старицкимъ въ оперу подъ названіемъ «Черноморці».

Только позже, въ эмиграціи, Кубанцы больше обратили вниманіе на своего забытаго Атамана — писателя: въ журналахъ «Казачій Путь», «Вольное Казачество» были помѣщены рядъ статей о Я. Г. Кухаренко С. А. Федоровымъ и П. П. Кокушко, а въ 1928 году «Громада украинцевъ съ Кубани» издала по инициативѣ супруговъ М. В. и Г. В. Омельченко и подъ редакціей послѣдняго — произведенія Я. Г. Кухаренко, какъ первое полное иллюстрированное изданіе.

**

Самъ Я. Г. Кухаренко не былъ баловнемъ судьбы. Родился онъ въ 1799 г., и въ 15 лѣтъ вступилъ на военную службу и долго тянулъ ка-

зачью обыкновенную ляжку. Былъ «сотеннымъ есауломъ» (т.-е. урядникомъ) и только черезъ 10 лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры.

Личныя способности и боевая дѣятельность выдвинули его въ 1836 году въ штабъ-офицеры. Служилъ онъ въ казачьей кавалеріи и артиллеріи, командовалъ № 9 коннымъ полкомъ, былъ ассесоромъ въ Войсковой канцеляріи и непремѣннымъ членомъ ея, а съ 1842 года — штабъ-офицеромъ Ейскаго округа. Много времени провелъ онъ въ бояхъ и на кордонной Линіи.

Незаурядныя его способности какъ администратора, выдвинули его въ 1851 году на постъ Наказнаго Атамана Азовскаго Казачьяго Войска, сформированнаго изъ Запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи въ компанію 1828 года.

Войско это было поселено на сѣверо-западномъ берегу Азовскаго моря, между Мариуполемъ и Бердянскомъ и благодаря «хозяйничанью» генерала Гладкаго (Бондаря) б. Кошевого — Войско пришло въ большой упадокъ.

Энергичный Кухаренко быстро привелъ его въ порядокъ, но Войско скоро было упразднено и влило в Войско Кубанское.

Съ октября 1852 года. Полковникъ Кухаренко вступилъ въ исполненіе обязанностей Начальника Штаба и и. об. Наказнаго Атамана Черноморскаго Войска.

Быть постояннымъ Атаманомъ ему не было суждено: въ это время дѣйствовалъ уже указъ импер. Николая I, по которому, ни одинъ казакъ не смѣлъ быть въ своемъ Войскѣ даже и Наказнымъ Атаманомъ. Должность же Войскового Атамана была упразднена совсѣмъ.

Въ 1856 году онъ сдалъ свою должность Казанскому дворянину, генералу Филиппову и потомъ уже Кубань илѣлась 50 лѣтъ не видѣла во главѣ Войска ни одного изъ своихъ сыновъ.

Были и другія причины, изъ-за которыхъ косо смотрѣли на генерала Кухаренко. Мѣстная знать не долюбивала его изъ-за административныхъ распоряженій столицы; столица косилась на Кухаренка какъ на «писателя» и «казакмана». Была извѣстной и его связь съ сельнымъ Шевченко и съ дѣятелями «Кирило-Мефодіевского братства» — украинскаго, политическаго... Времена тогда были тяжелыя — николаевскія. — что жъ потомъ было удивительнаго, что на Кубани утвердилась легенда — будто тѣло Генерала Кухаренко запрещено было похоронить въ оградѣ Войскового Запорожскаго Собора, на Крѣпостной площади, среди б. куреней Черноморскихъ.

Похоронецъ онъ былъ на городскомъ (загороднемъ тогда) кладбищѣ и только послѣ революціи 1905 '6 г.г прахъ его перенесли ближе къ престолу бывшаго Запорожскаго Собора.

О Кухаренко на Кубани сохранилось много рассказов, анекдотов и воспоминаний.

Это был типичный старый Запорожский Батько-Атамань, добрый но и строгий, ласковый, но и выскательный, не «говоривший», а только «балакавший», со своим вечным длинным чубуком в руках, не раз каравшим отечески в штаб-офицерскія спины, но никогда не выдававших их вышему начальству.

Память о нем была дорога Кубани, — дел-

жна она быть дорогой и намъ. Она должна быть перенесена нами на освобожденную, политую кровью послѣдняго Черноморскаго Казака-Атамана, освобожденную Родную Землю.

Родная Кубань создала ему «памятникъ нерукотворный», а мы ему поставимъ, своему Батьковѣ-Атаману, пѣвцу Кубани и Казачества, поэту и писателю Генералу Якову Герасимовичу Кухаренко, — въ сердцахъ своихъ.

С. Лантухъ

ВСТРѢЧИ...

(Посвящается Полковнику М. К. Соломахину)

Въ году грозныхъ и великихъ испытаний,
На полѣ бранномъ встрѣтились съ тобой, мой
другъ:

Тогда, въ дни горя и страданій,
Въ бояхъ мы исцѣляли свой недугъ.
На кровныхъ горскихъ скакунахъ,
Блестая шашками стальными,
Носились мы въ родныхъ степяхъ,
Природу улажтая пѣснями лихими...

Я помню, какъ передъ сотнями
Ты строемъ былъ на ворономъ конѣ:
Лицо съ нависшими бровями
Чуть блѣднѣло и, на мигъ,
Твой взоръ суровый застывалъ,
Когда отважная работа насъ ждала,
Мль бой жестокий назрѣвалъ,
Коль рать враговъ къ намъ въ тылъ зашла.

Затѣмъ — мы встрѣтились, мой другъ,
Голодные подъ сибирскими горами,
Гдѣ въ празднои дѣни вертели свой досугъ,
И любовались синими волнами,
Смотрѣли вдаль морской равнины,
Желая съѣсть на дощѣ пловучій,
Чтобы остановить позвди кровавыя картины,
Не видѣть горькихъ слезъ богатырей могучихъ.

Въ тѣ дни, когда флагъ Атаманскій
Къ позорной казни бросили казаковъ,
Ты далъ мнѣ полкъ отважный Наргизанскій
И съ нимъ велѣлъ блюсти традиціи дѣдовъ.
Ты вспомни, кажется, вѣдь вмѣстѣ мы
На сверхъ-дредноутѣ державы иностранной
Поплыли въ Крымъ, считая, что должны
Еще потѣшиться въ отвагѣ бранной...

Потомъ, въ Крыму, подъ патискомъ врага,
Грузидясь мы на флотъ, ища спасенья,

Вадимъ Соломахинъ

Казакъ станицы Некрасовской
(сынъ настоящаго Начальника Походнаго Штаба
Полковника Соломахина)

И вмѣстѣ же съ тобой покинули родные берега
Надежду утѣрявъ въ освобожденнѣ...
А тамъ Лемносъ — пустынный и холодный.
Тюрьмы для вольныхъ казаковъ.
Свербѣный тифъ, могилы, карантинъ голодный
И цѣли рабскія враговъ...

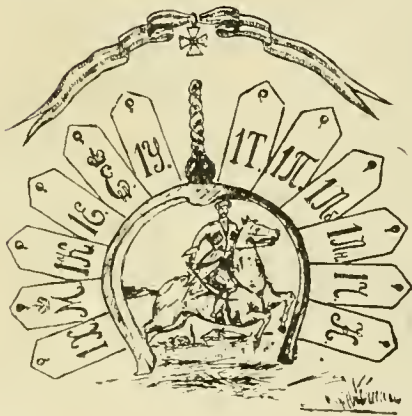
Послѣдній разъ мы видѣлись во Враньѣ.
Гдѣ штабъ Кубанскій находился:
Ты въ вѣщеть тамъ примѣнялъ свое старанье
И честно для Казачества трудился.
Ты окруженъ былъ ядомъ лжи коварной.
Забывъ семью, отстанувъ казачью Ряду.

Но лишь плѣвки авантюристовъ съ популярностью
базарной
Служили для тебя единственной наградой.

Въ годину новыхъ испытаний
На подѣ брани встрѣтимся съ тобой, мой другъ.
Тогда, въ дни радостныхъ страданій
Въ бояхъ испробимъ свой недугъ.
Опять блеснемъ мы шапками стальными.
За Родину, за честь, за славу Казаковъ.
Кубань прославимъ дѣланьями-дѣлами.
Съ неволи вырвемъ братьевъ и отцовъ.

Полковникъ С. Макѣевъ

Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани

Съ боями продѣлавъ весь путь въ сѣдлѣ отъ
самаго Воронежа — въ январѣ мѣсяцѣ 1920
года, въ свой отдѣлъ, въ станицу Невыномес-
скую — прибыли короткіе остатки 1-го и 2-го
Хоперскихъ полковъ и приступили къ новому
формированію. Сдавъ эти кадры командиру бри-
гады, полковнику Бочарову — я занялся сво-
имъ 2-ымъ Хоперскимъ полкомъ. Командиромъ
1-го Хоперскаго полка былъ назначенъ стар-
шій Хоперецъ, подковникъ Соломахицъ, бывшій
командиръ 2-го Партизанскаго Коннаго полка
и нынѣшній Начальникъ походнаго штаба.

Доблестно-удалые, первые, испытанные и
сыновья — преданные соратники знаменитаго
Шкуро, соратники его первыхъ начинаній каза-
чьяго освободительнаго движенія, отважно —

храбрые и стойкіе въ бояхъ гяковые Хоперцы
— они, надорванные долгою безмявною борь-
бою съ краснымъ съверомъ, въ теченіи коей, вы-
ставляя отъ своего маленькаго Баталшинскаго
отдѣла одной лишь конницы цѣлую дивизию —
(2 Хоперскихъ и 2 Партизанскихъ полка, состав-
лявшіе 1-ую Кавказскую Казачью дивизию) —
Хоперцы, уставшіе, обезсиленные, надорванные
и буквально обезкровленные — они расплы-
лись по своимъ станицамъ и туго шли въ Невы-
номескую, въ свои полки Хоперскіе...

Въ это время, 2-ой Кубанскій Конный кор-
пусъ Генерала Науменко — настоящаго Войско-
вого Атамана (2-я и 4-я Кубанскія Казачья див-
изи, генераловъ — Фостикова и Косинова),
многочисленный, хорошо экипированный и ре-
организованный на Войсковой территоріи — вы-
ступилъ на фронтъ, на Мануцъ. Ввиду такихъ
рѣзко разнотныхъ положеній — тяжело было
сидѣть въ тылу, безъ дѣла. Я запросилъ Генера-
ла Науменко о своемъ желаніи перевестись во
2-ой корпусъ, получивъ согласіе, и сѣвши вы-
ѣхалъ къ нему, на фронтъ.

4-го и 5-го февраля, я былъ въ пути. Сто-
яли жестокіе морозы при глубочайшемъ снѣгѣ,
съ холодными восточными вѣтрами. Изъ Тор-
говой, навстрѣчу мнѣ, слѣдовали цѣлыя группы
конныхъ казаковъ, закутанные въ бурки и баш-
лыки. То все были пожилые и уже больные ка-
закі, которые, по своему возрасту, плохо пере-
носили походную и боевую жизнь въ такую злоую
стужу.

Друзья познаются въ несчастіи, а казаки — въ дѣлѣ

6-го февраля, прибывъ въ село Ивановка Ставропольской губернии — я представился Генералу Науменко и въ тотъ же день назначенъ былъ командиромъ 1-го Лабинскаго полка. Это былъ самый стойкій и многочисленный полкъ тогда во всемъ корпусѣ. Въ немъ было 550 шаблекъ, 8 пулеметовъ и полкъ былъ съ достаточнымъ офицерскимъ составомъ. Но, — корпусъ уже отступалъ, какъ отступалъ и весь фронтъ. Среди старшихъ военачальниковъ замѣтна была растерянность. Тверды и отважны оставался генералъ Фостиковъ и свою 2-ю дивизию — определялъ боевую стойкость корпуса.

На границѣ Кубанской области произошелъ неудачный для насъ конный бой всего корпуса съ конницею противника. Въ немъ мы потеряли даже часть своихъ пушекъ. Нулею былъ раненъ доблестный Фостиковъ и эвакуировался, а 2-ю дивизию принялъ командиръ 1-го Кубанскаго полка, полковникъ А. И. Кравченко. Весь корпусъ, оторвавшись отъ противника — прошелъ уже родныя Кубанскія станицы — Успенскую, Ильинскую, Дмитриевскую и, въ среднихъ числахъ февраля мѣсяца — вошелъ въ станицу Кавказскую и сталъ по квартирамъ. Здѣсь пришлось быть свидѣтелемъ отвратительныхъ сценъ: казаки-обыватели не пускали къ себѣ на квартиры строевыхъ казаковъ... Душа казака-селянина скупилась клочкомъ сѣна и уютомъ своей просторной хаты, своему же брату казаку... Последній же, «бравъ съ боя» все то же въ крестьянскихъ селлахъ — здѣсь былъ скрамень, тихъ, наивный... и, стоя у воротъ — ждалъ активного вмешательства своихъ офицеровъ...

Къ этому времени, въ Кавказской, сосредоточились и остатки пластуновъ, разбитыхъ подъ селомъ Вблоглинскимъ, гдѣ былъ отрѣзанъ, захваченъ въ погѣдъ и зарубленъ красной конницей, командиръ Кубанскаго пластунскаго корпуса, генералъ Крыжановскій.

Силошь неудачные бои и вѣдѣніе противника на Войсковую территорию — деморализующе отразилось на настроеніи частей войскъ. Потеря «духа» и наличие возможности сопротивления — обрисовывалось въ полкахъ ярко, тяжело. Но на корпусѣ лежала задача — сохраненіе за собою важнаго желѣзнодорожнаго узла, коимъ была станица Кавказская (хуторъ Романовскій) Владикавказской желѣзной дороги.

Жестоко пострадавшие въ 18-омъ году отъ краснаго террора послѣ своего всеобщаго возстанія, когда мужественно - зрѣлыхъ казаковъ большевики разстрѣливали въ ихъ же станицахъ цѣлыми сотнями — Лабинская бригада, въ себѣ замкнувшись, на удивленіе и впротівовѣсъ другимъ частямъ — стойчески держалась. Въ нее, въ Кавказскую — прибыло даже пополненіе бородатыхъ казаковъ. Естественно, что на нее,

на Лабинскую бригаду, имѣлъ опору и весь корпусъ и самъ Генералъ Науменко.

Не погнулись доблестные Лабинцы и тогда, въ ту тяжкую жестокую и послѣднюю годину своего казачьяго бытія, жертвенно и до-конца отстаивая каждую пядь земли своей Казачьей Войсковой территоріи...

О нихъ я и скажу ниже.

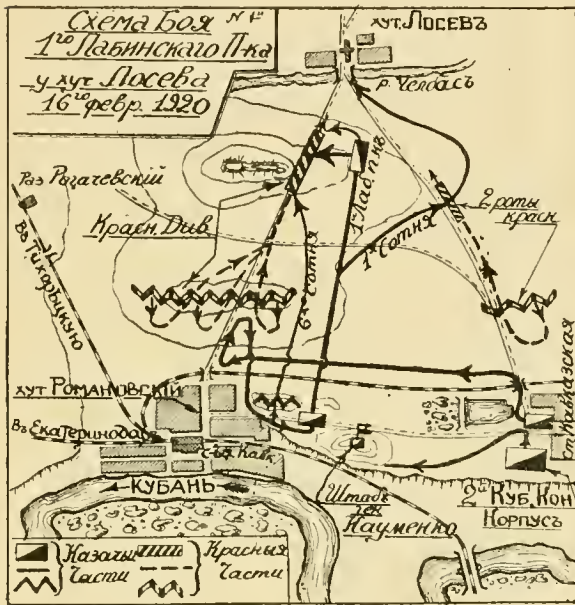
Итакъ, весь 2-й Кубанскій Конный корпусъ занималъ станицу Кавказскую.

16-го февраля, утромъ, предъ разсвѣтомъ, неожиданнымъ налетомъ, красные захватили станицу Кавказскую, одновременно произведя демонстрацію на станицу Кавказскую, лежащую въ 7-ми верстахъ, восточнѣе первой.

По тревогѣ, въ ночной темнотѣ, корпусъ сѣшно сосредоточился у западной окраины станицы. Обстановка оставалась невыясненной. Незамедлительно, 1-й Лабинскій полкъ былъ выдвинутъ впередъ, къ х. Романовскому (станція Кавказская). Перейдя у станицы желѣзнодорожное полотно Кавказская - Ставрополь и подойдя къ нему съ сѣверо-востока и на переѣздѣ, отъ будочника, узнавъ, что красные, съ захваченными плѣнными, ужь отошли по направленію х. Лосева — Лабинскій полкъ, по шляху, бросился вслѣдъ, на выручку. Уже свѣтало, но спустившейся густой туманъ былъ хуже ночи. Въ какой-нибудь верстѣ отъ будки, неожиданно и въ упоръ — полкъ былъ обданъ жестокимъ огнемъ красныхъ. По кучности огня определялась замѣтная сила противника. Въ ту-же минуту 8 пулеметовъ доблестнаго есаула Сапунова, взявъ цѣль «на огонь» — жарнули въ отвѣтъ также густо... Подъ ихъ прикрытіемъ, подбирая раненыхъ и что-бы не разорваться — держась въ туманѣ чувствомъ стремени — резервною колоною, спокойно, шагомъ, — полкъ перевалилъ обратно желѣзно-дорожное полотно и сосредоточился въ ближайшей ложбинѣ, занявъ шестую сотнею хорунжаго Меремьянова (силошь казаки и офицеры станицы Константиновской) впереди лежащія бугры. По софдетству, на высококомъ шипелевомъ курганѣ (на — «бикетѣ»), неожиданно оказался и штабъ корпуса, отошедшій сюда съ остальными частями. Спустился около часа — дохнулъ восточный вѣтерокъ и какъ рукою смахнулъ туманъ. И намъ представилась неожиданная картина: красные свернулись и стали отходить. Командиръ корпуса, не упуская и минуты — бросаетъ вновь Лабинцевъ вслѣдъ.

Резервною колоною, широкою нервной рысью, переваливъ «бугры» и «полотно», вразрѣзъ шляха и бѣгъ дорогъ — полкъ ринулся вдогонку. Хорунжій Меремьяновъ съ 6-ю сотней, самъ снялся и бросился по шляху, по пятамъ противника.

Вираво, двѣ роты красныхъ съ пулеметами, демонстрировавшіе на станицу — также уже отступали къ Лосеву. На нихъ была сразу же брошена 1-я сотня есаула Бобряшева. Остальныя четыре сотни крушно рысали молча, въ «кулакѣ». После многихъ неудачъ, словно застоявшійся скакутъ — Лабинцы кучво шли, гори желаньемъ мести и отпора... Недоустивъ до Лосева, Бобряшевъ, сокрушающимъ налетомъ, плѣшилъ полностью эти двѣ роты и дивой скачкомъ, уже у самой переправы черезъ р. Челбасы — настигъ и захватилъ и шесть ихъ пулеметовъ, не давъ уйти за рѣку и ни одной души противника...

Тяжелый сажъ и фырканые коней — ужъ говорили объ ихъ усталости и «выдыхави». Но весиѣ растворившійся Кубанскій черноземъ — былъ слишкомъ вязокъ... Но немъ, не ослабѣвая торопливаго аллюра — полкъ прошелъ ужъ 10 верстѣ. Но нужно было торопиться, торопиться и еще... Нельзя было пустить противника въ Лосевъ, гдѣ его, черезъ единственную узкую и тонкую греблю — ужъ не достать потомъ. Два ихъ орудія, взявъ «въ вылку» полкъ издалека — тревожили его кроваво. Но вотъ Лабинцы выдвинулись изъ-за переката, а изъ соседняго отрога, въ «поль-гогъ» — большая темная продолговатая кишка... То грузно выползала колона ихъ пѣхоты — съ пулеметами, съ полводами, которую мы не видя въ параллельномъ своемъ движеніи — удачно и чуть-чуть опередили. Отъ неожиданности такъ близкой встрѣчи — полкъ спружинился... встряхнулся... Вязкая казачья паханная шва — несколько не благоприятствовала молниеносности коннаго «удара». Мигъ,

всего лишь мигъ, в. въ двухъ-шереножномъ строю, и какъ стая голодныхъ волковъ — рванулся съ гикомъ полкъ на нихъ, обхватывая съ фланговъ... И безъ командъ мелькнули шашки въ воздухѣ и «заходили» по крунамъ взмыленныхъ коней... Пронеслось съ визгомъ два-три снопа пухъ мохъ казаками... свалилось нѣсколько коней и сѣдоковъ... еще моментъ... мигъ... и сотни «вфзались» въ пѣхоту красную... Все сразу, какъ-то, жутко стихло... То «захлестнулись» полкъ атакой в... бѣгичилъ бой... Сотни винтовокъ ужъ валились по полю визкомъ... десятка три подводъ замерли стоя... Толпы красноармейцевъ «стояли» въ кучу... а кругомъ, на разгоряченныхъ взмыленныхъ и фыркающихъ коняхъ — задорные гиковые Лабинцы...

Вдали видѣлись улетѣтывавшіе верхами до десятка комиссаровъ, бросившихъ своихъ солдатъ въ бой... Съ низи усебли уйти и пушки ихъ.

Неожиданно подкакалъ Науменко со штабомъ, какъ оказалось, слѣдовавшій все время за полкомъ. Вздвонованный и радостный — суетъ онъ въ руку мѣхъ кулера Георгіевскихъ крестовъ для естепи... благодарить Лабинцевъ, насѣхъ бросаетъ вновь впередъ занять и Лосевъ, а самъ, съ пѣлою дивизіею плѣнныхъ — возвращается въ Кавказскую. То была 31-я стрѣлковая дивизія. Съ нею былъ захваченъ и начальникъ дивизіи со штабомъ, — датышъ по роду и русскій капитанъ Генеральнаго штаба (фамилія забыта, начинается на А.).

12 пулеметовъ здѣсь и 6 отъ налета 1-й сотни — были пѣлою добычею этого боя и оставлены въ полку для его нужды. А въ х. Лосевѣ, отъ жителей узнали, что рано утромъ красные провозили много раненыхъ и убитыхъ. То былъ удачный плодъ работы пулеметовъ есаула Сапунова.

20-го февраля, 2-й Кубанскій Конный корпусъ, развивая движеніе, занялъ станицу Дмитриевскую (въ 25-ти верстахъ сѣверѣе Кавказской). За неудачный конный маневръ этого дня, гдѣ 20 пулеметовъ 1-го Лабинскаго полка едва остановили неудержимый потокъ къ намъ въ тылъ трехъ полковъ красной конницы и этимъ спасли положеніе — полковникъ Кравченко былъ отозванъ и выѣхалъ въ отпускъ, а въ командование 2-й дивизіей, Генераломъ Науменко, былъ назначенъ — ишущій эти строчки.

На второй день, 21-го февраля, на развѣтъ, красные перешли въ наступленіе на станицу Дмитриевскую, со стороны Шлынской, отстоящей отъ нея въ 7-ми верстахъ на сѣверъ. По диспозиціи, въ случаѣ тревоги, 2-я дивизія, перейдя греблю — сосредотачивается у сѣверо-западной окраины станицы, а 4-я — у сѣверо-восточной.

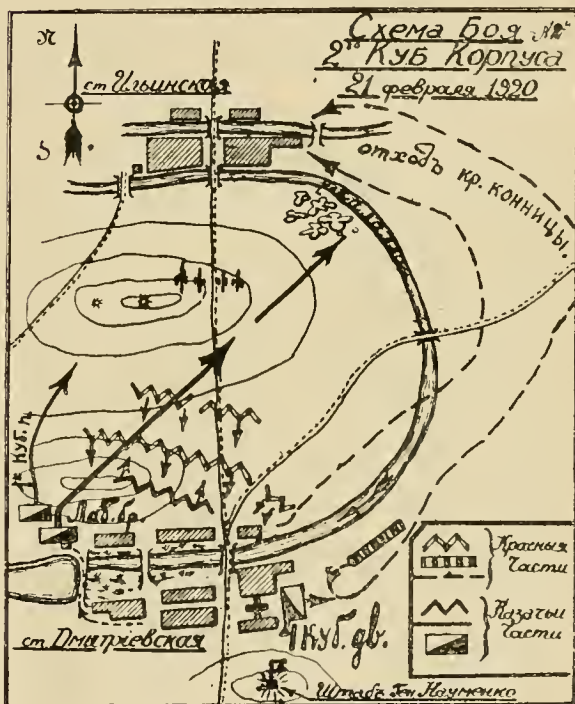
Наступление красных застало насъ врасплохъ. Наше охранение и развѣдка обнаружили ихъ очень поздно. По тревогѣ, наметомъ и въ одиночку — дивизія сѣшно проходить узкую полуразрушенную греблю и сосредотачивается (см. схема № 2): Лабинская бригада, какъ самая реальная сила (800 шашекъ) тутъ же, въ ложбинѣ, впереди гребли. 1-й Кубанскій полкъ (100 шашекъ) разбросанъ былъ еще съ вечера въ охранение и на развѣдку. 2-й Кубанскій и 3-й Линейный (120 шашекъ) полки, сѣшными сотнями заняли пригорки передъ ставницею вправо. Боевая обстановка была невыяснена. Высочивъ на одно изъ ближайшихъ возвышеній что-бы осмотрѣться — я напоролся на двѣ густыя цѣпи красныхъ, сѣшно наступающихъ на ставницу. Межъ ними — до двухъ десятковъ пулеметныхъ линеекъ. Конница же ихъ (до 1.200 шашекъ), на широкихъ рысяхъ, по высокому правому берегу рѣчки Калалы, сѣшила обогнуть Дмитріевскую съ востока. Голова ея уже приближалась къ околицѣ. Она, видимо, заноздала своимъ «обходомъ» передъ пѣхотою и потому, замѣтно торопилась, растянувшись по дорогѣ. Пѣхота же ихъ наступала стройно, твердо. Лѣвый ея флангъ уже входилъ въ ставницу. Тамъ, правѣе насъ, баталіонъ желто-погонныхъ Кавказскихъ гренадеръ, схвативъ своихъ-же офицеровъ — передали на сторону врага, оголивъ нашъ флангъ. Четыре ихъ орудія, занявъ укрытую позицію невдалекѣ — прямымъ настільнымъ огнемъ — сметали ужъ Кубанцевъ и Линейцевъ. 4-я Кубанская дивизія полковника Хоранова, занявъ фронтъ восточнѣе Дмитріевской ждала приближающуюся конницу красныхъ. Командиръ корпуса, Генералъ Науменко со штабомъ — выселся на большомъ курганѣ, что южнѣе Дмитріевской. Ему, картина боя, видна была какъ на ладони. По положенію сторонъ — красные могли ужъ торжествовать успѣхъ. Вся обстановка была не въ нашу пользу. Мы, просто, были застигнуты врасплохъ и заняли свои мѣста по буквѣ диспозиціи. Кубанцы и Линейцы ужъ отступали. 800 шашекъ скученныхъ Лабинцевъ — красные не видѣли въ ложбинѣ. Моментъ былъ опасный, критическій и дорогой... Позади непроходимая болотистая рѣчка и переправа въ одиночку...

«Пройдя рѣку — сожги мосты предъ боемъ» — говоритъ древняя мудрость — «что-бы шикто не оглядывался-бъ назадъ...»

Огорошенный — свалился я съ пригорка, схватилъ Лабинскую бригаду и съ головными, родными и дорожными ужъ мнѣ 1-мъ Лабинскимъ полкомъ — рванулъ впередъ... 2-й Лабинскій полкъ полковника Кротова (терца), густою массою, сорвался такъ-же и, не отставая ни на шагъ — шелъ тутъ-же непосредственно, уступомъ влѣ-

во. Штабъ дивизіи въ 30 всадниковъ, былъ межъ полками на уровнѣ первого. Въ такомъ скученномъ строю, Лабинская бригада, тайно и дерзко появилась молча на пригоркѣ и сразу-же обрушилась въ упоръ на красныхъ...

Кучная стройная молчаливая масса конницы, 15 развѣивающихся цвѣтныхъ значковъ съ бѣлыми конскими хвостами и затѣмъ массовый рывокъ все при томъ-же страшномъ гробовомъ молчаніи всадниковъ — обезкуражилъ красныхъ. Цѣпи остановились, дали 2-3 залпа и, повернувшись также стройно, сѣшно стали отходить назадъ.

Красивъ и благодатенъ нашъ Кубанскій черноземъ для хлѣбороба, но тогда... тогда, въ тотъ роковой моментъ атаки — его я проклиналъ безжалостно...

Рысь, только тягучую нудную рысь, могли намъ дать тогда наши благородные кони, утопая въ прошлогодней осенней пахотѣ со щеткою... А цѣпи красныхъ сѣшно отходили и отходили, видимо, и не думая сдаваться. И какихъ-нибудь 100 - 500 шаговъ насъ раздѣлявшихъ — казались, чепреодолимыми... Лошади изнемогали... Боязнь, что полки не дойдутъ «до шашки», выдохнется и остановятся — щемило душу... Красные понимали это и торопились, видимо, занять слѣдующій позади пригорокъ и на немъ «залечь». И какъ послѣднимъ резервомъ — бросаю въ массу — «въ карьеръ!» ...«ура-а-а!» и,

красивей-бллой полосой на миг сверкнувши сотни обнаженных шапок — заходили по тру-пам изнемогающих коней... Что-то похожее на крысиный «намет» — обозначалось в коло-нах... И вот — ближе — ближе... ближе и еще... передовая цѣпь красныхъ, въ смятѣніи, давъ и еще одинъ, другой по насъ «спасательный» свой залпъ — «сломалась» и побѣжала въбездорядкѣ на утекъ... Это, словно, прибавило прыти нашимъ донадеямъ... и переднія изъ нихъ — уже вломилась и разстроили ее... Вторая цѣпь крас-ныхъ остановилась и жестоко жарнула по ка-закамъ и по своимъ... 1-й Лабинскій полкъ, разрозненный уже кровавыми потерями и изне-могающій въ грязи — головными взводами до-шелъ таки и врѣзался и во вторую цѣпь ихъ ужъ на второмъ пригоркѣ... А пулеметы красныхъ — во всю прыть скакали внизъ подъ горку, спасаясь къ Ильинской.

2-й Лабинскій полкъ, мощный и не разстро-енный, приближался дѣвѣ ровно, готовый ми-гомъ ринуться на помощь. А въ это время, 1-й Кубанскій полкъ, съ отважнымъ войсковымъ стар-шиною С. О. Сердюкомъ — уже маячилъ предъ станицей влѣво. 2-й Кубанскій и Линейный — самостоятельно продвигались вправо, за отхо-дящею пѣхотою. Все поле боя кишѣло плѣнными и казаками. 1-й Лабинскій, послѣ схватки раз-розненный, на сигналъ штабъ - трубача Диден-ко — устало собирался къ своимъ разметаннымъ знакамъ. Казаки подбирали убитыхъ и ране-ныхъ своихъ, сгоняли плѣнныхъ, складывали винтовки въ кучи. А въ это время, «присекалъ» ординарецъ отъ генер. Науменко съ письме-нымъ приказаніемъ — «въ виду критическаго положенія — немедленно дать (ему) одну бри-гаду въ резервъ». То, оказалось, запоздалое при-казаніе, догданное до боя. Въмѣсто бригады ка-заковъ — командиру корпуса послана была дѣ-лая бригада плѣнныхъ. Пушки же ихъ и пуле-меты — успѣли уйти. Ушла и одна ихъ дѣво-фанговая рота съ «нашими гренадерами», су-мѣвшая перебраться черезъ рѣчку по рыхлому весеннему льду. Ковница же красныхъ, со сво-его высокаго берега, видя гибель своей пѣхоты не дойдя до цѣпи, повернула и далеко отгибая своей путь къ востоку — стала отходить къ Иль-инской.

Чтобы преградить ей путь отхода — Лабин-ская бригада влѣвнѣй крушой рысью, по укло-ну, двинулась на перерѣзъ ей, къ загибу Калады, что у лѣвака (см. схему № 2), но эту плѣсневую поганенькую рѣчку съ рыхлымъ весеннимъ льдомъ осилить переправой не смогли — завяз-ла и остановилась въ пролѣткѣ...

Красные безпрятственно вновь заняли Иль-инскую. Въ этомъ бою 1-й Лабинскій полкъ по-

несъ большой уронъ и порѣдѣлъ до 25% своего состава. Даже и въ штабѣ дивизіи былъ раненъ одинъ офицеръ, а начальникъ штаба ея, — доб-рый и прегарбный генеральнато штаба гене-раль - лейтенантъ баронъ Аристокрень — благо-дарилъ и восторгался, что ему довелось хоть разъ и первый разъ въ жизни, ощущать такъ близко «запахъ» смерти въ настоящей конной атакѣ, въ которой — «душа уходитъ въ пятки...»

Въ ней онъ утерять даже свою фуражку...

24-го февраля мы неожиданно стали Дмит-ріевскую, а 25-го, въ весенній яркій, томящій своею мягкой теплотой, день, — 2-я Кубанская дивизія, до самой поздней ночи, сдерживала красныхъ, не давая имъ переправиться черезъ р. Челбасы у х. Юсева. 1-й Лабинскій полкъ, въ этотъ день, своимъ упорнымъ арбергарднымъ боемъ въ пѣшемъ строю, и еще разъ проявилъ свою благородную доблесть, понеся при этомъ жестокія потери. Убитъ былъ пулеметчикъ хо-рунжіи Меремьяновъ 2-й и невоерканъ шрап-нельнымъ разрывомъ командиръ 6-й сотни хо-рунжіи Меремьяновъ 1-й. Наканунѣ, подъ Дми-тріевской, убитъ былъ командиръ 1-й сотни, ли-хой и разумный есаулъ Минай Петровичъ Бобря-шевъ. За эти всѣ бои, однихъ казаковъ изъ полка убыло до 100 человекъ убитыми и ране-ными, а офицеровъ — убито 2 и ранено — 6.

Конскимъ же составомъ полкъ порѣдѣлъ еще болѣе чувствительно.

На ночь, дивизія отошла въ х. Романовскій, куда отошла и 1-я дивизія со штабомъ корпуса изъ станицы Кавказской, а рано утромъ 26-го, красные напали на насъ съ сѣвера, а весь корпусъ, не принимая боя, — спокойно выт-янулся по дорогѣ на станицу Казанскую. Но красные медлили вступать въ х. Романовскій. Корпусъ поднялся на высокое плато предъ ху-торомъ и отсюда 2-я дивизія была выдвинута къ развѣзду Рогачевскому (въ направленіи ст. Тихорѣцкой). Нашъ броневозъ, вышедшій изъ Кавказской туда — же — въ дощипъ наду-наль конницу красныхъ и, удачнымъ огнемъ сво-ихъ пушекъ, спугнувъ ее съ мѣста — отбросилъ отъ желѣзно - дорожнаго полотна. 2-я дивизія не выдержала и густою резервною колоною пол-бовъ въ одну линію — бросилась преслѣдовать ее. 2-хъ годовалая «убитая» телова, съ высо-кимъ сухимъ бурьяномъ, просохшая уже земля, теплое весеннее казачье утро съ мягкимъ лас-кающимъ вѣтеркомъ и мощный хоръ трубачей 1-го Лабинскаго полка, остановившіяся на при-горкѣ и воинственно - взрыдавшій всѣми сво-ими тридцатью духовыми инструментами вѣд-мающій «карьеръ» — все это вмѣстѣ взятое —

на что оно могло толкнуть душу даже и не храбрееца в ту минуту...?!

Дивизия явно шла в тыл ведем красным войскам, облеглим х. Романовской. Конница красных, выйдя из сферы досягаемости пушек нашего бронепоезда и круто повернув направо — всюю своею массою, широким аллюром обрушилась на казаков. 6 пулеметов «Понса» 1-го Кубанского полка, на карьер выскочив вперед — жарнули молоденки по отважно приближающейся коннице красных. По командѣ полки повернули взводы вберомъ в стороны и открыв «окно» 20-ти пулеметам 1-го Лабинского полка — дали возможность и еще разъ потѣшиться испытанным пулеметчикамъ. Жестокій мѣткій огонь по скученной массѣ конницы — разстроилъ ее... И тутъ — полки были брошены на нее уже во всю свою лошадиную прыть... Красные не выдержали, повернули и... все слепло въ головокружительную скачку по полю Кавказскихъ казаковъ, полю широкому и раздольному...

Казаки вогнали красныхъ въ «пахоту». Извиваясь змѣею по еще непаханнымъ участкамъ, длиною зигзагообразною лентою расластались въ спасающемся жестокомъ карьерѣ красные, наступаемые казаками, перемѣшавшихся вѣхъ полковъ дивизии. Четыре красныхъ пулемета, отхваченныхъ уже казаками, — немилосердно строчили по своимъ же. Группы казаковъ верхами стояли возлѣ нихъ и угрожающе приказывали пѣвникамъ пѣлиться лучше по своимъ же... Вдругъ, со стороны станицы Кавказской, изъ балки, межъ длиннѣйшихъ облегающихъ станицу пѣлей — показалась свѣжая конная группа красныхъ. Трубачъ при мѣ Диденко сталъ трубить «сборъ».

Такой приятный, тепляще — растворяющій день выпалъ, что казаки, разбросавшись по полю, видимо и не думали собираться къ своимъ разметавшимся значкамъ. Послѣ головокружительной скачки, напѣхъ ввязавъ подушубки въ торока, — разгоряченные, безпечно и сладостно, мелкими группами маячили они вездѣ, словно стараясь въ послѣдній разъ и во всю свою молоденческую грудь надышаться и насладиться свѣжимъ теплымъ весеннимъ воздухомъ, на своемъ казачьемъ полѣ — въ послѣдній разъ, въ послѣднюю свою конную удачную атаку и, вѣв строя, вѣв словъ «команды»... А тутъ еще жаворонокъ, словно надъ мирнымъ пахаремъ, взвившись въ воздухъ и остановившись «на мертвой точкѣ» — такъ соблазнительно пѣлъ и переливался и щебеталъ надъ казаками...

Ну куда жъ тамъ было казакамъ до строя...!

Неожиданно присекалъ ординарецъ отъ генерала Науменко, наблюдавшего всю эту кар-

тину съ одного изъ высокихъ Казанскихъ кургановъ, длиннымъ рядомъ раскинувшихся надъ высокимъ обрывистымъ правымъ берегомъ родной Кубани...

2-й дивизии приказано свернуть и отойти въ Казанскую, выставивъ охраненіе у железнодорожнаго полотна.

Да... драться, пожалуй, было уже и бесполезно. За нами оставалась только лѣвобережная Кубань — отчина... И что «это» было по сравненію со всею территоріей и населеніемъ необъятной Россіи...

И эта бѣзлая атака, какъ оказалось, была послѣднею атакою 2-й Кубанской дивизии и доблестно — удалыхъ стойкихъ Лабинцевъ.

На слѣдующій день, 27-го февраля, прибылъ въ Казанскую командарм Кубанскаго Войска генералъ Улагай.

Словно въ знакъ заслуженной благодарности — командиръ корпуса, генералъ Науменко — почетный встрѣчный караулъ къ Улагаю — приказалъ выставить отъ 1-го Лабинскаго полка. И замерли они на перронѣ станицы Милованово, встрѣтивъ его, своего первого начальника дивизии еще со Ставрополя. А онъ, всегда замкнутый въ себя и скупой на похвалы, — рѣзко произываетъ почетный караулъ: — «Вѣрные и благородные Лабинцы! Вашу кровь и стойкость — не забудетъ Кубань..!» И штабъ корпуса съ генераломъ Науменко и штабъ дивизии — взявъ подѣ козырекъ — затаенно слушали рѣвкія — рѣзкія похвалы замкнутого и храбрѣйшаго въ Кубанскомъ Войскѣ — черкеса — рыцаря. То было лучше и самую цѣнную наградою 1-му Лабинскому полку за его боевую доблесть и пролитую кровь...

А на утро — красные вновь назойливо наслѣли и корпусъ, по тревогѣ, вытянулся ужъ къ станицѣ Тифлисской... Прощай родныя степи и все тѣ долія милыя мѣста...

На полѣ — пути между Казанской и Тифлисской — корпусъ остановился, свернуть былъ въ резервную колону, все строевые начальники были вызваны къ штабу корпуса, на высокой курганъ, коихъ такъ много по этому, столь знакому и родному высокому правому берегу Кубани. Здѣсь генералъ Науменко доложилъ всемъ, что «мы идемъ въ Грузію, гдѣ Кубанская армія будетъ реорганизована. Казаки вольны идти туда съ команднымъ составомъ или оставаться въ станицахъ. Притѣсненій имъ ни въ чемъ не чинить.»

При затаенномъ молчаніи полки выслушали эти слова отъ своихъ командировъ и... также молчаливо, все они родные казаки, послѣвовали за нимъ — въ невѣдомую даль...

Залочевали и продвевали уже въ станицѣ

Тифлисской и 2-го марта корпусъ вошелъ въ станцію Ладожскую, на которую красные настѣлаи съ сѣвера. Ладожская оказалась послѣднею станцією для корпуса, правобережной Кубани - Матери. Подъ давленіемъ красныхъ — корпусъ, по захудалому бревенчатому и танцующему своимъ легкимъ досчатымъ пастиломъ, станичному мосту, въ колонѣ, по три — сѣбно переходилъ за - Кубань. 1-ый Лабинскій полкъ вновь отхотилъ послѣднимъ, задерживая красныхъ, экономя время для переправы корпусу, а затѣмъ, снявшись съ позицій, — на рыскахъ прошелъ станцію и спустился подъ гору. Красные махнули вѣлѣдъ. Но мостъ еще не былъ свободенъ. Изъ станціи донесся плачь женщинъ. Бурливо залаяли собаки по дворамъ, почуявъ, видимо, непрощенныхъ гостей... Съ высокой кручи красные жарнули изъ ружей по нашимъ хвостамъ. Пауменко, бывший со своимъ штабомъ у моста еще на правомъ берегу — сѣбно указалъ Лабишамъ бродъ. Полкъ вошелъ кучно въ воду и, вмѣсто броду — поплылъ... И въ послѣдній разъ Кубань родная, буквально обняла въ свои нынѣшныя многоводныя и раздольныя воды — своихъ родныхъ сыновъ — удалой 1-й Лабинскій полкъ — въ послѣдній разъ...

Въ станціи Ново - Лабинской, вновь Лабишцы держали фронтъ на лѣвомъ низкомъ берегу своей Лабы и разстрѣливаемые шрапнелью красныхъ съ ихъ выскочаго праваго берега — вновь жестоко лили кровь. И на главномъ своемъ участкѣ, у взорваннаго моста, одинъ изъ взводовъ даже не смогъ подобрать тѣло убитаго своего же брата-казака и смѣтаемые огнемъ красныхъ — разрозненнымъ строемъ отошли изъ смертной зоны...

Вотъ прошли и аулъ черкесовъ, крестьянское село Нарскій Даръ, Филипповы хутора... Прошли по мосту и бурную холодную рѣку Вѣлюю... И еще разъ съ лѣваго берега рѣки Вѣлой повзбавились пулеметы отважно - доблестнаго есаула Садунова по передовымъ группамъ, красной конницы, устремившейся къ мосту... Подъ ихъ стремительностью къ переправѣ, казакъ - саперъ взялъ подрывные провода въ контактъ... Клубъ дыма, шепокъ и воды взвился въ высь... Мостъ рухнулъ. Прощай и Закубанская равнина...

Къ ночи корпусъ вошелъ въ лѣсистое предгорье и на ночь расположился въ 1-й горной Кубанской станціи - Бжедуховской. А на утро, грозоздой 2-й Кубанскій конный корпусъ, донская часть, Кубанскіе пластуны съ генераломъ Залѣскимъ, выстроившись у восточной околицы станціи и съ новышеннаго плато, — еще разъ и въ послѣдній разъ, взглянули въ синеву род-

ныхъ полей Кубанскихъ и... двинулись дальше въ горы...

Прощай, Кубань...

Прощай...

А вотъ и послѣдняя пядь родной земли Кубанской — Гойтскій перевалъ. Весь день, буквально весь день, черезъ перевалъ шель 1-й Донской (Мамонтовскій) конный корпусъ. Это были настоящіе сермяжные степные рыцари. На рослыхъ, еще не изъѣзженныхъ коняхъ, въ вѣ сѣрыхъ однообразныхъ шинеляхъ, рослые, чубатые, бородатые Донцы шли и шли... П сколько ихъ тутъ было...? Это была масса, сила, но сила ужъ надорванная. Прошла и многочисленная Черкесская конная дивизія. Ея начальникъ дивизіи, генералъ Султанъ - Келечъ - Гирей, на росломъ темно - гнѣдомъ выхолѣнномъ англѣ - дончакѣ, окруженный цѣлою сотнею почетныхъ пожилыхъ черкесовъ съ сѣдыми и крашеными бородами, вооруженными съ ногъ до головы, съ винтовками, опущенными дулами внизъ, со священной бережливостью конвоирующихъ своего вождя — прослѣдовалъ гордо, молчаливо, къ Туапсе...

Чтобы закрыть доступъ красно - зеленымъ со стороны Горячаго Ключа — 1-й Лабинскій полкъ — отъ горы Нидюкъ — былъ выдвинутъ черезъ новый перевалъ у Лысой горы и, пройдя по сказочно - таинственной лѣсной дорогѣ межъ амфиладой склонившихся дубовъ — съ боемъ занялъ село Садовое. Здѣсь, 4-я сотня есаула Щепетного захватила одинъ пулеметъ. Любоа и были убиты на - поваль — мл. офицеръ 6-й сотни сотникъ Венришкій и одинъ казакъ той - же сотни. То были послѣднія трофеи и послѣднія потери полка.

У станціи Кривеньковской, Туапсинской желѣзной дороги, 2-я дивизія, задержавшаяся слишкомъ долго въ своемъ арьергардномъ бою и неожиданно обстрѣливаемая зелеными съ фланга, по резерву — отходила на село Георгіевское. Но здѣсь предательски и въ упоръ, въ лобъ, была встрѣчена огнемъ зеленыхъ и окруженная съ трехъ сторонъ — безъ дорогъ проломившись полѣсу и ущельямъ — на другой день вышла къ морю. Въ этой передразгѣ замѣтно пострадалъ 2-й Лабинскій полкъ.

И настали въ горахъ тяжкіе, нудные и голодные дни для всей Кубанской Арміи, отшедшей сюда безо - всякаго плана и подготовки и безъ всякихъ занасовъ питанія, фуража и огневыхъ припасовъ. И если упомянуть, что когда войска вошли въ предгорье — зелеными была

«оккупирована» вся Черноморская губернія съ городами Туансе и Сочи — поэтому отсутствію плана — показателъ яркій. И чтобы расчистить путь для отступающей арміи — брошенъ былъ съ авангардомъ самъ генералъ Шкуро, смѣло и удачно выколившій эту задачу.

Людьми «мамалыга» и лошадей — вѣтви деревьевъ да будыляя прошлогодней кукурузы — были главными достояніями ѣды. Десятки тысячъ войскъ и бѣженцевъ буквально съѣли и опустошили все, что было тамъ тогда, на и безъ того бѣдномъ Черноморскомъ побережьи...

Труны павшихъ казачьихъ лошадей и калмыцкаго бѣлаго скота, разбитыя ихъ широкозаядя, неуклюжія повозки съ разною домашнею утварью, казачьи мажары, линейки, и... труны труны и безъ конца труны павшихъ отъ безкормицы, завязшихъ, утонувшихъ и задохшихся въ грязи лошадей, буквально на 10 - 20 шаговъ другъ отъ друга каждый — былъ устлавъ тотъ пахъ тернистой уходящей путь къ морю, къ спасенію... Спустившаяся весенняя оттепель, растворивъ труны — немилосердно отравляла воздухъ, грозя эпидемическою гибелью всему живущему тамъ тогда... Въ пискахъ корма для лошадей — безжалостно рубили казаки своими пашками красочныя породы тепловыхъ южныхъ растений и деревьевъ, оставляя только ненужныя для себя кочерыжки ихъ стволловъ, безобразя этимъ видъ пышныхъ благородныхъ аллей и нарядныхъ роскошныхъ дачь...

Все катилось внизъ, катилось и разрушало все на своемъ пути, толкаемое чувствомъ безжалостнаго голода... «Голодь не тетка» и «горе побѣжденнымъ» — познавалось тогда веѣми и на дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 2-я и 3-я Кубанскія дивизіи слились вмѣстѣ. Въ знакъ уваженія къ генералу Улагаю, къ его 2-й былой дивизіи — сведенныя дивизіи назвали — «2-ю Кубанскою дивизіей» и въ командованіе ею вступилъ старшій въ чинѣ, знаменитый генералъ Бабіевъ. Я вернулся въ свой полкъ. И невольно мелькнула мысль у казаковъ о новыхъ возможностяхъ движенія впередъ, на Кубань, съ доблестнымъ Бабіевъ, но... пропали недѣли и нѣтъ Кубанскаго строевого генералитета — Улагай, Шкуро, Науменко, Бабіевъ, по требованію Атамана Букретова, должны были спѣшно выѣхать въ Крымъ, оставивъ свои части на берегу.

Мраченъ былъ Бабіевъ тогда, въ тотъ день отъѣзда изъ своей дивизіи, отъ своихъ долгихъ испытанныхъ соратниковъ. Какъ-то не думалось, и не вязалось въ головѣ, что онъ уѣдетъ «молча»... За обѣтомъ — онъ не проронилъ слова... Мрачный, замкнутый, затянутый въ коричневую дачковую «бикирку», при всемъ ору-

жьи и въ папахѣ — сидѣлъ онъ за столомъ и почти ничего не ѣлъ... Весь «штабъ» его и все присутствующіе — молчали также. Никто не смѣлъ нарушить біеня его души — героической, властной...

Процаясь также молча, расцѣловавшись — онъ также мрачно, глухо, коротко бросилъ мнѣ: «Прими дивизию!»

Уѣхала «душа», первъ, мысль, примѣръ, образецъ храбрости и дерзновенія, идеалъ бойца, струна зовущая и обаяніе строевого офицера и казака и... словно темная ночь спустилася надъ нами неожиданно и... среди бѣла дня... Стало тяжело, сумво, жутко на душѣ...

Прошли еще недѣли и вдругъ прошелъ слухъ «мпра» по войскамъ. Никто конечно и не вѣрилъ и не мечталъ объ этомъ. Пароходовъ, пароходовъ ждали лишь, иль «Грузію», что слышали о ней подъ станціею Тифлисской... Но — оказался фактъ. — Капитуляція придвинулася къ казакамъ вплотную...

Уставшіе морально, надорванные физически, потерявшіе семью и свое добро, — истомленные голодомъ, разрухою и невѣдѣніемъ завтрашняго дня — потонула подъ этимъ бременемъ и казачья душевьяка...

Оставленная «тамъ», за переваломъ, семья большая и долгимъ трудомъ нажитое хозяйство, сады лѣнныя и вольготная его станица, друзья и родичи и нива долгая родная, въ чемъ заключалася вся жизнь и промыселъ земледѣльца-казака и пьяняще - отравляющая душу, манищая въ западню свою обѣщанія красныхъ — дать полную возможность трудиться веѣмъ на своей землѣ — все это вмѣстѣ взятое — поколебали неспорченную душу, по - дѣтски доверчиваго, патриархальнаго и нескушеннаго казачества... Свинцовыя думами приковала эта мысль его безхитростную головушку, разстроила и поколебала большую душу и смертельнымъ ядомъ втиснула страшную тяжкую мысль — «остаться...»

Да и туда, «въ Крымъ изъ Батума по шоссе», — какъ кто - то не умво подшутилъ надъ казаками — нѣтъ зова твердаго вѣскаго опредѣленнаго и рѣшительнаго... Да и звать - то было не кому: долги испытанные строевые Кубанскіе генералы убранны... Рада въ распыленіи молчить... Войсковой Атаманъ Букретовъ грассируетъ въ политикѣ... Полки, дивизіи, — оставленные большюю частью на плечи молодымъ и доблестнымъ штабъ-офицерамъ, привыкшимъ только повиноваться, да еще безъ денегъ, патроновъ, фуража и хлѣба — что они могли дать своимъ частямъ тогда?!

Все перешло «ва подножкый кормъ» въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова. Все

обратилось въ слухъ... Всѣ ждали чего - то и откуда - то...

«Предусмотрительные» же — почью и тайкомъ отъ казаковъ уѣзжали въ сторону возможнаго спасенія...

Крымъ молчалъ, словно о казакахъ тамъ и забыли, иль... иль можетъ быть дѣйствительно «все кончено?!» — такъ думалось тогда еще...

Невѣдѣніе завтрашняго дня, безнадежность и развертывающаяся такъ неожиданно и жутко пропасть надъ казачествомъ — огорошило его, растворило и смяло его волю... Какая - то темная невѣдомая завѣса спускалася надъ нимъ, давила разумъ...

Конецъ... конецъ... конецъ — стучался всюду и во всемъ...

Капитуляція Арміи въ штабѣ Войскъ была предрѣшена заранѣе руководителями и методично проводилась въ исполненіе. Весь «строй» былъ и безсиленъ измѣнить событія и былъ поставленъ лицомъ съ совершившимся фактомъ...

И словно нагляднымъ упрекомъ бороздила глазъ Лабинская бригада въ 2.700 шабевъ, выстроенная въ послѣдній разъ съ оружіемъ по уз-

кому лѣсистому въ валупахъ ущелью у городка Адлера, ушедшая сюда со своими офицерами...

Гладкое спокойное Черное море тутъ - же рядомъ, въ тотъ теплый южный апрѣльскій день — ничего не обѣщало... И сколько вдаль хватала глазъ и сколько не искала оцъ имъ чего - то тамъ, въ морской дали — синяя лазурь мягкихъ воднь и... больше ничего не было видно кругомъ... Ни парходнаго дымка на горизонтѣ, ни рыбацкѣй лодки... Словно все умерло кругомъ и до казаковъ никому не было дѣла...

И нахлобучивъ отъ горя и обиды панахи на глаза — молча, грузно двинулись полки назадъ, къ Сочи, кула прошло ужъ много - много другихъ частей оставленной на берегу молодой Кубанской Арміи, чтобы до дна вспать чашу всѣхъ страданій...

Оба командира обоихъ Лабинскихъ полковъ — остались съ казаками...

Такъ прошло назадъ, къ врагу, 34.000 Кубанскихъ казаковъ, почти сплошь конницы...

То было въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1920-го года.

И... перевернулась и еще одна незабываемая страница въ Исторіи Кубанскаго Казачества...

Полковникъ Елисеѣвъ

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ

Ужь ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая,
Ничего, ты поле, не породило,
Породила лишь степь, кустъ ракитовый,
Какъ подъ тѣмъ - ли вустомъ, лежитъ бурочка.

А на бурочкѣ — молодой казакъ,
На груди у него — заслуженный крестъ,
А въ груди его — рана смертная,
Въ головахъ у него - боевое сѣдло,
А въ ногахъ у него - его вѣрный конь.

И въ послѣдній свой часъ передъ смертю,
Молить - просить казакъ, лошадь добрую:
«Ужь ты, конь, ты мой конь,

Конь, — товарищъ лихой,
Ты скачи, ты лети,

Въ родну сторону,
Не давайся, мой конь, непріятелю,
А бѣжи что есть силъ, къ моему отцу,
Къ родному - батюшкѣ, къ родной матушкѣ,
Къ молодой жевѣ, къ дорогой сестрѣ.

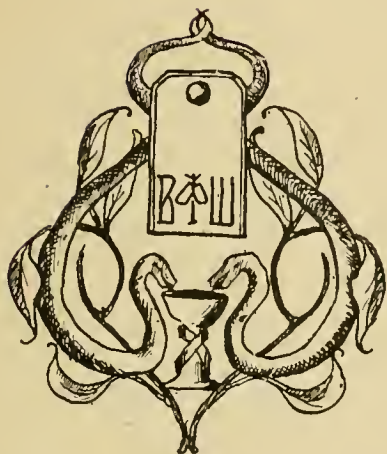
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой жевѣ:
Насъ сосватала — шашка острая,
Уложила спать — пуля мѣтная!»

Записаль по памяти Старый Кубанскій казакъ,
Ген.-М. В. Г. Толстовъ

Екатеринодарская

ВОЕННО-ФЕЛЬДШЕРСКАЯ ШКОЛА

(Воспоминанія)

Чѣмъ кончится бушующая вотъ уже 14 лѣтъ въ Россіи большевистская буря, — трудно предсказать. Когда, кѣмъ, въ какомъ видѣ и формѣ, въ какихъ предѣлахъ будетъ возстановлена Россія, — неизвѣстно.

Еще болѣе гадательны и неопредѣленны судьбы русскаго казачества.

Есть оптимисты, которые вѣрятъ, что казачество будетъ жить и процвѣтать, какъ и раньше.

Но есть не мало среди казаковъ и пессимистовъ, которые думаютъ, что казачество окончательно и навсегда отошло въ исторію, что оно не возродится никогда.

Если послѣднее мнѣніе имѣется хоть малую долю вѣроятія, то мы, оставшіеся въ живыхъ, казаки, такъ сказать, послѣдніе мюгикане казачества, обязаны всѣми силами и возможностями позаботиться о томъ, чтобы наше потомство и будущіе историки хорошо знали славное прошлое казачества, какъ въ отношеніи его боевыхъ заслугъ передъ Россіей, такъ и — его культурныхъ достижений.

Поэтому, мнѣ кажется, весьма полезны были-бы теперь всякія воспоминанія, даже краткія и отрывочныя, всякія замѣтки, — помимо военныхъ подвиговъ, — также и о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ въ казачьихъ Войскахъ, а именно: о народномъ образованіи (школы начальныя и среднія, общеобразовательныя и спеціальныя), о народномъ здравіи (боль-

ницы, пріемные покои, станичные врачи и фельдшера), объ общественно-хозяйственныхъ предпріятіяхъ (коневодство, племенное скотоводство, запашки), о кредитныхъ учрежденіяхъ и кооперативахъ, о порядкѣ снаряженія на службу молодыхъ казаковъ и проч. и проч.

Изъ большого числа такихъ воспоминаній и замѣтокъ выявилась бы яркая картина культурная жизнь казаковъ: картина, которая съ очевидностью показала бы, что своеобразный укладъ казачьей жизни велъ къ большимъ культурнымъ достижениямъ; что этотъ укладъ, случайно прерванный нахлынувшимъ на Россію большевизмомъ, былъ вполне жизнень; что казачество имѣло законнѣйшее право на свое существованіе и что упраздненіе казачества, какъ такового, было бы грубой и непоправимой исторической ошибкой.

Прежде всего я долженъ оговориться, что мои «воспоминанія» о Екатеринодар. военно-фельдшерской школѣ будутъ не полны и отрывочны. Это вполне понятно, ибо, съ одной стороны, нельзя помнить во всѣхъ подробностяхъ о томъ, что было больше 30 лѣтъ тому назадъ; съ другой — здѣсь, въ бѣженствѣ, я лишень возможности пользоваться какими-либо документами или пособиями. Приходится полагаться только на свою память.

Помню я Ек. в.-ф. школу съ 1893 г. Въ этомъ году я получилъ мѣсто младшаго ординатора въ Екатеринодарской войсковой больницѣ и сталъ преподавать въ Школѣ нѣкоторые спеціальныя предметы. Состоялъ преподавателемъ я четыре года, но близкаго касанія къ школѣ не имѣлъ, а потому съ внутренней жизнью Школы этого періода я не знакомъ. Осенью 1897 г. я увѣхалъ въ командировку на два года въ Петербургъ и возвратился въ 1899 году уже въ качествѣ инспектора классовъ Ек. в.-ф. Школы (назначеніе это я получилъ лѣтомъ этого года). Въ должности инспектора я пробылъ до 1911 г., прослуживъ въ Школѣ 12 лѣтъ. Этого періода (1899—1911) и касаются главнымъ образомъ мои воспоминанія.

Уже давно Кубанское Войско ощущало нужду въ хорошо подготовленныхъ фельдшерахъ, но какъ и всѣ вопросы въ былыя времена, вопросъ о Школѣ подвигался медленно. Думаю, что Турецкая война 1877—1878 г., во время которой не могли не обнаружиться всѣ недостатки отсутствія подготовленныхъ фельдшеровъ для обслуживания большого количества раненыхъ, поднинула этотъ вопросъ къ скорѣйшему разрѣшенію. По крайней мѣрѣ «Положеніе объ учрежденіи въ г. Екатеринодарѣ военно - фельдшерской школы» вышло вскорѣ послѣ войны, — въ 1879 г.

Дѣйствительно, нужда въ фельдшерахъ уже тогда была весьма ощутительна. Кубанское Войско имѣло восемь больницъ, для которыхъ нужно было 20—25 фельдшеровъ. Затѣмъ для 10 полковъ, 4 пластунскихъ баталіоновъ и 5 артиллерійскихъ батарей — 30—35 фельдшеровъ.

Впоследствии съ учрежденіемъ (1888 г.) въ Области 7 отдѣловъ съ двумя штатными фельдшерами въ каждомъ, съ увеличеніемъ военныхъ частей (полковъ и пластунскихъ баталіоновъ), съ учрежденіемъ въ нѣсколькихъ станицахъ приемныхъ покоевъ, съ расширеніемъ существовавшихъ и открытіемъ новыхъ лечебныхъ заведеній, — число штатныхъ фельдшерскихъ должностей значительно возросло (больше 100), такъ что Екатеринодарская Школа едва-едва удовлетворяла всѣмъ нуждамъ Войска.

Школа была открыта въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія (точно года не помню) съ 4-хъ годичнымъ курсомъ. Помѣщалась она (все время своего существованія) въ Войсковомъ зданіи вблизи Екатеринодарской Войсковой больницы, въ которой происходили подъ руководствомъ врачей практическія занятія учениковъ выпускного (4-го) класса.

Школа была рассчитана на 60 воспитанниковъ — войсковыхъ стипендіатовъ; изъ этого числа 15 было стипендіи Терскаго Войска. Такъ какъ классныя помѣщенія допускали большее количество учащихся, то принимались и своекоштные (приходящіе) ученики, благодаря чему число учащихся въ Школѣ доходило до 100 и больше.

Войсковые воспитанники жили въ пансіонѣ при Школѣ, а своекоштные — на частныхъ квартирахъ.

Форма обмундированія для учениковъ была обще-войсковая (черкеска, красный бешметъ, папаха). Придерживаться строго формы было трудно (въ матеріальномъ отношеніи) для своекоштныхъ учениковъ, почему разрѣшалось посѣщать школу въ однихъ бешметахъ, рубахахъ-гимнастеркахъ и т. п.

Такое обмундированіе учениковъ существо-

вало до 1898 года, когда была введена общая форма военно - фельдшерскихъ школъ.

Штатъ служащихъ Школы былъ небольшой; онъ состоялъ изъ Начальника Школы (штаб-офицеръ Куб. В.), одного преподавателя общеобразовательныхъ предметовъ (съ образованіемъ не ниже средняго) и двухъ воспитателей. Обязанности Инспектора классовъ по уставу возлагались на одного изъ служащихъ въ г. Екатеринодарѣ военныхъ врачей.

По положенію въ Школу принимались мальчики 13—15 лѣтъ (въ 1-й классъ); на войсковой счетъ — дѣти лицъ войскового сословія, а приходящими — и не войскового. Замѣчу здѣсь же, что ученики не войскового сословія были рѣдкимъ исключеніемъ. Всѣ поступающіе подвергались вступительнымъ экзаменамъ по Закону Божию, русскому языку и арифметикѣ. Требования для поступленія въ Школу по Уставу были не особенно велики (напр. по русскому яз. требовалось прочитать и рассказать прочитанное и правильно списать съ книги); но благодаря большому количеству желающихъ (на 20—25 вакансій являлось къ экзаменамъ 100 и больше мальчиковъ) приходилось принимать по конкурсу и требованія къ поступающимъ предъявлялись большія, чѣмъ полагалось по Уставу. Такое отступленіе отъ Устава не выгодно было для экзаменовавшихся, но за то оно искупалось возможностью выбирать лучше подготовленныхъ, болѣе развитыхъ кандидатовъ, благодаря чему прохожденіе ими курса значительно облегчалось. Впрочемъ, для круглыхъ сиротъ примѣнялись возможныя послабленія и для нихъ требованія предъявлялись въ предѣлахъ Устава. Но, какъ потому оказывалось, такіе, принятые съ «послабленіемъ», ученики были наиболѣе слабыми по успѣхамъ и для нѣкоторыхъ прохожденіе курса было просто не подъ силу. Впоследствии (въ 90-хъ годахъ), когда почти въ каждой станицѣ были двухклассныя училища, всѣ поступающіе были отличо подготовлены и выдерживали экзамены. Теперь принимались въ первую очередь сироты и полусироты, а затѣмъ выбирались по конкурсу наилучшіе.

Первымъ Начальникомъ Школы былъ полковникъ И. А. Бабченко (бывшій уѣздный начальникъ Кавказскаго уѣзда), но онъ былъ въ этой должности недолго. Былъ-ли еще кто Начальникомъ до полковника Я. А. Калери — не знаю.

Первымъ Инспекторомъ классовъ былъ тогдашній главный врачъ Екатеринодарской войсковой больницы докторъ Вейрихъ (нѣмецъ); онъ служилъ въ этой должности до 1887 (или 1888) года.

Полковникъ Яковъ Афанасьевичъ Калери со-

стоялъ Начальникомъ Школы довольно продолжительное время, до смерти, послѣдовавшей въ 1898 году. Объ этомъ начальникъ я ничего не могу сказать, такъ какъ близкаго касанія къ Школѣ не имѣлъ, хотя и состоялъ преподавателемъ въ его время втеченіе четырехъ лѣтъ. Общее впечатлѣніе объ этомъ времени у меня осталось таково, что «атмосфера» въ Школѣ была официальная, казенная; особое вниманіе обращалось на дисциплину и поддержаніе престижа начальства. Помню, были перѣбѣдки тренія между Начальникомъ съ одной стороны и Инспекторомъ и преподавателями съ другой по несущественнымъ причинамъ (недостаточное почтеніе или игнорированіе начальства).

Въ 1888 году Инспекторомъ Школы былъ назначенъ старшій врачъ Екатеринодарскаго отдѣла Федоръ Максимовичъ Шанько (казакъ). Онъ прослужилъ Инспекторомъ почти 10 лѣтъ. Это былъ очень добрый и сердечный человѣкъ, но довольно стойкій и съ характеромъ.

Въ 1898 году Начальникъ Школы (Я. А. Калери) скоропостижно скончался, а Инспекторъ классовъ (Ф. М. Шанько) получилъ высшее назначеніе. Школа влѣзавно оказалась и безъ Начальника, и безъ Инспектора. Наказный Атаманъ Я. Д. Малама поручилъ временно исполнять объ должности помощнику Областного врача Владимиру Степановичу Клименко (не казакъ), который исполнялъ объ должности втеченіе почти года. Этотъ энергичный и талантливый администраторъ за короткое время сумѣлъ ввести существенныя улучшенія въ Школѣ, какъ въ отношеніи хозяйства, такъ и въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на тяжелое положеніе своекоштныхъ учениковъ, которыхъ было около 40 человѣкъ. Они жили на окраинахъ города (гдѣ дешевле квартиры), опаздывали изъ-за дальности разстоянія на уроки, питались неизвѣстно какъ, вращались въ средѣ недостаточно надежной въ воспитательномъ отношеніи. Для улучшенія ихъ жизни В. С. Клименко выхлопоталъ у Войскового начальства пустовавшій на территоріи больницы баракъ (прежній Запорожскій курень) и устроилъ тамъ общежитіе для 40 приходившихъ воспитанниковъ. Кормились теперь они вмѣстѣ съ пансіонерами и жизнь ихъ уже ничѣмъ не отличалась отъ войсковыхъ. Родители приходившихъ учениковъ охотно платили Школѣ определенную сумму, взаимѣмъ хлопотъ и расходовъ по найму квартиры, обмундированію, покупкѣ учебниковъ и проч. Для упрощенія обмундированія по представленію д-ра Клименко было разрѣшено измѣнить форму и ввести общую для военно-фельдшерскихъ школъ, а именно: рубаха-гимнастерка (зимой суконная, лѣтомъ — легкая) съ погонами,

ми, кожаный поясъ, сѣрая шинель съ погонами и фуражка. Такъ какъ обмундированіе строилось

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ — Докторъ Медицины Степанъ Мефодіевичъ Машенко —

сынъ есаула Куб. Войска, родился въ ст. Динской (Екатери. Отд.) въ 1859 году 28-го ноября. Окончилъ Кубанскую Войсковую Гимназію въ г. Екатеринодарѣ въ 1882 г. и Императорскій Московскій Университетъ въ 1888 г., получивъ званіе врача. Какъ студентъ подтежалъ обязательной службѣ въ своемъ Войскѣ и былъ назначенъ младшимъ врачомъ въ 1-й Кубанскій полкъ (Каракуртъ). Въ 1889 г. былъ переведенъ младшимъ врачомъ въ Лабинскій отдѣлъ. Въ 1893 г. былъ назначенъ на должность младшаго ординатора въ Екатеринодарскую Войсковую больницу. Для научнаго усовершенствованія былъ командированъ въ 1897 г. въ Императорскую Военно-Медицинскую Академію, гдѣ и получаетъ въ 1899 г. степень Доктора-Медицины и возвращается къ мѣсту службы въ Екатеринодарѣ. Въ 1900 г. назначается старшимъ ординаторомъ психиатрическаго отдѣленія Екатеринодарской Войсковой больницы и одновременно (1899—1911) исполняетъ обязанность Инспектора классовъ Екатеринодарской военно-фельдшерской Школы и несетъ втеченіи 5 лѣтъ обязанность директора Войскового пріюта для дѣвницъ (1899—1904). Въ 1911 г. С. М. Машенко назначается Главнымъ Врачемъ Екатеринодарской Войсковой больницы. Въ 1917 г. занимаетъ постъ Областного Врача Кубанскаго Войска. Нынѣ работаетъ врачомъ въ русской клиникѣ въ Парижѣ. Имѣетъ награды: Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2 и 3-й ст., Св. Станислава 2 и 3-й ст., медаль на лентѣ ордена Бѣлаго Орла и др.

Школой одинаково для войсковыхъ и приходскихъ (за счетъ родителей послѣднихъ), то всѣ воспитанники теперь были одинаково одѣты и прежней разношерстности въ обмундированіи уже не было.

Лѣтомъ 1899 г. Начальникомъ Школы былъ назначенъ полковникъ (артиллеристъ) Александръ Георгіевичъ Чекаловъ, а на должность Инспектора классовъ — пишущій эти строки.

Въ силу сложившихся такимъ образомъ обстоятельствъ учебный 1899—1900 годъ начался при новомъ Начальникѣ и новомъ Инспекторѣ.

Выборъ Начальника оказался на рѣдкость удачнымъ: полковникъ А. Г. Чекаловъ былъ человекъ просвѣщенный, тактичный, безукоризненно честный, сердечный, добрый и въ то-же время послѣдовательный и требовательный; будучи очень скромнымъ, онъ не любилъ «вертеться» передъ глазами начальства. Способствовало его продуктивной дѣятельности и то обстоятельство, что онъ былъ старымъ холостякомъ, почему все свое время, всѣ свои силы онъ отдавалъ на служеніе Школѣ. Хозяйственная часть Школы была поставлена имъ образцово. Питаніе, обмундированіе, вообще — все содержаніе учениковъ было улучшено: въ Школѣ его стараніемъ были произведены перестройки и расширеніе помѣщеній (была устроена баня, новая просторная столовая и др.). Благодаря этому, когда Войску понадобился баракъ школьнаго общегитія, приходящіе ученики были размѣщены вмѣстѣ съ пансіонерами въ помѣщеніи Школы.

Оставался Начальникомъ Школы А. Г. Чекаловъ до 1910 года, прослуживъ въ ней почти 11 лѣтъ. По выходѣ его въ отставку должность Начальника оставалась вакантною втеченіе всего 1910—1911 учебнаго года и мнѣ поручено было исполнять, оставаясь Инспекторомъ, и должности Начальника.

Дѣло съ назначеніемъ новаго Начальника затянулось почти на цѣлый годъ вслѣдствіе того, что на эту должность могъ быть назначенъ штабъ - офицеръ, а Наказный Атаманъ (М. П. Бабычъ) хотѣлъ назначить состоявшаго при немъ (для порученій) оберъ - офицера. Въ концѣ концовъ Атаманъ настоялъ на своемъ и въ 1911 году на должность Начальника былъ назначенъ есаулъ А. Д. Борзыкъ.

Въ этомъ же году я былъ назначенъ главнымъ врачомъ Екатеринодарской войсковой больницы и оставилъ Школу, сдавъ должность Инспектора д-ру Ф. К. Телятнику (не казакъ).

Вскорѣ (въ 1913 или 1914 г.) вышло повое положеніе о военно - фельдшерскихъ школахъ, по которому должности Начальника и Инспектора соединялись въ одну, при чемъ на эту должность долженъ быть назначаемъ врачъ.

Первымъ Начальникомъ-Инспекторомъ былъ назначенъ д-ръ Добатовкинъ (не казакъ), который оставался до революціи 1917 г. Съ наступленіемъ революціи Школа, какъ и многія другія заведенія и учрежденія Россіи, погрузилась въ хаосъ...

На должности штатнаго преподавателя Школы съ самаго ея основанія состоялъ Антоній Аркадьевичъ Апостоловъ, который прослужилъ болѣе 20 лѣтъ. Это былъ человекъ съ университетскимъ образованіемъ, весьма просвѣщенный, съ большой эрудиціей по Исторіи и Русской литературѣ, любившій свое дѣло; онъ принесъ большую пользу многимъ поколѣніямъ Школы. Преподавая русскій языкъ и исторію, онъ особенно заботился объ общемъ развитіи своихъ учениковъ и достигалъ въ этомъ отношеніи хорошихъ результатовъ.

Нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и продолжительную (около 15 лѣтъ) службу въ должности штатнаго воспитателя (и преподавателя арифметики) сотника (а потомъ подьесаула) Михаила Васильевича Зеленскаго.

Въ послѣднее десятилѣтіе существованія Школы штатнымъ воспитателемъ былъ бывший ея питомецъ сотникъ Кондратъ Павловичъ Мовчанъ. По окончаніи Школы и отбытіи обязательной службы въ должности фельдшера К. П. поступилъ въ юнкерское училище, успѣшно окончилъ его, подучилъ званіе офицера, служилъ въ полку, а затѣмъ поступилъ воспитателемъ. Это былъ превосходный воспитатель и по личнымъ качествамъ и по подготовкѣ, такъ какъ самъ вышелъ изъ среды учениковъ той-же Школы.

Екатеринодарская военно - фельдшерская Школа вполне удовлетворяла тѣмъ цѣлямъ, которыя были поставлены ей при ея основаніи. Она выпускала хорошо подготовленныхъ, дѣльныхъ, честныхъ работниковъ. Такая репутация ея установилась съ самаго начала и поддерживалась все время ея существованія. Школа всегда пользовалась какъ симпатіями населенія (число желающихъ поступить превышало въ 3, 4 и даже 5 разъ число вакансій), такъ и одобреніемъ начальства. Врачи больницъ и полковые съ большой похвалой отзывались о своихъ помощникахъ-фельдшерахъ Екатеринодарской Школы. Наши питомцы считались лучшими фельдшерами въ Кавказскомъ военномъ округѣ: такъ по крайней мѣрѣ стывались о нашихъ фельдшерахъ Округные Военно - Медицинскіе Инспектора при своихъ пріѣздахъ въ Екатеринодаръ. Я лично съ теплымъ чувствомъ любви и благодарности вспоминаю моихъ дорогихъ помощниковъ по организаціи и обсуживанію психіатрическаго отдѣленія Екатеринодарской войсковой больницы

фельдшером: Федора Васильевича Кармазина и Матвея Григорьевича Обдненко; благодаря их самоотверженной, умелой помощи, мне удалось организовать лучшее на Кавказе лечебное заведение для душевно - больных. Съ тѣмъ же чувствомъ вѣспоминаю я и моихъ дорогихъ сослуживцевъ по врачебному отдѣленію, когда я былъ уже Областнымъ Врачемъ. Эти бывшіе питомцы Школы, уже въ качествѣ дѣлопроизводителей, удивительно были способны, трудолюбивы и исполнители въ своей дѣятельности. Особо ценнымъ работникомъ былъ Семенъ Петровичъ Мельниковъ, благодаря трудолюбію и таланту котораго пріемные докон въ Область были организованы превосходно.

Если остановиться на выясненіи причинъ, благодаря которымъ Школа выпускала такихъ, выражаясь по современному, высококвалифицированныхъ работниковъ, то я считаю, что главной причиной было то обстоятельство, что при большомъ конкурсѣ Школа имѣла возможность выбирать кандидатовъ отлично подготовленныхъ. Такие подготовленные ученики легко усваивали курсъ, а администрація Школы могла при такихъ слушателяхъ нѣсколько расширить программу преподаваемыхъ предметовъ.

Затѣмъ, благоприятно отражалось на Школѣ отсутствіе особаго поначенія, особой оеки со стороны высшего начальства. Въ отношеніи учебно - воспитательной части, да и хозяйственной тоже, насъ не стѣсняли разными циркулярами и предписаніями. Ближайшимъ нашимъ начальствомъ было Врачебное отдѣленіе Кубанскаго Областнаго Правленія, которое, въ лицѣ главнымъ образомъ В. С. Клименко (который долгое время былъ Помощникомъ, а затѣмъ и Областнымъ Врачемъ), было всегда въ курсѣ дѣла и оказывало Школѣ полное довѣріе. Внешнее же начальство (Кавказское Окружное и Главное военно - медицинское Управленія) считали Екатеринодарскую Школу чужой, у которой есть свой хозяинъ (Наказный Атаманъ) и не безпокоило насъ «своими заботами». Благодаря этому мы были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и поступали такъ, какъ находили лучше для дѣла. Такъ какъ штатныхъ преподавателей (кромѣ одного) въ Школѣ не было, а приглашались по вольному найму (за почасную плату), и выборъ преподавателей былъ довольно большой (для общеобразовательныхъ предметовъ — изъ педагоговъ средне - учебныхъ заведеній, а для специальныхъ — изъ большого числа врачей въ городѣ), то Школа имѣла возможность выбирать для преподаванія наиболѣе подходящихъ лицъ. Не стѣсняемые въ своихъ дѣйствіяхъ мы иногда существенно отступали отъ Устава, если такое отступленіе вело къ пользѣ. Такъ напр., ко-

гда складывалась благоприятная обстановка, мы вводили въ преподаваніе отдѣльные, не положенные по Уставу, предметы (зубная бол., глазная бол.), и упраздняли положенные (чистописаніе).

Если Школа давала отлично подготовленныхъ, знающихъ, развитыхъ фельдшеровъ, то странно, что въ свое время не подумали, какъ использовать въ дальнѣйшемъ этихъ отлично подготовленныхъ специалистовъ.

По отбытіи обязательной службы (втеченіе 5 - 6 лѣтъ) фельдшера увольнялись на льготу и возвращались въ свои станицы. Здѣсь они совершенно не находили примѣненія для своихъ знаний и опыта. Не оставался же было имъ на должностяхъ общественныхъ станичныхъ фельдшеровъ, положеніе которыхъ было очень незавидное, а содержаніе - ничтожное. Станичныя общества не особенно были щедры въ заботахъ о народномъ здоровьѣ: они назначали станичнымъ фельдшерамъ столь скудное вознагражденіе (были случаи, что платили фельдшеру 100 - 150 руб. въ годъ «на его лѣкарствахъ»), что даже сотенные фельдшера не особенно стремились на эту мѣсту. Естественно, что школьные фельдшера, по окончаніи обязательной службы, оставляли свою профессию и бывшихъ питомцевъ Екатеринодарской в.-ф. Школы можно было встрѣтить на весьма разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности. Много вышло изъ нихъ дѣльныхъ чиновниковъ - дѣлопроизводителей въ войсковыхъ учрежденіяхъ (Областномъ Правленіи, Отдѣлахъ, полкахъ) и участковыхъ начальниковъ; нѣкоторые поступали въ военные школы и выходили офицерами; иные уходили въ народныя училища. Были случаи, что наши питомцы оканчивали высшія учебныя заведенія. Помню, какъ приятно было мнѣ встрѣтиться съ бывшимъ моимъ питомцемъ (д-ромъ Даниловымъ) уже какъ съ коллегой - врачомъ. Помню еще какъ одного способнаго юношу (Раздольскаго), во время отбыванія обязательной службы въ Екатеринодарской войсковой больницѣ, сдавшаго при мѣстной гимназій экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, намъ удалось перевести на службу въ Петроградъ (фельдшеромъ въ Собственный Его Величества Конвой), гдѣ онъ, состоя на службѣ въ конвоѣ, поступилъ студентомъ въ Военно - Медицинскую Академію и успѣшно проходилъ въ ней курсъ наукъ. Съ большимъ удовольствіемъ и гордостью я читалъ его письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ заканчиваетъ при кафедрѣ проф. Бехтерева (перви. и душев. бол.) научную работу.

Нѣкоторые питомцы Школы достигали весьма важнаго положенія въ дѣловыхъ сферахъ и на общественной службѣ. Многие знали уважа-

емаго Александра Ивановича Литовкина, достигшаго, благодаря личнымъ своимъ способностямъ, виднаго положенія. Во время отбыванія службы въ Екатеринбургской войсковой большишъ онъ прошелъ бухгалтерскіе курсы и по окончаніи службы поступилъ въ Екатеринодарское Общество взаимнаго кредита: здѣсь, въ сравнительно короткое время, онъ сталъ во главѣ этого учрежденія (былъ выбранъ Предсѣдателемъ Общества, т.-е. сталъ директоромъ банка) и игралъ видную роль въ финансово-дѣловыхъ сферахъ, а послѣ революціи и — видную политическую роль въ составѣ Кубанскаго правительства.

Яковъ Онисимовичъ Верещака былъ энергичнымъ и дѣльнымъ членомъ Екатеринодарской Городской Управы. Впослѣдствіи онъ и Яковъ Лаврентьевичъ Щулякъ (тоже питомецъ Школы) занимали видное положеніе (были министрами) въ Кубанскомъ правительствѣ.

Внутренняя жизнь Школы въ мое время протекала мирно, спокойно. Режимъ при начальникѣ А. Г. Чекаловѣ былъ мягкій, хотя дисциплина соблюдалась въ предѣлахъ, требуемыхъ Уставомъ. Это достигалось какъ — то само — собой, безъ особыхъ усилій школьнаго начальства, такъ какъ поступившіе въ Школу казачьи дѣти уже были достаточно дисциплинированы.

Воспрещалось и строго выскивалось нами въ случаяхъ, когда большіе обижали маленькихъ или новичковъ. Нисьма учениковъ не прелюбтрировалось. Куреніе воспрещалось, но не преслѣдовалось (не было, какъ раньше, «издольствія» курильниковъ, не было обысковъ съ цѣлью обнаруженія курительныхъ принадлежностей). Въ началѣ своей службы я, прекрасно понимая, что борьба съ куреніемъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ — дѣло безнадежное, объявлялъ ученикамъ, что имъ строго воспрещается курить въ классахъ, спальняхъ и другихъ помѣщеніяхъ, на улицахъ, — вообще на виду; въ укромныхъ же уголкахъ, чтобы ихъ никто не выдалъ, — они могутъ курить сколько угодно, ни преслѣдовать, ни наказывать за это цѣль никто не будетъ. При этомъ я указывалъ имъ на вредъ отъ куренія для здоровья, особенно молодыхъ организмовъ. Впослѣдствіи мнѣ воспитатели говорили, что курящихъ учениковъ стало замѣтно меньше, чѣмъ было раньше.

Исключенія изъ Школы за дурное поведение были очень рѣдки и то за очень серьезныя проступки (напр., погторное воровство).

Свободное время ученики проводили, по мнѣю игрѣ и движеній на воздухѣ, за чтеніемъ книгъ, для чего при Школѣ имѣлась довольно приличная библіотека со всеми русскими классиками и нѣкоторыми иностранными. Одно вре-

мя воспитателемъ — любителемъ (П. Д. Юлинецъ) было организовано очень недурной учебнческой оркестръ балалаечниковъ.

Въ прежнее время прогулки по воскресеніямъ и праздникамъ были только общія, всей школой: воспитатели водили построенныхъ въ ряды учениковъ, въ городской садъ, за Кубань и др. мѣста. При А. Г. Чекаловѣ же практиковался введенный д-ромъ В. С. Клименко, порядокъ одиночнаго отпуска: послѣ церковной службы и завтрака воспитатель осматривалъ и отпускалъ въ одиночномъ порядкѣ всѣхъ желающихъ (кромя штрафованныхъ) — до 4—5 час. вечера. Такой порядокъ (полная свобода втеченіи нѣсколькихъ часовъ) воспитанники очень цѣнили, а учебно-воспитательный персоналъ имѣлъ въ немъ дѣйствительное средство воздѣйствія на учащихся. Дѣйствительно, оставленіе ученика на одно или два воскресенія безъ отпуска считалось чувствительнымъ наказаніемъ.

Находясь въ одиночномъ отпускѣ въ городѣ, воспитанники всегда вели себя хорошо и я не помню жалобъ или заявленій на дурные ихъ поступки. Даже заявленія на неотданіе чести офицерамъ были исключительны, и касались «малышей» (мальчишъ «завѣвался»).

По воскресеніямъ и праздникамъ ученики посѣщали богослуженія въ сосѣдней Воскресенской (крѣпостной) церкви, священникъ которой состоялъ законоучителемъ Школы. На богослуженіяхъ имѣлъ ученической хоръ, чередуясь по недѣлямъ съ хоромъ «пріютянокъ».

Въ близости со Школой находилась Войсковой пріютъ для дѣвицъ (т. наз. «Шереметьевскій»). Пріютъ этотъ доставлялъ намъ первые годы моей службы много хлопотъ и непріятностей. Наши мальчишки, естественно, интересовались пріютянками: были шатаванія мимо пріюта, заглядыванія въ окна, бросаніе «записочекъ» черезъ заборъ и т. п. По существу это пустяки. Но въ то время Начальницей Пріюта была вдова врача М. А. Новицкая (не казачка), которая очень ревниво оберегала «нравственность» своихъ питомицъ и часто жаловалась на нашу Школу Наказному Атаману и его супругѣ (Почетливишъ Пріюта) съ представленіемъ вещественныхъ доказательствъ въ видѣ записокъ (обычно невинныхъ) отъ нашихъ учениковъ къ пріютянкамъ. Бывшій тогда Наказнымъ Атаманомъ ген.-лейт. Яковъ Дмитриевичъ Малама прекрасно понималъ несостоятельность жалобъ начальницы и не осматривалъ особаго криминала въ желаніи нашихъ мальчишекъ имѣть общеніе со своими старинницами. Поэтому онъ ограничивался тѣмъ, что добродушно говорилъ мнѣ при докладахъ «сдѣлайте что нибудь, чтобы не было этихъ жалобъ».

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока не переимѣнилась Начальница пріюта. Новой Начальницей была назначена вдова казачьяго офицера Екатерина Николаевна Галушко. Это была очень добрая, мягкая, сердечная женщина и очень дѣльная, тактичная начальница. Съ ней мы выработали новую тактику: она стала приглашать нашихъ учениковъ на «елки» и вечера, устраиваемые на праздникахъ въ пріютѣ, а мы приглашали на наши вечера пріютянокъ.

Нужно сказать, что въ Школѣ на Рождественскихъ праздникахъ устраивались ученическіе спектакли и танцевальные вечера. Спектакли ставилъ воспитатель М. В. Зеленскій (большой любитель и знатокъ театральнаго дѣла). Выбирались пьесы русскихъ классиковъ (Гоголь, Островскій). Спектакли проходили прекрасно и доставляли большое удовольствіе не только учащимся, но и старшимъ. После спектакля были танцы. Удивительно, какъ скоро наши мальчики научились танцевать не только старые, но и входившіе тогда въ моду новые (па-де-катръ, па-де-патинеръ, коханочка и проч.). Наши ученики оказались вполне галантными кавалерами и лихо плясали съ пріютянками. Такое - же оживленное веселіе было на «елкахъ» и вечерахъ въ пріютѣ, гдѣ наши ученики бывали гостями - кавалерами. На вечерахъ въ пріютѣ обыкновенно присутствовалъ Наказный Атамашъ съ атамашей и высшее войсковое начальство (помощники Атамана, Начальникъ Войскового Штаба и др.). Они высказывали удивленіе и удовольствіе, видя приличіе, воспитанность, маверы, ловкость въ танцахъ нашихъ учениковъ, этихъ дѣтей простыхъ казаковъ. По воскресеніямъ и праздникамъ ученики могли посѣщать въ пріемные часы въ пріютѣ своихъ сестеръ, родственницъ или знакомыхъ станичниковъ.

Теперь уже не было ни заглядываній въ окна, ни бросанія записокъ.

Такъ мирно и спокойно протекала жизнь Школы все время моей въ ней службы. Даже бурные 1905—1906 годы первой революціи не особенно возмутили нашу мирную жизнь. Правда, были митингованія учениковъ, забастовки («не ходить на уроки»), но они сколько - нибудь серьезныхъ послѣдствій не имѣли и 1905—1906 учебный годъ закончился вполне благополучно. Благодаря такту и умѣнью Начальника Школы А. Г. Чекалова эти волненія въ непродолжительномъ времени безболѣзненно были ликвидированы. Вообще и агитаторомъ среди учениковъ былъ

въ то время ученикъ 3-го класса Тимошенко, за каковую его дѣятельность онъ и былъ исключенъ изъ Школы. Впоследствии, во вторую революцію онъ появился на поверхности общественной жизни и былъ даже избранъ одно время Предсѣдателемъ Кубанской Пары.

Чтобы закончить свои воспоминанія, вспомню еще одного, печальной памяти, дѣятеля изъ питомцевъ нашей Школы. Это былъ Иванъ Лукичъ Сорокинъ, командиръ большевистскихъ отрядовъ въ борьбѣ съ генераломъ А. П. Деникинымъ.

Хорошо помню его ученикомъ: это былъ шустрый, подвижной мальчикъ, съ хорошими способностями, но не отличившійся особымъ прилежаніемъ. Учился онъ удовлетворительно и поведения былъ, хотя рѣзваго, во приличнаго. Еще тогда онъ отличался склонностью къ приключеніямъ, подвигамъ, авантюрамъ: за его воинственность товарищи прозвали его «Шапомъ Володьевскимъ» (геро йодного романа Генриха Сенкевича). По окончаніи Школы Сорокинъ отбывалъ дѣйствительную службу въ пластунскомъ баталіонѣ фельдшеромъ, ушедшимъ на Кавказскій фронтъ по объявленіи войны. Въ 1915 году Сорокинъ поступаетъ во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиковъ, по окончаніи которой выходитъ въ 3-й Линейный полкъ. Здѣсь его застала революція. Оказывается, онъ былъ эсеромъ и, какъ большинство эсеровъ, принялъ дѣятельное участіе въ большевистскомъ движеніи. Я встрѣтился съ нимъ въ Екатеринодарѣ весной 1918 года, когда пришли «первые» большевики: онъ отнесся ко мнѣ съ почтеніемъ и черезъ него мнѣ удалось тогда предотвратить не одно злодѣяніе большевниковъ. Мнѣ казалось, что уже тогда онъ начиналъ понимать свою ошибку, всю гибельность своей дѣятельности для родного Войска. Поэтому, должно быть, онъ и старался заглушить свой душевный разладъ кутежами и попойками; однажды во время такой попойки онъ застрѣдилъ одного виднаго большевика. Въ Екатеринодарѣ онъ оставался не долго и ушелъ въ походъ противъ наступавшихъ добровольцевъ. Въ Ставрополѣ въ томъ - же 1918 году его убили большевики за его измѣну большевистскому дѣлу.

Было-бы очень желательно, чтобы бывшіе работники въ Школѣ и ея многочисленные питомцы своими замѣтками и воспоминаніями пополнили и исправили неточности этой моей статьи.

Д—ръ Медицины С. М. Машенко

Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко

Далекое, возможно, невозвратное, прошлое...
Теперь, — только съ мучительней болью переживаешь тѣ дни, дни Рождественскихъ свѣтокъ, полныхъ безшабашнаго веселья; заглядываешь далеко въ прошлое, карасивое, бытовое, традиціонное, — разрушенное вихремъ смуты. Какъ проводимъ мы теперь Рождество въ изгнаніи, знаетъ каждый изъ насъ, но уже далеко, далеко кажется то милое Рождество, праздновавшееся въ станицахъ на Кубани...

Уже за педѣлю до Рождества Христова

*) Молодница — замужня казачка.

**) Хворость.

начинають «коловать кабанівъ»: то тамъ, то зѣсь раздастся отчаянный крикъ животного, безъ котораго и праздникъ не праздникъ. Суета охватившая всѣхъ, отъ стариковъ до дѣтей включительно, говорила о приближеніи дня, въ который сошелъ на землю Тотъ, Который сказалъ: «Азъ есмь, свѣтъ міру»...

Школьники «учатся Рождествовать», дѣвчата «колядувать», т.-е., и тѣ и другіе устраиваютъ свѣтки для того, чтобы болѣе стройнымъ и красивымъ пѣснемъ «Славить Христа».

Приближеніе Рождественскихъ свѣтокъ замѣтно и въ общественной жизни станицы. По стародавнему казачьему обычаю, непосредственно послѣ Нового Года, происходятъ выборы должностныхъ лицъ станицы. Кому не дивно было попасть въ атаманъ станицы?..

Съ первыхъ же дней свѣтокъ, кандидаты на общественныя должности, обычно «могоричили господъ стариковъ выборныхъ», или какъ ихъ иначе называли «гласныхъ».

На свѣткахъ же или послѣднія приготовления къ уходу на службу молодыхъ казаковъ. Песельные смотры проходили на свѣткахъ. «Молодницъ» *) старались какъ можно больше пацель бурчацель, памнушекъ, «кредиліель и верчеліель». **) Много случаевъ, обычаевъ, традицій связано съ Рождествомъ, но хочется заглянуть въ далекое прошлое нашихъ предковъ. — Запорожцевъ и отмѣтитъ одинъ весьма интересный эпизодъ, который тоже связанъ съ Рождествомъ.

Славные «лицари» низового войска Запорожскаго, зимнее время проводили въ Січи, особенно «сірома», не имѣвшая «ни роду, ни племени». Рождественскія свѣтки проходили больше въ гультѣ: это кандидаты въ старшины «могоричили сірому», или иначе называемую «годогу». Во время самага могущественнаго расцвѣта Запорожскаго войска, въ Атаманство Ивана Сірко, турецкій султанъ, желая отомстить запорожцамъ за всѣ бѣды, которыя чинили казаки Турецкой Имперіи, онь прислалъ хану Крымскому 15 тысячъ янычаръ, чтобы ханъ, совместно со сво-

ими войсками, паналъ на Січь ночью, на первый день Рождества Христова и разрушилъ бы ее. Татары были прекрасно освѣдомлены о томъ, какъ безопасно, въ гульбѣ и веселій проводятъ Рождество Запорожцы. Казалось бы, что лучшаго случая и не нужно. Такъ и произошло: Ханъ вошелъ въ Січь, когда подгулявшіе «лицарі» спали. Однако, запорожцы жестоко наказали смѣльчаковъ и, даже, метя Крымскому хану, отправились въ Крымъ, нанеся царству Крымскому сокрушительный ударъ. Существуетъ гипотеза, что янычарамъ показала дорогу и провель ихъ въ Січь родной сынъ Атамана Сірко. *) Нѣтъ возможности установить правильность этой гипотезы, такъ какъ историческіе документы ничего не говорятъ о семейномъ положеніи Атамана Сірка, но по народной «думѣ» у Сірко было два сына и объ этомъ въ «думѣ» такъ говорится:

...«У городі Мерепі жила удова
Старенька жона —
Сірчиха - Іваниха.
Вона сім літ побудла,
Сірка Івана в очі ни бачила.
Жінка собі двох синів мала
Першого сына — Сірченко Петра
Другого сына — Сірченко Романа»...

Очень можетъ быть, что Н. В. Гоголь, своего героя, Тараса Бульбу и сыновей частично списалъ съ Атамана Сірко и его сыновей: возможно, что онъ пользовался не столько историческими данными, сколько народными преданіями, которыя въ то время были свѣжи, а измѣна Гоголевскаго Антрія (хотя и иного порядка, все же частично) могла быть списана съ сына Сірка, указавшаго дорогу янычарамъ въ Січь. Это, конечно, при условіи, если допустить, что гипотеза эта вообще правильна...

Турція не могла простить Запорожцамъ уничтоженія пѣсколькихъ тысячъ янычаръ и въ 1680 году рѣшила предпринять, или по крайней мѣрѣ, распускала слухъ, что имѣеть предпринять походъ на Запорожскую Січь и разорить ее до основанія. *) Существуетъ преданіе (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ все русскіе и украинскіе источники), что султанъ Турецкій, прежде чѣмъ двинуться въ походъ на Запорожье, послалъ имъ ультиматумъ такого содержания:

«Я султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, ввукъ и наследникъ Божій, владѣлецъ царствъ: — Македонскаго, Вавилонскаго, Іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, Царя надъ Царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, инкѣмъ непобѣдимый, неуступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,

— повелѣваю Вамъ, запорожскіе казаки, сдать-ся мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападєніями не заставляте беспокоить».

Султанъ Турецкій Махмуѡ IV.

На этотъ, сомнительный ультиматумъ, Запорожцы, яко-бы, отвѣтили султану такимъ письмомъ:

«Ты шайтан турецкій, проклятого чорта брат и товариш, и самого люцифера секретарь! Який ты в чорта лицарь? Чортъ выкидае, а твое військо пожырае. Не буден ты годенъ сынъ христіанскихъ нид собою мати: твого війска мы небоємось. Землею и водою будемъ бица с тобою. Вавилонскій ты кухарь, Александрійскій возолуп, Вилького й Малаго Египта свынаръ, армянска свыня, татарскій сагайдакъ, каминецкій кат, подольскій злодіюка, самого гаспида ввукъ, и всего свиту и подевиту блазень, а нашего Бога дурей — кобыляча с....., ризницька собака, нехрещеный лобъ, хай бы изивъ тебе чортъ».

Отакъ тобѣ казаки видазали плюгавче. Невгодень матерцъ вирныхъ христіан. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ. Мисяць у неби, год у книзи, а день такой у насъ якъ и васъ, поцилуй за те ось куды насъ!..

Кошовый Атаман Іван Сірко, зо всимъ кошомъ Запорожскимъ».

Конечно, такой отвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ составить какой-либо завязатый козарлюга, хотя бы тотъ же Сірко, но можно съ увѣренностью сказать, что врядъ ли такой отвѣтъ послался, т. к. все историческіе документы подтверждаютъ, что Запорожцы въ перенискѣ были всегда вѣжливы («і писали ни простою мовою, а дуже кучеряво».)

Однако, дыму безъ огня не бываетъ. Нѣкоторые польскіе источники говорятъ, что Порта не разъ предостерегала Запорожье, похваляясь уничтожить Січь до основанія. Одно изъ такихъ предупрежденій было послано казакамъ при Атаманѣ Сірко, какъ разъ къ Рождеству. Запорожье какъ разъ не имѣло въ виду вести войну съ Турціей, такъ какъ готовилось къ походу на Польшу, посему весьма корректно и дипломатично, на латинскомъ языкѣ, отвѣтило султану на его ультиматумъ, который, послѣ этого отвѣта, успокоился. Въ тѣхъ же справкахъ даже называется лицо, писавшее этотъ отвѣтъ: это бѣглый католическій прелатъ (полякъ), нашедшій себѣ убѣжище въ Запорожьи и принявшій православіе. «Голота», однако, не была довольна, что «с бусурманомъ такъ цыкающа» и предложила «товариству» редакцію письма, которое приведено выше, добавивъ «отаву йому аничристові треба отповіць»...

Подъесаулъ Еф. Якименко

*) Смотри: «про що тырса шилистіла».

***) Эварницкій: Очерки по исторіи Запорожскихъ казаковъ.

принесенную въ 1671 году первую присягу на вѣрность московскому царю, никакъ не считали для себя обязательнымъ дѣлать то, что хотѣла Москва. Донъ продолжалъ еще жить своей самостоятельной жизнью. И вотъ почему, когда послѣ московскаго собора, осудившаго «старую вѣру», на Донъ потянулись ея приверженцы — казачество широко открыло имъ свои руки и свои политическія чаянія соединила въ ихъ борьбѣ за вѣру.

Тяга старовѣровъ на Донъ началась съ 80-хъ годовъ, а въ 1688 году донцы уже бунтуютъ подъ знаменемъ старой вѣры.

На Дону обрисовываются двѣ партіи: — неза-

висямыхъ, берушихъ подъ свою охрану старовѣровъ и — «доброхотствующихъ» Москвѣ, за подкупы и обѣщанія. Но независимые еще сильны; въ 1686 году на царскую грамоту съ требованіемъ «воровъ и раскольниковъ, которые на войско донское славу недобрую наводятъ, переимать и разогнать, а пристанища ихъ и крѣпости разрушить и пожечь, чтобъ впредь имъ пристать негде было и пушнихъ воровъ и раскольниковъ и заводчиковъ, чернецовъ и мирскихъ людей, которые приличны *) и пойманы будутъ, переловить и прислать въ Москву, — Донцы отвѣтили, что «съ Дона выдачи не будетъ, а въ Москвѣ много и своего мяса».

Войсковой Атаманъ Великаго Войска Кубанскаго
ИГНАТЪ НЕКРАСА (Будьянъ)

убить 92-хъ лѣтъ отъ роду, при штурмѣ г. Ананы
русскими войсками въ войну 1734—39 г.г.

Въ концѣ 80-хъ годовъ положеніе обостряется, казаки хотятъ идти на Москву: «что намъ царя!, папушья они дѣти. Такая ихъ мать, какъ и наша. Мы лучше ихъ, вотъ пойдемъ на Москву, не сдѣлаютъ они съ нами того, что со Степаномъ» — говорятъ казаки въ кругахъ и на Дону.

...«намъ на Дону отъ государя тѣсно становится, какъ будетъ онъ на Донъ, мы его приберемъ къ рукамъ и отдадимъ турецкому салтану».

На Дону при такихъ условіяхъ возникаетъ дол-

гая и упорная борьба, то берутъ верхъ старовѣры и тогда Крутъ рѣшаетъ не помнить царя и патріарха въ молитвахъ, а въ Войсковомъ Черкасскомъ соборѣ перемалевываютъ изображенія святыхъ на двуперстіе, то побѣждаютъ московскіе сторонники и везутъ въ Москву своихъ противниковъ.

Особо упорная борьба идетъ на р. Медвѣдицѣ. Тамъ противники Москвы строятъ сильныя укрѣпленія, противъ которыхъ московскія войска становятся безсильными и только донской Низъ, мобили-

*) «Съ лицомъ» — личнымъ.

зававъ половину Войска, постѣь долгой и упорной блокады и кровавыхъ штурмовъ берегъ оплотъ стойкихъ старовѣровъ.

Казаки, видя бесполезность борьбы, «пошли съ Тону на Куму рѣку въ невѣрныя орды, оставляя свои старовѣчныя жилища», — какъ гласитъ войсковая грамота къ патриарху.

На Кумѣ они были радушно приняты кабардинскими князьями, приславшими имъ тысячу подводъ съ хлѣбомъ и провіантомъ. Поддерживать ихъ и Шамхаль Тарковский, съ которымъ эмигранты заключили союзъ для совместныхъ дѣйствій противъ персовъ, на морѣ. Помогали имъ терскіе и гребенскіе казаки, жившіе тамъ же, во владѣніяхъ кабардинскихъ.

Во главѣ ушедшихъ казаковъ стоялъ Негоръ Мурзенокъ, вліятельный старшина, и оказавшійся большимъ поддержкой рѣшыхъ кавкалскихъ владѣтелей.

Съ нимъ ушло 1.800 казаковъ. Устроившись тамъ, поставивши городки, казаки отправились на Донъ и вывели оттуда свои семьи и многочисленныхъ приверженцевъ.

Имѣя главный станъ на Кумѣ, донскіе эмигранты раздѣлились и далѣе на вѣль въ земляхъ кабардинскихъ и на о. Аграхани.

Отношеніе ихъ къ Москвѣ было самое примирное: «лучше быть и въ терѣ, чѣмъ на Москвѣ» — говоритъ Мурзенокъ. Казаки и на о. на царскіе рыболовные улоны, и московскіе суды и орды, принималъ съень большое благоволеніе Москвѣ. Поэтому московское правительство старалось всѣми мѣрами заставить казаковъ вернуться на Донъ. По его требованію Войско Донское посылало на Куму войсковыя грамоты, призывая спокійно возвратиться и обѣщая полную милость, писали къ эмигрантамъ и воеводы, но все было безрезультатно. Московскихъ посланцовъ они били въ Кругахъ ослонами и сажали въ воду, лазутчиковъ и переговорщиковъ предавали смертной казни, а Войску передали, чтобы оно не обращалось съ подобными предложеніями иначе и войсковыя посланцевъ постигнетъ подобная участь.

Одно время Москва пробовала подавить ушедшихъ и военной силой. Она писала къ кабардинскимъ, татарскимъ и калмыцкимъ князьямъ, ханамъ и мурзамъ, чтобы они истребили казаковъ на р. Кумѣ и Аграхани.

Писала своимъ воеводамъ на Терекъ и въ Аграхань объ этомъ же, наказывала всему Войску Донскому двинуться въ походъ на своихъ собратьевъ и разбить ихъ.

Но ни туземцы, ни донцы не рисковали пуститься на такое дѣло, такъ какъ за казаками была вся кабардинская земля и самъ Шамхаль присягалъ князю Мисосту, что онъ не выдастъ казаковъ, ко-

торыхъ онъ очень цѣнилъ за ихъ морскія способности.

Москва все же дѣйствуя подкупами на отбѣльныхъ мурзъ и своихъ воеводъ сильно тревожила эмигрантовъ; на нихъ постоянно производились хищническія нападенія, жизнь ихъ была очень неспокойная. Пользуясь тѣмъ, что казаки находились въ походѣ, различные хищники и московскія войсковыя палатки на казачьи селенія, забирали женъ и дѣтей, въ надеждѣ, что казаки вернутся за своими семьями; но они не поддавались.

Видя безлокойное житіе на Кумѣ и Аграхани, донскіе эмигранты выслали къ хану крымскому посольство въ 1696 году съ просьбой дать имъ возможность поселиться далѣе отъ московскихъ границъ на р. Кубани.

Это посольство выѣхало въ Константинополь, а въ сѣверскій пѣсаникъ Биселій Айнтемюръ и просило ихъ вернуть казаковъ вернуться на Донъ. Ханъ согласился благоволити къ просьбѣ казаковъ и отправилъ неся большой потерей съ преслѣдованій и изгнанныхъ перешли въглубь Кабарды и на Кубань, взявъ съ собою войсковую казну и мощи своихъ преслѣдуемыхъ сподвижниковъ въ борьбѣ за вѣру и волю волю.

Первоначально на Кубани казаки обѣли вѣль отъ устья р. Лабы, до самого моря по вѣль заповѣданнымъ и дружественнымъ горскимъ племенъ.

Казаки на Сѣверномъ Кавказѣ и до устья Лабы успѣли дѣль. Отношенія ихъ съ горскими племенами были вѣльгитко тѣсными, что такъ съ ми казакъ такъ и горцы и московскіе ученые и администраторы были твердо увѣрены, что они родственны между собою и что казаки происходятъ отъ «черкасъ». Подъ этимъ названіемъ были извѣстны всѣ черкесы и кабардинцы и запорожскіе казаки на Москвѣ въ 16, 17, 18 и до половины 19-го столѣтія. Такъ же твердили о себѣ и донскіе казаки.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ первоначальная Русь — казачья сидѣла на Таманскомъ полуостровѣ съ 9-го стол., въ 10—11 ст. имѣла на Кавказѣ и въ Приазовьи свое княжество Тмутараканское, а ея потомки — южные казаки — жили въ этихъ земляхъ и въ татарское время.

Такъ вмѣстѣ съ кабардинскими черкесами пришли къ Ивану Грозному бить челомъ о покровительствѣ Гребенскіе казаки въ половинѣ 16-го ст., а въ концѣ его казачьи струги ходили вольно съ Кумы на Каспій и Терекъ, и по Кубани въ Черное море съ Терка воюя съ турками.

Сближало съ казаками горцевъ и общность христіанскихъ вѣрованій. Горцы до разгрома Кавказа Тамерланомъ въ концѣ 14-го ст. были поголовно христіанами, имѣли свои епархіи на побережьяхъ, митрополию въ городѣ Бидзиси (Бездежь русскихъ летописей) въ мѣстѣ теперешней Усть-Лалы.

Христианство долго еще коренилось въ западныхъ горцахъ. Въ половинѣ 17-го ст. черкесы праздновали еще православные праздники, держали посты, обычаи поминовения и т. д. а кабардинскіе черкесы въ 1732 году были въ своей массѣ православными, только ихъ князья и уздени были магометанами. Черкесы не имѣли муллъ и мечетей еще въ началѣ 19-го ст. и держали посты христіанскіе и воскресные дни. Конечно, это было христіанство примитивное, вѣротерпимое, которое какъ нельзя близко подходило къ вѣрованіямъ неискреннихъ въ церковной жизни казачьихъ эмигрантовъ.

Казачьи эмигранты, осѣвши на Кубани, приняли организованное войсковое устройство, по типу Великаго Войска Донскаго и стали называться **Великимъ Войскомъ Кубанскимъ**. Городки ихъ были разбросаны по рѣкѣ до самаго моря, а промыслы и уходы, вмѣстѣ съ зимовниками простирались до р. Еи по Черноморскимъ степямъ и рѣкамъ и по рыбноводнымъ угодьямъ азовскаго побережья. Кромѣ охоты, рыболовства и добычничества, кубанскіе казаки занимались добычей нефти изъ колодцевъ около ихъ поселеній и ключей на Таманскомъ полуостровѣ.

Они были обязаны войсковою службой хану крымскому, выставляли во время войнъ свои полки и пользовались такимъ почетомъ и уваженіемъ у хана, что онъ имѣлъ у себя казачій кубанскій конвой.

За это Войско было освобождено отъ всѣхъ ясныхъ податей и повинностей и получало отъ хана жалованье, провіантъ, артиллерию и огнестрѣльные припасы.

Войсковою центръ находился на Каракубанскомъ островѣ, носившемъ названіе **Казачьяго острова** и послѣ ухода кубанцевъ въ Турцію, въ періодъ обслѣдованія этихъ земель запорожскими черноморцами.

Каракубанскій рукавъ начинается въ 20-ти верстахъ выше Копыла и соединяется въ 10-ти верстахъ ниже истока изъ Кубани р. Курки, образуя островъ длиной въ 76 верстѣ и шириной отъ 9—12 верстѣ, отъ него идетъ Казачій Ерикъ, соединяющійся съ Черной протокой, по которымъ выходили кубанцы въ Азовское море.

Островъ самъ возвышенный, изобильный кормомъ, звѣрьемъ и дичью, являлся стратегическимъ ключемъ ко всему кубанскому низу и Закубанью, что оцѣнивали не только русскіе въ 18—19-омъ ст., но и турки, имѣвшіе тамъ въ Копыльскомъ укрѣпленіи сераскира для наблюденія за полунезависимыми черкесами.

Событія 1708—9 г. на Дону и Запорожьи послѣ возстаній атамана Булавина и гетмана Мазепы значительно пополнили составъ Великаго Войска Кубанскаго.

Сподвижникъ Булавина атаманъ Игнатъ Будьянъ-

(Некраса) привелъ на Кубань съ Дона нѣсколько тысячъ казаковъ съ ихъ семьями. Годъ спустя ушли подъ ханское покровительство и Запорожцы, избравшіе въ 1710 г., по смерти Мазепы, гетманомъ выдающагося полтика и ученаго, б. генеральнаго писаря Филипа Орлика.

Съ извѣстіемъ объ избраніи Орлика ѣздилъ къ кубанцамъ делегация во главѣ съ генеральнымъ есауломъ Григоріемъ Герцикомъ (сынъ Полтавскаго полковника).

Великое же Войско Кубанское выслало отъ себя въ Бендеры депутацію во главѣ съ сыномъ Игнатъ Некрасы — Степаномъ для подравленія новаго гетмана Орлика.

Кубанцы и Запорожцы находились въ самой тѣсной связи между собою, вмѣстѣ ходили на войны, вмѣстѣ усмиряли бунтовавшихъ черкесовъ и часто казаки одного Войска оставались совѣтъ въ Войскѣ другомъ, занимая даже высокія должности.

У кубанцевъ остался б. войсковою писарь Коша Запорожскаго Иванъ, а запорожець Яковъ былъ у нихъ въ 1759 году Войсковымъ толмачемъ (переводчикомъ). Кубанскіе казаки относились очень непримиримо къ царской власти и всѣ попытки склонить ихъ къ возвращенію были совершенно безплодны.

Центромъ ихъ стала крѣпость Анапа, которую заселили казаки, разбивъ ее на такое же число станицъ, какъ и Черкасскъ на Дону, съ тѣми же самыми названіями.

Войско. Кругъ утвердилъ выработанный Атаманъ Некрасой порядокъ службы и организаціи военнаго, административнаго и религіознаго управленія. Порядокъ этотъ соблюдался твердо до самаго конца Войсковою организаціи до 1864 года.

Самъ Игнатъ Будьянъ (Некраса по прозвищу) пользуется такимъ авторитетомъ, что былъ безсмѣннымъ Атаманомъ до самой своей смерти. Погибъ онъ 92 лѣтъ отъ роду, при штурмѣ Анапы войсками фельдмаршала Гудовича.

Вмѣстѣ съ родомъ Некрасы въ Войскѣ пользовались большимъ авторитетомъ старая донская родовая «аристократія»: Булаховы, Евсеѣвы, Мазепины, Гоголи, Чижики, Солтаны — коренные донцы и ушедшая къ донцамъ польская шляхта.

Войско обязалось выставлять на случай войны 25 пятисотенныхъ полковъ всего 12.500 казаковъ и оборонять край конно, пѣшо и водно отъ непріятеля. Взамѣнъ оно имѣло почти абсолютную независимость и значительное вознагражденіе отъ хана и султана.

Долгое время Войско старалось отбить Донъ и донскихъ казаковъ отъ Московскаго царя.

Кубанцы служили проводниками при набѣгахъ крымцевъ на русскія поселенія, разсылали своихъ эмиссаровъ по Дону и казачьимъ землямъ, своя и уговаривая уходить на Кубань недовольныхъ.

Докторъ правъ, Полковникъ Федоровъ

КАЗАЧЬЯ СЛАВА ЗА ОКЕАНОМЪ

За годы тяжкаго изгнанія, гдѣ только казаки не показали себя. Во всѣхъ уголкахъ земного шара — знаютъ казака. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ одномъ изъ большихъ цирковъ, подвизается небольшая группа джигитовъ подъ командой Подъесаула С. Г. Селина, въ составѣ: его жены — ирландки и кубанцевъ: Терентія Глобы, е Дениса Зеленскаго, и Ивана Корнилова. Эта маленькая группа, каждый

годъ объѣзжаетъ съ циркомъ десятки тысячъ километровъ, посѣщаетъ сотни городовъ, изумляя американцевъ своею лихостью и оглашая «чужую сторушуку» широкой казачьей пѣсней.

Группа организовалась тамъ вскорѣ послѣ ликвидации «группы Проценко». И каждый годъ, окончивъ «турнэ по странѣ долларовъ» — группа останавливается на отдыхъ, во время котораго «обмунди-

ровывается». Въ свободное время, музыкальная казачья пѣсня, смягчаетъ тоску о Той, — Которая. «разлилась и вдоль, и ширь...»

... О Тебѣ здѣсь вспоминаючи
Пѣсни дружно мы поемъ...

Бьютъ челомъ Тебѣ родимая...

Бьемъ челомъ Ей изъ-за океана, бьемъ челомъ
Ей со всѣхъ концовъ, и вѣримъ, что чело Ея — Кубанцы еще освѣтятъ.

П. Нитяга

СНИМОКЪ НА ОБЛОЖКѢ:

Командиры сотенъ 1-го Таманскаго полка въ с. Каши, у г. Асхабада Закасп. обл. въ 1905 г. Слева направо: Есаулы — Перетяпко, Перезововскій, Ширай Поночевный, Титусъ, Подъесаулъ Ткачевъ и полковой Казначей Подъесаулъ Рыштога.

СБОРНИКЪ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО», ВЪ СВОЕМЪ ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЙСКОВОМЪ НАПРАВЛЕНІИ И ИЛЛЮСТРАЦИИ, — ПРИ ДОБРОМЪ ЖЕЛАНІИ КУБАНЦЕВЪ. — МОЖЕТЪ СТАТЬ ДОСТОЯНИЕМЪ ВСЕГО КУБАНСКАГО КАЗАЧЕСТВА

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Общество Ревнителѣй Кубани, имѣющее свой центръ въ Парижѣ, задалось цѣлью — въ своемъ журналѣ

« КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО »

историко - литературнымъ матеріаломъ, историческими и характерными снимкамъ, гравюрами, рисунками — воскрешать въ памяти родныхъ казаковъ былое нашей Кубани-Матери, освѣщая и воспѣвая Ее родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое намъ, растерзанное, обезкровленное и распятое на крестѣ Кубанское Казачество, наше славное и незамѣнимое ничѣмъ Кубанское Казачье Войско, — распятое, но еще живое и въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій — горящаго «Жить».

Ко всѣмъ Кубанскимъ Казакамъ — отъ высокихъ до рядовыхъ ранговъ, отъ ученыхъ до землеробовъ, отъ богатыхъ до «сіромы», отъ Вольныхъ до Имперскихъ Казаковъ — нашъ призывной голосъ — кто живетъ мыслью о Родинѣ, кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, кому дорогъ путь «Туда», къ роднымъ Казачьимъ берегамъ — принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки...

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія, боевые эпизоды Кубанскихъ Казаковъ...

Пишите на чемъ попало и какъ попало. За бѣдностью — пишите кровью и на сахарной бумагѣ, лишь былъ бы въ писанномъ смыслъ, душа, Казачій взлетъ, пѣснь и тоска, плачь и жартъ, лишь бился бь нульсь жизни и болѣзни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому...

Пишите...

Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ — Родные Кубанцы — отзовитесь!

Редакціонная Коллегія и Правленіе

Общества Ревнителѣй Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый

Подъесаулъ А. Н. Толбатовскій

Подъесаулъ Е. М. Якименко

Предсѣдатель Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

Настоящій сборникъ выпущенъ при участіи Союза Кубанскихъ
писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Первый трудъ вознагражденъ полностью: Кубанцы отозвались горячо на нашъ зовъ и мы вольготно выпускаемъ этотъ второй свой сборникъ пѣснопѣиіи родному Войску, родной нашей Кубани - Матери и замѣтнымъ Ея сынамъ - казакамъ, въ нашихъ возможностяхъ освящая историческія событія, лаская и воскрешая свою Казачью отчизну со всею сыновьею любовью къ Ней, со всею сыновьею преданностью Ей...

Къ радости нашей -- матеріаломъ Кубанцы подбодрили съ разныхъ мѣсть, и мы не смогли вмѣстить всего, даже и обѣщаннаго. А отсюда выводъ: Вновь напрямчъ распространіе его, спѣшно произвести расчеты и, тогда — къ Свѣтлой Святой Пасхи -- будетъ вынущенъ № 3-й.

Въ добрый часъ, Козаче — нажми и... распространи.

Правленіе и Редакціонная Коллегія Общества Ревнителей Кубани:

Полковникъ П. В. Бѣлый
Подъесауль А. П. Толбатовскій
Подъесауль Е. М. Якименко
Инженеръ В. С. Мащенко

Предсѣдатель — Полковникъ Ф. И. Елисѣевъ

ЦѢНА НОМЕРА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ :

1. Во Франціи	3 фр. 50 с.
Выписывать отъ Правленія.	
2. На Балканахъ	5 дни.
Выписывать черезъ Кубанскую Канцелярію отъ Полковника
Соломахина Вейгадъ, Неманина 20.	
3. Въ Чехословакіи	4 кроны
Выписывать отъ Полковника Федорова
Praha 14, Nusle-Udoli, Jaromirova 156.	
4. Для остальныхъ странъ	20 центовъ — 5 фр.

77

«LES COSAQUES DU KOUBAN»
JOURNAL ILLUSTRÉ HISTORIQUE ET LITTÉRAIRE
 10, rue des Cordilières — PARIS XIII

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 3

Май 1932 г.

ИЗДАТЕЛЬ : Общество Ревнителѣй Кубани
 РЕДАКТОРЪ : Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Пластуны 1854—55 г.

Изъ колл. Л.-Гв. Атаман. п-ка
 Подъесаула Семенченкова.

Настоящій Сборникъ выходитъ при участіи Союза Кубанскихъ
писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Мы морально удовлетворены: сотни братскихъ писемъ, разнообразный матеріалъ на нѣсколько номеровъ впередъ, масса интересныхъ серьезныхъ дорожныхъ и незабываемыхъ никогда фотографическихъ снимковъ изъ жизни Войска, изъ жизни прошлаго нашего родного «Казачьяго міра», такъ ярко воскрешающихъ нашу родную Кубань-Отчизну, словно прошедшую предъ нами только «вчера» — приятно истомую волнуетъ нашъ разумъ, волнуется и зоветъ насъ пѣть чѣсьнъ Ей — вновь теперь и еще — Ей, нашей Родинѣ Казачьей...

Молчать нельзя. Если не мы живые и свободные, — то кто же пошлетъ насъ и гдѣ же и еще споетъ и скажетъ слово-лѣсьнъ о Ней, объ этой Родинѣ Святой..!

Придите къ намъ друзья и братья и — помогите. Всякій десятокъ лишнихъ франковъ, всякій лишній купленный журналъ и всякое иное активное участіе родныхъ Кубанскихъ казаковъ въ нашей работѣ — только усилятъ наши возможности и ускоритъ выходъ въ свѣтъ новыхъ и еще новыхъ номеровъ, чрезъ кои яркой порядной радугой пройдетъ вся жизнь Кубани-Матери, вся жизнь и существованіе Кубанскаго Казачества...

Придите..!

Въ этомъ году исполняется 200-лѣтіе существованія 1-го Кубанскаго полка. Нашъ Войсковой Историкъ - писатель и генералъ В. Г. Толстовъ, уже прислалъ намъ трудъ свой объ этомъ гиковомъ и доблестномъ полкѣ, гдѣ ясно четко просто и понятно даетъ исчерпывающія данныя, какъ на крови и слезахъ цѣлой тысячи донскихъ и волжскихъ семействъ казачьихъ, преодолевъ всѣ удары судьбы жестокой — осѣлъ прочно на Кубани, окрѣпъ, расцвѣлъ и размножился въ своихъ станицахъ этотъ молодецкій полкъ.

О 1-омъ Линейномъ полкѣ, о его историческихъ конныхъ атакахъ на австрійцевъ въ самомъ началѣ Великой Войны 1914 года — прислалъ обстоятельный матеріалъ коренной Линеецъ и участникъ всѣхъ боевъ — Полковникъ Е. Тихоцкій.

Имѣется обстоятельный очеркъ, на полный отдѣльный номеръ «Исторія Конвоя Русскихъ Императоровъ», въ которомъ Кубанцы находились съ 1811 года по своему Черноморскому Казачьему эскадрону.

Имѣются цѣнные «воспоминанія» профессора О. А. Щербины. Накопилось много богатыхъ очерковъ о Кубани Полк. С. А. Федорова, и многихъ др. авторовъ. Придите - же...

Сборникъ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» въ своемъ историко-литературномъ и иллюстрированномъ направленіи, при добромъ желаніи Кубанцевъ — можетъ стать достояніемъ всего Кубанскаго Казачества.

Правленіе.

ПЛАТУНЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

Я не буду писать о тѣхъ пластунахъ, нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, которые прославили имя пластунское въ годину мужественной обороны Севастополя отъ французовъ, турокъ, англичанъ и итальянцевъ въ 1854—55 г. Я лишь скажѹ вкратцѣ о насъ самихъ, когда мы, ихъ внуки и правнуки, шестьдесятъ лѣтъ спустя, увидѣли славныя мѣста, политыя кровью нашихъ предшественниковъ, весной 1915 г.

✱

Февраль. Снѣгъ Морозы. На Зивинскихъ позиціяхъ хоть и не голодно, но холодно и неуютно. Турки далеко; бездѣльничаемъ и скучаемъ.

Извѣстіе о назначеніи моемъ Начальникомъ сводно-пластунской команды 6-го Е. И. В. баталіона, взбодраживаетъ пулеметчиковъ 2-го, родного, баталіона. Казаки волнуются, протестуютъ, а больше всѣхъ — всегда спокойный и уравновѣшенный урядникъ Остапенко:

— «Къ бригадному пойдемъ; не пустимъ! Што мы сами дѣлать будемъ? Прапорщикомъ намъ даютъ, чи ихъ учить, чи самимъ за ими ходить...»

Протесты не помогли; только то, что бригадный и самого Остапенко со взводомъ назначилъ въ 6-й баталіонъ Казаки довольны: — «ничево; сотникъ заговореный; слово такъ знаетъ; пуля ни ево ни казаконъ не беретъ и тута добре будя».

Черезъ недѣлю, мы, ласкаемые теплыми лучами батумскаго солнца — дышимъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Формируется 5-й Кавказскій корпусъ. Корпусный смотръ. Подъ бодрящіе звуки музыки, выбрыкиваютъ, танцуютъ пулеметные кони на церемониальномъ маршѣ. Казаки подтруниваютъ надъ «крупной сѣрой», марширующей въ однихъ гимнастеркахъ, но въ валенкахъ.

— «Съ ними — какъ-разъ турецкую столицу брать...»

Пластуновъ готовятъ «ставить крестъ на святую Софію» — византійскій соборъ, теперь мечеть въ Цариградѣ

Пріѣхаль экзархъ грузинскій, благословилъ, раздалъ крестики. Страстная недѣля; казакамъ раздали посадочные номера на транспорты; офицеры по топографическимъ картамъ «гуляютъ по улицамъ Константинополя».

Въ пасхальную ночь пришли транспорты за пластунами и въ эту же ночь разогналъ ихъ турецко-нѣмецкій дредноутъ «Гебень», а на третій день Пасхи кѣтились уже пластуны «кругаля» по желѣзной дорогѣ въ Севастополь.

Баку, Терекъ, Кубань... Родныя лица, встрѣчи, радость и слезы. Казацкія станицы позади, «миаемъ» Донъ, несемъ по Крыму и вскорѣ маршируемъ мимо грозаго 4-го бастиона Севастопольскаго, свидѣтеля былой пластунской славы.

✱

Городъ притихшій, полумертвый. Жителямъ наговорили небывлицъ о «дикихъ» пластунахъ; рекомендовали не ходить зря по улицамъ, а по вечерамъ не пускать дивчать гулять.

Морское начальство позвало наше начальство; усиленно убѣждало вести себя тихо и всенепременно отдавать честь солдатскимъ офицерамъ.

Казаки малость обидѣлись, но сдержались.

На третій день пластуны завоевали весь городъ: офицеры—центръ, Приморскій, казаки—слободку, корабельную сторону.

Моряки, портовые рабочіе ревновали: нара схватокъ рукопашныхъ, и казаки вышли навсегда побѣ-

дителями. Дивчатами застрѣль городъ: что ни казакъ, то съ дивчиной; затерли старожиловъ.

Въ Дарданеллахъ закипѣлъ бой. Англо - французская эскадра пробивалась въ Мраморное море. Дессантный корпусъ союзниковъ цѣлился на Галлипольскій полуостровъ. Пластуны съѣли на пароходы.

6-й Е. И. В. баталіонъ — на лучший транспортъ

Дальневосточнаго О-ва «Императоръ Николай II». Чисто, мягко, сытно и вольготно.

«Такъ воювать. — Хотя цѣлую жизнь можно, какъ моряки воюють. Опять же — потопать, такъ усѣмь вмѣстѣ, совсѣмь и съ казармой ихней».

Союзники подзадерживаются; турки упорно бьются, не пускають. Нашъ флотъ, послѣднія недѣли, дѣлаеть набѣги къ берегамъ Босфора, уничтожаеть отдѣльныя турецкія суда.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 г.г. Слева направо: Сидоръ Бѣлобровъ, Дмитрій Горленко, Подполковникъ Головинскій (въ буркѣ) — Командиръ 2-го баталіона, Хорунжій Даниленко, Макаръ Усультя, Андрей Гиденко, урядникъ Иванъ Демяненко и Лука Грещовъ.

(Рисоваль съ натуры, въ январѣ 1855 г., въ Сесасіополь. В. Гиммъ)

Сводно - пластунская дивизія изъ Севастополя, Гвардейскій флотскій экипажъ изъ Одессы, и морская пѣхота, — пойдуть въ головѣ нашего десанта на берега Анатолиі.

6-й Е. И. В. баталіонъ будетъ первымъ высаживаться на берегъ; мои пулеметчики — первыми сбивать турокъ и закрѣпляютъ берегъ. Вспоминаются запорожскіе и донскіе набѣги на анатолийскіе берега; вспоминается «обкуриваніе порохомъ дымомъ» стѣнъ Стамбульскихъ нашими прапредками но вспоминается и послѣдній — похоронный салютъ, самимъ себѣ, тонущаго, дыряваго отъ пуль

понтона, на Дунайской переправѣ въ 1877 году... — «Ничего... Богъ не выдастъ турокъ не угробить... опять же сотникъ слово такое знаетъ...»

Слышимъ, — ѣдетъ Царь поглядѣть на сарыкамышскихъ храбрецовъ и проводить на Царыградъ. За два дня передъ Его прїѣздомъ нашъ флотъ разгромилъ турецкую береговую батарею у Босфора, потопилъ миноносецъ и загналъ турецкій флотъ въ Босфоръ.

16-го апрѣля, къ вечеру, прїѣхаль царскій поѣздъ; на присгани, около нашего транспорта, онъ остановился.

1-ая Е. И. В. сотня, съ Есауломъ Рубаномъ, держала почетный карауль.

На другой день, къ 4 часамъ, былъ вызванъ на Царскую пристань весь 6-й Е. И. В. баталіонъ. Высшее начальство суетилось, а мы, малые, какъ всегда — злимъ старшихъ. Моя синяя, расшитая галунами черкеска, не нравится командиру баталіона, полковнику Зинковскому; приказываетъ надѣть другую; одѣваю сѣрую, потрепанную, съ заплатами подъ мышками и рыжую измызанную папаху, бѣдую на царскій смотръ не позволилъ.

Казакъ любопытствуютъ; занимаетъ ихъ — «ка-

ковъ будетъ Царь «сблизка», видали то вѣдь все по портретамъ.

— «Слушай на крауль!» Салютуемъ.

Небольшого роста, привѣтливый, съ мягкими сѣрыми глазами и русыми усами и бородкой — полковникъ нашего же баталіона, въ сѣренькой черкескѣ подходит и здоровается съ нами.

— «Здравія желаемъ Ваше И. В.—во... ура-а-а-а...» несется въ отвѣтъ, и... совсѣмъ не страшно.

Начальство рапортуетъ. Государь обходитъ фронтъ, по обходѣ вызываетъ офицеровъ, и казакъ, представленныхъ къ наградамъ.

Государь среди пластуновъ въ Севастополѣ въ 1915 году. Правѣ Его — Командиръ 6-го Кубанскаго пластунскаго баталіона, Полковникъ Зинковскій.

Государь съ каждымъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ; толстый — претолстый генераль Орловъ, начальникъ походной канцеляріи, подаетъ ему орденъ и темляки «За храбрость». Награждаемые сіяютъ. Вижу какъ правѣ меня трясется старый подъесаулъ Калаушевъ — дрожить рука «подъ-высь», дрожать поджилки; — ишь ты, — вотъ то онъ трепеть...»

Настаетъ и моя очередь. Цифра «2» на погонахъ обращаетъ вниманіе; объясняемъ съ полковникомъ Зинковскимъ — пулеметчики 6-го баталіона остались на Кавказѣ, здѣсь сводные по взводу отъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ. Царь вспоминаетъ о 2-мъ баталіонѣ войска Черноморскаго въ Крымскую кампанію, спрашиваетъ о станицѣ, о матери, отцѣ, даетъ первую боевую награду

Владиміра съ мечами и бантомъ — первый бой подъ Кирыхомъ, даетъ и красный гемякъ — за второй бой на Араксѣ.

Подходить къ батюшкѣ.

— «А батюшкѣ что?» спрашиваетъ у командира. Полк. Зинковскій, съ перваго же момента овладѣвшій царскимъ расположеніемъ находится — «ну, а батюшкамъ крестъ дають В. И. В.—во».

— «Какой крестъ?» улыбается Государь.

— «Ну извѣстно какой, — золотой» усмѣхается матерой полковникъ.

Генераль Орловъ запускаетъ руку въ карманъ и вытаскиваетъ изъ него коробку. Государь открываетъ ее и даетъ батюшкѣ; батюшка чуть не падаетъ въ обморокъ — золото блещетъ на солнцѣ, обвитое широкой георгіевской лентой.

— «Не заслужил, Государь...» отпирается ба-
гюшча.

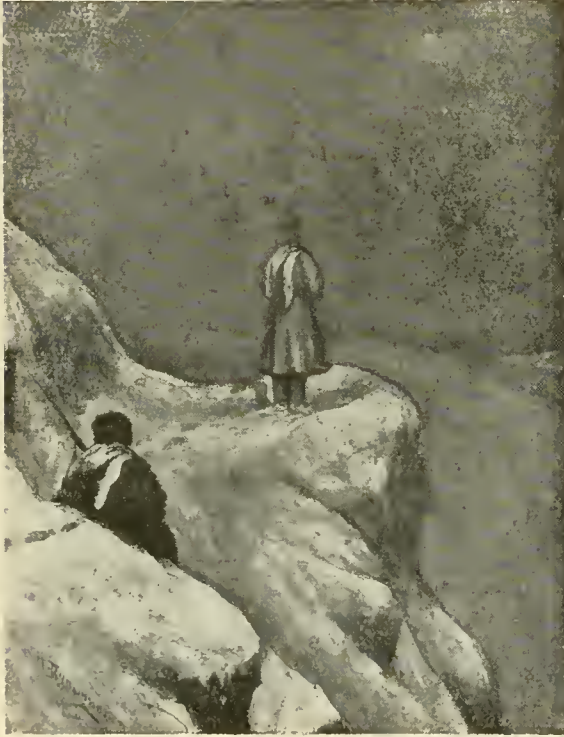
— «Заслужите», вторит Императоръ.

Получаетъ свое и докторъ, — милый, веселый
армянинъ.

На крайнемъ флангѣ два подхорунжихъ и стар-
шій писарь.

Подхорунжій Конорѣзовъ и Русановъ отличи-
лись въ Сарыкамышѣ особенно.

Изъ подхорунжихъ — они становятся прапор-
щиками.

Пластуны. Часовой и подчасокъ на «Орлиномъ
Гнѣздѣ» въ районѣ Трапезунда (Турція) — 1916 г.
(Зарисоваль съ натуры Есаулъ Н. Н. Пупынинъ).

— «Баталіонный писарь Чернобровкинъ, 17-тъ
лѣтъ прослужилъ въ баталіонѣ», говоритъ коман-
диръ.

— «Произвожу тебя въ коллежскіе регистрато-
ры», слышу слова Государя.

Длинной черенницей подходятъ за Георгіевскими
наградами казакки; многіе растроганы, цѣлуютъ кре-
стики, на глазахъ слезы — «какъ же и не быть!...
съ самимъ Царемъ разговаривать!»

♦♦

Церемониальный маршъ

Смотръ кончился. Длинными рядами выходимъ
съ пристани и идемъ городомъ; шпалеры любозыт-

ныхъ стоять по улицамъ, кричать «ура» новымъ
кавалерамъ.

Вечеромъ обіидный ужинъ. Въ чудной каютъ-кам-
паніи Императора Николая II сидятъ и новые пра-
порщики и коллежскій регистраторъ.

♦♦

Съ утра 18-го, пластуны готовятся къ общему
царскому смотру. Баталіонъ за баталіономъ вы-
тягиваются на полѣ передъ лагеремъ — Куликово
поле.

Стоитъ мой родной баталіонъ — 2-й; возлѣ него
суетится новый «войсковой» Самойловъ, изъ гре-
ковъ, изъ отставки.

— «Полѣ знамя слушай на кра—уль!» — ко-
мандуетъ С.

Наше старое георгіевское пластунское знамя, на
прогнувшемся длинномъ тревкѣ, безъ чехла, раз-
вернутое, до половины, потрепанное временемъ и
непогодами.

«Къ но гѣ!» — песется команда.

Отъ лагеря показывается маленькая фигура пол-
ковника Бирюлькина, командира баталіона.

— «Слушай на кра—уль!» — раздается опять ко-
манда войскового.

На лицахъ пластуновъ недоумѣніе, по лѣсъ шты-
ковъ взметнулся къ небу; команда, какъ коман-
да блеснули и офицерскія шашки. Даже «Би-
рюлька» сообразилъ, что войсковой переборщилъ
и отчаянно замоталъ руками. Войсковой это по-
нять по своему — двигаться на поле.

«Шагомъ маршъ!»

Въ первый и, вѣрно, въ послѣдній разъ въ жиз-
ни видѣли мы какъ двигался баталіонъ «разверну-
тымъ фронтомъ», — винтовки «на караулъ» — на сбор-
ное мѣсто; впереди всѣхъ шагаль съ шашкой на
плече новый войсковой.

Мы, лицедрѣвнѣе, не удержались отъ дружнаго
смѣха; нашъ смѣхъ заставилъ опомниться офице-
ровъ 2-го баталіона; командиры сотенъ сами по
себѣ начали командовать «къ ногѣ», «на плечо» и
выпяиваться по-сотенно, а войсковой шагаль и
шагаль, какъ ни въ чемъ не бывало.

На обширномъ Куликовомъ полѣ выстроилась
длинная предлинная линія войскъ; пластуны на пра-
вомъ флангѣ. Къ полудню пріѣхалъ Государь.

Звуки гимна, громовое перекатывающееся ура,
долго звучали по полю. Перель каждымъ баталіо-
номъ Императоръ останавливался и благодарилъ за
жертвенную боевую службу. Подойдя къ 3-му ба-
таліону, Государь остановился и сказалъ: «За моло-
децкую боевую службу 3-го пластунскаго баталіо-
на и въ память сегодняшняго моего смотра — на-
значаю шефомъ баталіона моего Сына Наслѣдника-
Цесаревича Алексѣя Николаевича». Это была на-
града за особо мужественные бои въ Сарыкамышѣ.

Нѣсколько секундъ ничего не ожидавшій батальонъ молчалъ, и потомъ понеслось дружное громовое «ура».

Обходъ окончился; войска стали перестраиваться къ церемониальному маршу.

Государь стоялъ на особомъ помостѣ.

— «Какая историческая картина; никогда Севастополь не видалъ еще столькихъ пластуновъ здѣсь» сказалъ онъ министру Двора Фредериксу. Затѣмъ, взглянувъ на стоявшихъ здѣсь офицеровъ, онъ замѣтилъ: «Впрочемъ, вѣдь слава пластуновъ пошла и отсюда, изъ Севастополя, когда они вмѣстѣ съ моряками Черноморскаго флота совершали славныя дѣла. Здѣсь дѣйствовали 2-й, 5-й и 8-й пластунскіе батальоны».

Офицеры подтвердили, упомянувъ еще, что въ этихъ батальонахъ было много охотниковъ изъ иныхъ станицъ Войска.

— «Кажется, старшинство пластунскихъ батальоновъ идетъ наравнѣ со старшинствомъ одного изъ конныхъ полковъ Вашего Войска? Насколько помню, съ Запорожскимъ полкомъ, съ 1782 г.» продолжалъ онъ. Офицеры подтвердили, упомянувъ, что этотъ полкъ имѣетъ знамя пѣшихъ казаковъ, полученное за взятіе острова Березани.

Видно было, что наука, полученная Государемъ, еще Наслѣдникомъ, по труду Ф. А. Щербини «Исторія Куб. К. В.» не забылась.

Перестроеніе закончилось.

Двигались стройныя шеренги пластуновъ, блестя штыками. Нѣкоторые батальоны шли держа винтовку къ бою — «на руку».

Съ помоста неслись царскія благодарности. Маршъ окончился.

Офицеры густыми кольцами окружили Государя, и вели съ нимъ по-просту разговоры.

— «Ваши пластуны такіе же молодцы какими были въ Севастополь и ихъ дѣды» — сказалъ Государь, увидя командира 2-го батальона полковника Бирюлькина.

— «Какой тамъ» — отвѣтилъ по-просту тотъ — «теперь уже не тѣ казаки, что раньше были. Пластуны — какъ пластуны».

— «Та це брехня, В. И. В.», послышалось сзади «наши козаки и теперь не гірши».

Государь улыбнулся и поддакнулъ, упомывая Сарыкамышскіе упорные бои и пластунскую доблесть на Кавказѣ.

Въ промежуткахъ между разговорами снимались: — сначала офицерскій составъ 6-го батальона, потомъ офицеры 1-й пластунской бригады, затѣмъ 2-й бригады. Всюду сновалъ, не находившій себѣ мѣста отъ радости ген. Гулыга.

Но особенно героемъ дня чувствовалъ себя командиръ 6-го батальона полк. Зинковский, своею простотой и непринужденнымъ обращеніемъ онъ подкупилъ совсѣмъ Государя.

Царь смѣялся и вообще былъ очень доволенъ простотою пластунскою; до моего слуха долетѣла фраза, какъ сказала ген. Орловъ, что за всю войну, только два раза Царь былъ веселъ и радостенъ — впервые, когда его встрѣчали русины въ Галціи и вотъ теперь, среди пластуновъ въ Севастополь.

Разговаривая съ Зинковскимъ, Царь спросилъ о жизни пластунской.

— «Да какая наша жизнь» отвѣчали тотъ «слава то казачья, а жизнь собачья, всѣмъ даютъ, а пластуновъ обдѣляютъ».

Кавказскій фронтъ. Характерные типы пластуновъ Кубанскихъ бригадъ въ Великую войну 1914-17 гг.

Царь заинтересовался, «какъ это такъ?» и Зинковский пояснилъ, что вотъ въ пѣхотныхъ полкахъ всѣ командиры ротъ капитаны, а у насъ, въ мирное время 25 есауловъ на все Войско — 18 батальоновъ. Тамъ, молъ, штабъ-офицеръ получаетъ 85 руб. столовыхъ, а нашъ «войсковой» — 55. Солдаты на службѣ одѣтъ въ казенное, а пластунъ въ свое; на войну солдатъ изъ дома рубашку принесетъ — деньги за нее получить, а мы и на войнѣ въ своемъ и т. д. и т. п. перечислялъ онъ бѣды пластунскія.

Царь слушалъ и давалъ знакъ флигель-адъютанту, а тотъ все записывалъ въ книжечку. Результатъ былъ скоръ, молніеносенъ — пластуновъ сравняли во всемъ съ пѣхотой и даже обмундированіе стали получать изъ интенданства. Для самого же Зинковского — онъ былъ очень плачевенъ: говорили, что ген. Гулыга и Букретовъ страшно злились и чертыхались по адресу Зинковского — какъ моль, онъ осмѣлится, не доживши по командѣ, докладывать прямо Государю!

**

Смотръ закончился.

Государь отъѣзжалъ на автомобиль — ревъ ура, тучи шапокъ, взвивавшихся къ небу; толпы бѣгущихъ за автомобилемъ воиновъ и штатскихъ — послѣднее мое впечатлѣніе.

Снова пароходъ, но казаки уже въ баракахъ. Ждемъ, когда союзники пробьются въ Дарданеллы и закрѣлятся на Галлиполи. Напряженіе чрезвычайное; флотъ каждый день выходитъ въ море. Пластуны послѣ завтра совѣтъ герон дня; новые крестики на груди окончательно покоряютъ прекрасныхъ и непрекрасныхъ представительницъ слабого пола.

Не только офицеры, но и рядовые пластуны въ Севастополѣ всѣ говорили «намъ би тільки за берегъ зачепитися, а тамъ вже насъ турки не виженуть». Офицеры цѣнили очень назначеніе въ эту историческую экспедицію, цѣнили больше, чѣмъ выигрши въ 200.000, а пожилой полковникъ, лѣтъ 50, съ высшимъ образованіемъ, оставившій въ станицѣ жену и дѣтей, мало денегъ и ровно никакого имущества добавилъ какъ то: двѣсти тысячъ можно прожить, ну а ту славу, которую получаютъ пластуны если войдутъ въ Константинополь — прожить нельзя. Дѣти будутъ говорить всегда — «батько былъ въ войскѣ, которое брало Царьгородъ. А если Богъ приведетъ помереть, такъ дважды не помирать, а вѣдь нѣтъ лучше смерти какъ подъ стѣнами Царяграда».

Пластуны вѣтъ конкуренціи вездѣ и всюду. Въ наши ряды плывають и добровольцы — въ мою пулеметную присталь двѣнадцатилѣтній «хбхленокъ» Панась — «утікъ зъ дому до козаківъ» и никакихъ. «Якъ не візмете — въ морі втоплюсь» говорить; казаки упростили — «будетъ за конями ходить, на кухни помогать»... Взялъ и не пожалѣлъ; Панась отлично помогать и былъ коноводомъ въ бояхъ. 12-го мая въ с. Лашки заработалъ Георгіевскую медаль. Прибѣжалъ къ намъ изъ Закавказья, Душета и аптекарскій Казя Троянскій. Юноша-полякъ. Не утерпѣлъ, пошелъ за пластунами и отлично помогать намъ въ Галиціи какъ переводчикъ.

Но пластуны время не теряли — готрили своихъ урядниковъ «въ прапора». Обидно было видѣть, какъ школы прапорщиковъ комплектовались недоростками, а наши урядники все были «нижніе чины». Позвалъ я всѣхъ урядниковъ, окончившихъ 2-хъ классное училище, сказать имъ слово, подучили малость и послали ихъ въ Севастопольскую гимназію держать экзаменъ на права по образованію Ц-го разряда, а за ними послали и изъ сотенъ и подхорунжихъ всѣхъ... Выдерживали; потомъ шли въ школы прапорщиковъ и уже на Днѣстрѣ мы видѣли ихъ у себя съ блестящими погонями, счастливыхъ и благодарныхъ.

Дессанта не дождались; союзники не прорвались къ Царюграду, но зато на Карпатахъ нѣмцы прорвали русскій фронтъ; «фаланга» Макензена гнала неудержимо армію къ р. Сану; пластуновъ посадили въ поѣзда и быстрѣй курьерскаго погнали на Саны выручать солдатъ.

Днѣпрѣ. Волынѣ. Радзивилловѣ. Львовѣ. Высадка въ Садовой Вишнѣ и походъ на Яворовъ къ Ярославлю на р. Сожѣ; встрѣча съ «фалангой», упорные бои съ грендерами германской гвардіи и съ гвардіей; пластуны фалангу задержали и стяжали себѣ славу «ударной дивизіи», которая потомъ посылалась по всему фронту, спасая положеніе.

Полковникъ С. Федоровъ.

Оренбургское Казачье Военное училище и Куб. Каз. Войско

Въ 1898 году закрыто было Ставропольское казачье юнкерское училище, — этот мѣстный краевой и дорогой разсадникъ г.г. офицеровъ для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, и — для Казачьей молодежи Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ съ незаконченнымъ среднимъ образованіемъ, для вольноопредѣляющихся и для заслуженныхъ строевыхъ казаковъ, желающихъ стать офицерами, какъ и для самихъ Войскъ, — невольно всталъ вопросъ — Куда теперь?!

Ярко и опредѣленно обозначился городъ Оренбургъ и въ немъ — Оренбургское Казачье юнкерское училище.

Въ серединѣ 19-го столѣтія, въ городѣ Оренбургѣ, были учреждены Офицерскіе курсы, которые 20 декабря 1868 года преобразовались въ —

«Оренбургское окружное юнкерское училище».

Первоначально училище имѣло два отдѣленія: пѣхотное (роты) и казачье (сотня). Штатъ училища былъ възсчитанъ на 200 юнкеровъ съ двухъ-годовичнымъ курсомъ. По окончаніи курса, юнкера выпускались: въ пѣхоту — подпрапорщиками, а въ

казачьи части — Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго Казачьихъ Войскъ — подхорунжими.

Тѣ и другіе, по прослуженіи въ строю извѣстнаго числа лѣтъ (окончившіе по первому разряду — черезъ годъ, а по второму разряду — по мѣрѣ очищенія вакансій), производились въ офицеры — въ подпоручики и хорунжіе.

Послѣ открытія въ г. Казани окружнаго юнкерскаго училища — пѣхотное отдѣленіе въ Оренбургскомъ училищѣ было закрыто. Съ тѣхъ поръ послѣднее стало чисто Казачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Первымъ начальникомъ училища былъ Полковникъ Котовъ. Но особенно яркій слѣдъ въ училищѣ оставилъ Полковникъ В. А. Потто (впослѣдствіи извѣстный военный историкъ), занимавшій должность начальника училища въ теченіи одиннадцати лѣтъ — съ 1870, по 1882 г. Прекрасный администраторъ и высокообразованный военный педагогъ — онъ въ дѣло воспитанія юношества вкладывалъ всю свою душу. Онъ собралъ богатую бібліотеку, стѣны училища украшались богатѣйшими гравюрами и картинами изъ временъ Кавказской войны, кон были въ училищѣ до послѣднихъ дней существованія училища — до 1919 года.

При немъ были построены — церковь и манежъ.

Въ 1901 году было закрыто казачье отдѣленіе (взводъ) при Иркутскомъ юнкерскомъ училищѣ и, съ этого года, молодые казаки Забайкальскаго, Амурскаго и Уссурійскаго Казачьихъ Войскъ, командировались для полученія военнаго образованія, въ Оренбургское училище.

Такимъ образомъ, ходомъ событій, Оренбургское училище сдѣлалось общеказачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Въ немъ были представлены всѣ «Войска», кромѣ Донскаго, имѣвшаго свое училище въ Новочеркасскѣ. Въ строю сотня юнкеровъ блистала всѣми цвѣтами нарядной радуги: юнкера носили форму одежды — каждый своего Войска и спрапляли ее на собственный счетъ.

Въ 1901—1902 учебномъ году, какъ и во всѣхъ юнкерскихъ училищахъ, въ Оренбургскомъ казачьемъ былъ введенъ 3-хъ-годовичный курсъ программы. Съ 1904 года, юнкера изъ училища стали выпускаться въ полки, сразу же, офицерами.

Въ 1902 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ М. И. Михѣевъ (донской казакъ). Въ то же время, начальникомъ Новочеркаскаго юнкерскаго училища состоялъ Генеральнаго штаба Полковникъ А. М. Калединъ (впослѣдствіи извѣстный Донской Атаманъ).

Въ 1903 году, вслѣдствіе совмѣстныхъ ходатайствъ обоихъ начальниковъ казачьихъ училищъ, обмундированіе въ училищахъ было принято на счетъ Войскъ, по принадлежности юнкера. При

этомъ, въ Оренбургскомъ училищѣ была введена однообразная форма одежды для всѣхъ юнкеровъ, по образцу Оренбургскаго Войска, но съ погонами алаго (а не голубого) цвѣта.

Въ томъ же 1903 году, училищу было Высочайше пожаловано знамя. Церемонію передачи знамени производилъ Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска Генераль-Лейтенантъ Я. Ф. Барабашъ, въ училищномъ лагерѣ, на торѣ «Маякъ», при весьма торжественной обстановкѣ.

Видъ Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища. Вверху — Зимній манежъ для волтижировки. Вдали его — училищная церковь. Внизу — корпусъ зданія. Прямая аллея — постоянный выходъ юнкеровъ въ городъ и церковь.

Въ 1907 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ К. К. Слесаревъ (терскій казакъ). Онъ оказался впослѣдствіи начальникомъ училища до послѣднихъ дней существованія училища, до 1920 года, который, почти со всѣмъ училищемъ, въ далекихъ дебряхъ Сибири отступающей Арміи Адмирала Колчака, былъ отрѣзанъ и окруженъ красными войсками и попалъ въ плѣнъ къ нимъ.

Въ 1909 году, всѣ окружныя юнкерскія училища, въ томъ числѣ и Оренбургское, были приравнены во всѣхъ правахъ къ военнымъ училищамъ, и всѣ стали называться

«военными училищами»,

а Оренбургское стало официально именоваться

«Оренбургское Казачье училище».

Во время Великой войны, училище давало усовершенствительные курсы производства въ офицеры.

Въ концѣ 1917 года, послѣ большевизкаго переворота, когда Оренбургское Казачье Войско не признало новой власти и выбрало своимъ Войсковымъ Атаманомъ высокообразованнаго, своего же Оренбургскаго казака, Академика, знаменитаго потомъ Атамана, Полковника А. И. Дутова, бывшаго помощника инспектора классовъ и преподавателя Оренбургскаго училища — красные повели наступленіе на Оренбургъ съ двухъ сторонъ — со стороны г. Самары и со стороны Туркестана. Сотня юнкеровъ принимала самое активное участіе во всѣхъ этихъ бояхъ на подступахъ къ Оренбургу. Его же длинное мрачное казарменное зданіе, служило штабелемъ при оборонѣ, гдѣ и помѣщался штабъ Войскаго Атамана.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1918 г., Оренбургъ палъ. Генераль Слесаревъ увелъ сотню юнкеровъ къ Уральскимъ казакамъ. въ городъ Уральскъ. Училище, какъ и всѣ учрежденія Оренбургскаго Войска, подверглись невиданному разгрому ворвавшихся красныхъ полчищъ, гдѣ было уничтожено все, что такъ долго и кропотливо собиралъ въ училищныя коллекціи Подковникъ Потто и другіе Начальники.

Въ іюль 1918 года, Оренбургскіе казаки освободили свой Войсковой городъ и училище вновь было призвано къ жизни на разрушенныхъ пепелищахъ своихъ, но уже въ январѣ 1919 года, послѣ ожесточенныхъ боевъ, Оренбургъ вновь палъ и училище, въ спѣшномъ порядкѣ, эвакуировалось въ Сибирь. Постъ цѣлаго ряда скитаній, оно обосновалось въ г. Иркутскѣ, гдѣ и приступило къ занятіямъ, но — не надолго. Въ концѣ 1919 года Сибирскій фронтъ рухнулъ. Въ Иркутскѣ произошло возстаніе мѣстныхъ эсеровъ и большевиковъ.

Училище было окружено красными частями и захвачено полностью... Удалось спастись только нѣсколькимъ юнкерамъ...

Такъ жутко закончилось свое существованіе наше родное Оренбургское казачье военно училище.

Итакъ, въ 1898 году, по закрытіи Ставропольскаго юнкерскаго училища, кубанская молодежь, не получившая средняго образованія, невольно взоры свои обратила къ далекому Оренбургу, гдѣ было свое казачье юнкерское училище.

Всѣхъ вакансій въ училищѣ было 120. Наибольшее ихъ число, по праву «первородства», имѣло Оренбургское Войско — 36, затѣмъ Кубанское — 18, и Терское — 12. Остальные Войска — Уральское, Астраханское, Сибирское, Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское — имѣли ваканціи пропорціонально своей мощи. Послѣднее имѣло всего лишь одну вакансію.

И вотъ, Кубанское Казачье Войско, первое по величинѣ и могуществу изъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ послѣ Донскаго Войска — оно буквально задыхалось въ этихъ своихъ 18-ти войсковыхъ вакансіяхъ. Наплывъ вольноопредѣляющихся 2-го разряда изъ первоочередныхъ полковъ Войска, и, даже, изъ Пластунскихъ баталіоновъ, настолько былъ великъ, что устанавливался жестокой конкурсъ. Но драма была еще въ томъ, что этотъ конкурсъ опредѣлялся тольکو въ наличіи своихъ Войсковыхъ, Кубанскихъ, вакансій, а не всего училища. Проверено и установлено, что юнкера другихъ Войскъ, за малымъ пріѣздомъ, поступали на свои войсковыя вакансіи безпрепятственно и, даже, порою, ихъ не заполняли. Кубанцы же, прибывая въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человекъ ежегодно — никогда не имѣли своихъ свободныхъ

вакансій и ждали — когда имъ останутся они — или отъ непрібывшихъ, или отъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ казаковъ другихъ Войскъ. Но эти чужія свободныя вакансіи зачислялись Кубанцы, уже по общему конкурсу, и училищное начальство потомъ уже хлопотало передъ Кубанскимъ Наказнымъ Атаманомъ о принятіи этихъ новыхъ, дополнительныхъ расходовъ, изъ Войсковой счеты. Въ такомъ положеніи, вновь поступившіе юнкера, маялись не меньше мѣсяца — другого, не зная, согласится ли Войсковое Начальство взять на себя лишній расходъ, или, можетъ быть, имъ придется снять мундиръ юнкера и вновь обратиться въ «вольноопредѣляющихся». Столь жуткія переживанія молодой клокочущей стремящейся души — ежегодно испытывали молодые казаки-Кубанцы въ далекомъ чужомъ Оренбургѣ, не имѣя твердаго положенія и болѣя душой, при мысли — «а вдругъ отказъ!»

Въ 1912-омъ году, цѣлый рядъ Кубанскихъ вольноопредѣляющихся, окончившихъ учебныя команды, съ двумя нашивками младшаго урядника и выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ среднемъ на 10,5 балловъ — и всѣ они уѣхали назадъ въ свои полки, такъ какъ Войско отказалось взять на себя лишній расходъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, окончивъ свою службу, — ушли эти молодые, воински воспитанные и отлично подготовленные къ строю молодые казаки на льготу и, въ силу горькой нужды — предпочли искать новыхъ путей къ жизни, разъ постигла неудача тамъ, куда они такъ стремились...

Такъ или иначе, но Кубанцы, какъ и Терцы, всегда заполняли чужія вакансіи и вмѣсто 18-ти, ихъ было свыше 30-ти, а терцевъ до 20-ти человекъ. Эти два однородныхъ «войска» вносили рѣзкую и доминирующую струю Кавказскаго Казачества въ стѣны далекаго степного Казачьяго военного училища. Живою характеръ, кавказская туземная пиковость, черноморскій юморъ и чарующая музыкальностью пѣснь ихъ, мягкая походка, кавказская лезгинка и казачекъ вприсядку — все это прямо таки выпирало наружу въ стѣнахъ далекой степной школы.

Не въ обиду будь сказано другимъ «войскамъ» — сотня юнкеровъ иныхъ пѣсень въ училищѣ и не пѣла, кромѣ Кубанскихъ и, частью, Терскихъ. Это объяснялось — съ одной стороны — богатствомъ и разнообразнымъ репертуаромъ пѣсень этихъ Войскъ, а, во-вторыхъ — врожденной музыкальностью ихъ сѣнь — казаковъ, составлявшихъ вмѣстѣ добрую половину всей сотни юнкеровъ. Но въ училищѣ, вообще не было никакого антагонизма между войсками и пѣснями Кубанскихъ казаковъ съ удовольствіемъ воспринимались и остальными юнкерами какъ что-то свое родное казачье и общее наше достояніе. Правда, по Войскамъ юнкера разли-

чались въ своихъ привычкахъ и особенностяхъ: кавказцы, въ особенности Черноморцы, были болѣе безличны, щеголеватѣе, ударили на строй и въ немъ чаще другихъ брали первенство въ состязаніяхъ; Оренбуртцы были болѣе усидчивые въ наукахъ. Рѣзкой войсковою сплоченностью между собой выдѣлялись Забайкальцы, сплошь съ восточнымъ бурятскимъ прорѣзомъ глазъ и Уральцы; послѣдніе были хорошіе наѣзники. Остальные Войска, за малочисленностью, — своей особенностью рѣзко не выдѣлялись.

Разность войскъ характерно обрисовывалась въ часы частнаго праздничнаго чаепитія, послѣ церковной службы, въ училищной столовой. Тогда уже группировались всѣ по своему Войсковому признаку и шумно, по братски, проводили вмѣстѣ часъ - другой, ударяя каждый по войсковымъ «лакомствамъ»: Кубанцы и Терцы — на свиное сало; Уральцы — на рыбу, а всѣ остальные войска — на калмычій чай. Еще была одна особенность: большинство Кубанцевъ и Терцевъ, при встрѣчѣ, и въ своемъ обиходѣ — старались, почему - то, говорить по-черноморски. Въ этомъ, какъ бы подчеркивалось извѣстное казакоманство, свой особенный, южно-казачій стиль, казачій аристократизмъ... Кубанцы и Терцы — въ особенности жили дружно между собою: однородность войскъ, даль родины, иной климатъ — суровый и непривѣтливый — бѣдная растительность, чуждая, стѣсняющая тѣло, форма одежды и прочіе контрасты мягкаго теплаго «юга» съ суровымъ «сѣверо-востокомъ» — все это вмѣстѣ взятое — невольно давало ощущать кавказцамъ близость другъ къ другу и что они «не у себя дома», а словно въ командировкѣ, «заграницей»... и каждый изъ нихъ высчитывалъ — сколько же еще дней ему осталось носить эту «шинель»...

Но зато на училищномъ праздникѣ 20-го декабря, который проводился весьма торжественно, помпезно и заканчивался пышнымъ баломъ до утра — Кавказцы проявляли себя по всю. Имъ разрѣшалось быть въ своихъ черкескахъ, нашивъ на нихъ юнкерскія погоны. Этотъ балъ съ трепетомъ ожидали всѣ и въ особенности учащаяся женская молодежь. Этотъ «юнкерскій» балъ былъ лучшимъ во всемъ городѣ, гдѣ стоялъ довольно сильный гарнизонъ и гдѣ было очень много учебныхъ заведеній. Одно, ужъ сказать, что въ городѣ было два кадетскихъ корпуса, женскій институтъ, три женскихъ гимназій, двѣ мужскихъ, реальное училище, епархіальное училище и много другихъ мелкихъ. И вотъ, на немъ то, на этомъ балу, куда собирался весь шпѣтъ гарнизона и городской аристократіи — юнкера - кавказцы, въ цвѣтѣныхъ своихъ черкескахъ, порою расшитыхъ выше положеннаго, въ чевякахъ, въ папахъ, затянутые поясами до-нельзя — они были буквально кумиромъ дѣвицъ, завистью мужчинъ, украшеніемъ учили-

ща, гвоздемъ вечера... Магически пронизывало шумный балъ слово — «лезгинка»...! «лезгинка»... и, все спѣшило туда, гдѣ кучковались кавказцы. И какъ полагается — въ широкомъ кругѣ, сидючи «по восточному», или на корточкахъ и, обязательно подь,

«горе намъ, Фези къ намъ...» — выскакивали они въ кругъ съ немилосердно дикими выкриками и проплакировавъ по кругу «бѣлымъ лебедемъ» — да потомъ въ срединѣ круга — «на пальцы», «на пальцы...!» О фурорѣ не приходится уже и говорить... все «таяло» кругомъ...

Вообще, юнкера - кавказцы, были въ лѣстящей модѣ тамъ, въ Оренбургѣ. Насъ даже жители называли «черкесами», заглядывались и, слегка сторонились отъ... боязни; черкесы... дикари...

Никакихъ «дुकательныхъ» и принижających достоинство юнкера и человека «традицій» въ училищѣ не было. Было одно — это «похороны» расписанія уроковъ» выпускнымъ классомъ, передъ началомъ экзаменовъ. И, хотя столь безобидный обычай допускался открыто, но дежурный офицеръ старался все это «не видѣть и не знать». Заключался онъ въ томъ, что изъ дальняго класса, на носилкахъ изъ нихъ клали расписаніе уроковъ и торжественно проносили его по всему помѣщенію, до гимнастическаго зала. Впереди шель «священникъ» съ «почтомъ» и хоръ; за ними «караулъ» съ обнаженными шашками вокругъ носилокъ, а дальше — старшіе классы строемъ... Всѣ остальные юнкера могли только молчаливо присутствовать. Въ гимнастическомъ залѣ, весь старшій классъ выстраивался, расписаніе выносилось на носилкахъ переть серединой строя и здѣсь одинъ изъ «способныхъ» къ остроумію — читалъ «ему» длинный - предлинный «приговоръ», написанный въ правдиво - юмористическихъ тонахъ, какъ оно это, «расписаніе» въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ издѣвалось надъ юнкерами и портило имъ кровь, принуждая ихъ сидѣть за нудными учебниками и т. д., и т. д. и сколько черезъ него пострадало людей «безъ отпуска» и, въ особенности, за англійскій языкъ. Этотъ остроумный приговоръ возбуждалъ у слушателей вольготно - веселое настроеніе и заканчивался присужденіемъ «его» къ высшей мѣрѣ наказанія — къ публичному сожженію; послѣдніе слова покрывались дружными выкриками «ура» и расписаніе, приподнятое на пикахъ (отнюдь не дотрагиваясь до него, изъ безгласности, руками), торжественно сжигалось. Въ этотъ же день, въ 4 часа дня, идя на обѣдъ, — сотня выстраивалась, какъ всегда, въ проходномъ корридорномъ залѣ; вахмистръ сотни командовалъ «смирно», сотня замирала, оркестръ гремѣлъ торжественный «офицерскій отбой»!

«Полно вздоромъ заниматься,
«Трубачъ труби отбой...»,

и, подъ звуки юнкеровъ-трубачей, со-
нна бравурно маршировала въ столовую
на обѣдъ.

У всѣхъ было на душѣ легко и ве-
село: учебный годъ законченъ, а для
выпускного класса — навсегда...

Въ 1912 году, старшій классъ задумалъ ввести «традицію» чтобы оба младшихъ класса называли бы ихъ «гл. хорунжими», какъ это было въ соѣд. Николаевского Кавалерійскаго училища.

Узнавъ объ этомъ, командиръ со-
нни, Есауль Бочаровъ (Терскаго Войска), весьма любимый всѣми юнкерами за его умъ, спокойствіе и вседневное рѣзко-отеческое наставленіе вмѣсто дисциплинарныхъ взысканій вызвать въ отдѣльный классъ всѣхъ взводныхъ портупей-юнкеровъ, Беринцева, Каширина, (оба оренбургца), Елисѣева, Ряднину (оба кубанца), вахмистра со-
нни Вертепова (терець) и, какъ всегда, рѣзко-тягуче пронизалъ насъ:

«Вы что это тамъ у меня — а-а-а?!
Традицію задумали вводить?»

Чтобы я больше о ней не слышать,
— поняли?!»

Мы — поняли... а пишущему эти строки, — какъ главному инициатору — онъ сказалъ еще нѣсколько «теплыхъ» словъ и, «традицію», какъ рукой смахнуло...

Между собой юнкера жили дружно, запросто. Заслуженное уваженіе оказывалось всѣми старшему классу, а вообще — это была однородная про-

Характерная группа юнкеровъ училища въ зимней (въ папахѣ) и лѣтней формахъ. Сидятъ: слѣва — мл. портупей-юнкерь 1-го взвода, Кубанецъ В. Д. Гамалій, нынѣ Полковникъ, совершившій въ 1915 г. знаменитый конный рейдъ въ Месопотамію, на соединеніе съ англійскими войсками, во главѣ 1-й сотни 1-го Уманскаго полка, будучи тогда въ чинѣ сотника. Правѣе его (†) Терець, юнкерь Акуловъ. Зарубленъ курдами въ неудачной конной схваткѣ на Кавказскомъ фронтѣ, у Дутаха, въ самомъ началѣ войны, въ 1914 г., въ чинѣ хорунжаго 3-го Волгскаго полка Терскаго Казачьяго Войска. Стоитъ — Кабардинецъ - Терець (†) знаменитый Заурь-бекъ Серебряковъ-Доутоковъ, который въ 1918 году возглавлялъ, въ чинѣ Ротмистра, Кабардинскую конную бригаду и, будучи вытѣсненъ красными со своей территоріи — вывелъ ее въ Баталпаинскій

отдѣлъ и въ 1919 году, въ чинѣ Полковника, подъ Царицыномъ, былъ безжалостно зарубленъ красными въ неудачной конной схваткѣ своихъ кабардинцевъ.

(Снимокъ относится къ 1910 г., въ Оренбургѣ)

Наряду съ этими видными юнкерами училища — съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что знаменитый Войсковой Атаманъ Забайкальскаго Казачьяго Войска Генераль-Лейтенантъ Семеновъ, является воспитанникомъ Оренбургскаго Казачьяго военного училища, которое окончилъ по первому разряду въ 1911 году, будучи юнкеромъ 1-го взвода.

(Ф. Е.)

стая братская казачья семья, гдѣ уваженіе дѣлалось только личнымъ качествомъ юнкера и только, такъ какъ ни титулованныхъ, ни богатыхъ, ни ижеженокъ, ни доносчиковъ среди юнкеровъ не было, а всѣ были буквально на 90 процентовъ — дѣти простыхъ казачьихъ земледѣльческихъ семействъ, и, попавъ въ училище, всѣ дорожили своимъ положеніемъ и трудились въ наукахъ откровенно, зная, что ихъ ждетъ впереди.

Поступая въ училище большею частью изъ строевыхъ частей, выпускаемые офицеры изъ Оренбургскаго училища были отлично подготовлены къ строю, а если принять во вниманіе, что многіе до поступления въ него оканчивали даже учебныя команды въ полкахъ и потомъ еще въ училищѣ 3 года мялись въ сѣдлѣ — легко себѣ представить, какіе изъ нихъ выходили офицеры. И еще эта трехлѣтняя ѣзда на широкомъ вольготномъ плацу, долній лагерь въ степи — съ мая по августъ — и парфорсная охота по осени — тѣмъ болѣе давали сами по себѣ многое. А зимою, при яркомъ снѣгѣ — ѣзда всегда заканчивалась джигитовкой, не говоря уже о конномъ ученіи въ хорошую погоду. Рубка бывала каждый день. Кроме этого, большинству юнкеровъ 1-го спеціального класса выдавали ежегодно, изъ ремонта, молодыхъ лошадей — «неуковъ», которыхъ они сами выѣживали и уже на нихъ проводили ученіе цѣлыхъ два года, — до самаго выпуска въ офицеры. Въ лагерѣ же — ширь степи, ежедневныя конныя занятія, полевая сѣмка въ сѣдлѣ, а затѣмъ — 3-хъ недѣльный походъ по Оренбургской губерніи, гдѣ уже не полагалось никакихъ «конюховъ», а юнкера обязаны были обходиться съ лошадыю сами — все это вмѣстѣ взятое, давало каждому юнкеру твердость въ сѣдлѣ, выдѣрало устойчивое понятіе не только въ технику ѣзды, но и въ лошади и вырабатывали въ немъ естественное наѣздничество. Были, конечно, и недостатки: юнкера степныхъ Войскъ были привыкшіе, но насъ, казказцевъ, не удовлетворяло:

1. Маленькіе, косматые, головатые и тугоуздые степные кони — киргизской породы. Тугоуздость ихъ была настолько велика, что въ лагерѣ, на сотенномъ ученіи, когда сотня переходила въ широкій наметъ, — 4-й взводъ, обычно, «распылялся». Схвативъ пику въ обхватъ, въ зажимъ локтя, а поводья въ обѣ руки, — таскали и въ такомъ положеніи, и какъ хотѣли, эти заносистые маштаки слабосильныхъ юнкеровъ 4-го взвода, пока сотня не останавливалась и они, движимые стальнымъ чувствомъ, сами не вскакивали безудержно въ строй, ломая его.

2. Простыя, грубой отдѣлки, неуклюжія сѣдла и къ нимъ, впряжного сорта ремни.

3. Громадныя тяжеловѣсныя степныя шашки. Вообще, въ снаряженіи и обмундированіи — учи

лише хромало. Здѣсь чувствовалось — и даль его отъ «центра» и — 2-е положеніе, да и само зданіе — бывшія казармы — не ласкало глазъ снаружи. Но училище брало молодую душу юнкера своимъ уютомъ, простотой и сердечностью.

Въ 1913 году, военный министръ генераль Сухолинновъ, объѣзжая весь Туркестанъ, проинспектировалъ и Оренбургское училище. Какъ самъ конникъ и спортсменъ, онъ невольно остановился на конскомъ составѣ, и видно было, что лошади ему, опредѣленно, не понравились. А смущенная «поза», слегка расплѣвшаго баринобразнаго Начальника училища Генерала Слесарева, въ долгомъ положеніи «смирно» передъ министромъ, на училищномъ дворѣ, возлѣ конюшенъ, послѣ осмотра лошадей — ясно говорили намъ, юнкерамъ, выглядывавшимъ кучными толпами въ окно со второго этажа, что разговоръ былъ именно о лошадяхъ и не изъ приятныхъ.

И насъ, казказцевъ, пріѣзжавшихъ на каникулы къ себѣ въ станицы и сѣдлавшихъ дома своихъ изящныхъ, тонкихъ, ижежоуздыхъ, поджарыхъ кабардинскихъ лошадей, — явно, тѣ кони, не удовлетворяли. Мы невольно тосковали и думали — эхъ, если бы наши горныя лошади да своя черкеска съ юнкерскими погонями, да и вообще — если бы свое училище тамъ, на Кавказѣ... И это чувство вполне понятно и законно возникало у Кубанской и Терской юнкерской молодежи.

Не говоря уже объ ограниченности вакансій, какъ главной препонѣ для поступления туда — это была еще жестокая даль... Четыре дня ѣзды поѣздомъ съ Кавказа до Оренбурга, суровый континентальный климатъ, чуждая обстановка, чуждая форма одежды... И было такъ, что поступающіе изъ гимназій, которые дома никогда не носили свою казачью форму одежды — они при выпускѣ въ офицеры одѣвались такъ, что вызывали улыбку со стороны. Конечно, такой офицеръ не могъ же въ умѣньи одѣваться быть примѣромъ и учителемъ казаку въ сотнѣ. Это какъ будто мелочь, — (форма одежды), но она имѣетъ глубокое воспитательное значеніе, и если говорить о Казачествѣ — то, конечно, оно, Казачество, не должно быть ни въ пиджакахъ, ни въ галстукахъ.

Национально политическая партія въ странахъ, для будированія наибольшей гордости и возбужденія пульса, моральной сѣпки между собой, для героическаго пафоса, — вырабатываютъ однообразную форму одежды, и, конечно, воинственную. Намъ же, казакамъ, остается только сохранить свою родную старую одежду — ее вѣковую стильно-красочную, бодрящую... Для Кавказскихъ казаковъ — Оренбургское училище не являлось въ этомъ отношеніи желаннымъ и — давало миноусъ. И еще въ худшемъ положеніи была Кубанская мо-

лодежь, окончившая разныя пѣхотныя училища какъ-то: Тифинское, Одесское, Чугуевское и другіе малоизвѣстныя Кубани.

Насущность имѣть свое Войсковое военное училище выдвигалась замѣтно; да отчего же его и не имѣть Ройску Кубанскому своего собственнаго или съ Терскимъ Войскомъ совмѣстно? Каждый годъ, изъ разныхъ училищъ, въ Кубанскіе полки и батальоны прѣзжало отъ 3 до 5 молодыхъ хорунжихъ (въ каждый полкъ). Всѣхъ же первоочередныхъ полковъ въ Войскѣ было 11, и 6 батальоновъ, а всего — 17 единицъ, не считая 5 батарей Войска. Слѣдовательно, Войско ежегодно комплектовалось приблизительно 75-ю молодыми офицерами, т.е. одно Кубанское Войско должно было бы уже имѣть свою собственную сотню юнкеровъ. Необходимость затраты Войсковой суммы вполнѣ окупилась бы не только моральнымъ удовлетвореніемъ и Войсковою горделивостью, но и достойною подготовкою на родной Кубанской территоріи своей Кубанской молодежи, въ достойномъ войсковомъ духѣ и своими же Кубанскими офицерами. И какъ былъ бы великъ наплывъ этой молодежи, въ свой родной и близкій сердцу, стольный городъ Екатеринодаръ — окруженный какъ matka пчелнымъ роємъ своихъ станицъ, богатыхъ, многонаселенныхъ... а отсюда — богатѣйшій выборъ комплектованія и навиду у Войскового Атамана — онъ безусловно былъ бы такъ великъ, такъ возможенъ, такъ желателенъ, такъ необходимъ. Начавшаяся Великая война, эту необходимость ярко выявила, и, уже въ 1915 г., въ Екатеринодарѣ, была открыта школа прапорщиковъ, мощная и солидная, принявшая въ свои объятія заслуженныхъ и боевыхъ вахмистровъ - подхорунжихъ и вольноопредѣляющихся Казачьихъ Войскъ. Чѣмъ бы это закончилось, эта Екатеринодарская школа прапорщиковъ, если бы война завершилась удачно для насъ, — остается теперь только гадать, но неожиданно развернувшіяся событія — захватъ власти большевиками во всей Россіи, а отсюда временная государственная независимость Кубанскаго Края — все это невольно толкнуло на крайнюю необходимость установленія въ Войскѣ своего собственнаго военного училища, да еще такого громоздкаго, съ отдѣлами: пластунскимъ, коннымъ, артиллерійскимъ и техническимъ. Кстати, юнкера Кубанскаго Войска, главнымъ образомъ Николаевскаго кавалерійскаго и другихъ училищъ, послѣ разгрома большевиками ихъ училищъ на мѣстахъ, прибывшіе къ се-

бѣ на родину, не знали куда имъ дѣваться и какъ закончить свое начатое военное образованіе. И вышло такъ, какъ говорить русская пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло... Потребовалось цѣлое разрушеніе Великой страны, чтобы Кубанское Казачье Войско возымѣло бы право и возможность создать свое собственное Кубанское военное училище, которое, къ сожалѣнію, пріютилось тогда гдѣ-то на окраинѣ города, — сѣро и незамѣтно, и красные, занявъ Екатеринодаръ — свое красное кавалерійское училище — сразу же помѣстили въ лучшемъ и нарядномъ зданіи во всемъ городѣ, — въ прекрасномъ, благородной архитектуры, зданіи Войскового Маріинскаго женскаго Института... Тѣ рубанули смѣло и — сплеча. Къ тому же — Войсковая гордость и достоинство, не были проявлены до конца: Кубанское военное училище принципиально и для доподлинности казачьяго пафоса — должно было бы носить шефство своего Войскового Атамана.

Въ Донскомъ Войскѣ, все это, и другое многое, выходитъ какъ то выпуклѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе...

«Кубанское Войсковое Атаманское военное училище» — звучало бы для сердець Кубанскихъ казаковъ, — проникновеннѣе.

Земно кланяюсь бывшему, далекому и милому: родному и разрушенному «красными» — Оренбургскому Казачьему военному училищу, которое за время своего существованія выпустило не одну сотню юнкеровъ - Кубанцевъ въ офицеры — но долженъ открыто сказать, что при всѣхъ возможныхъ вариантахъ возрожденія Россіи — Кубанскому Войску не придется командировать въ такую даль своихъ сыновъ... Мы приложимъ всѣ свои силы къ тому, чтобы Кубанское Войско сохранило бы на своей территоріи свое Войсковое военное училище.

Дѣло будущаго Войскового Атамана и правительства, — какъ провести и закрѣпить этотъ необходимый вопросъ для Войска, но дѣло строевой подготовки и дѣло внѣдренія въ молодыхъ казачьи души Войсковой Гордости и Казачьяго Пафоса, — сдѣлаемъ мы — кадровые офицеры.

Оренбургскаго Казачьяго военного училища, выпуска 1912 года, взводный портупей-юнкеръ **Ө. Елисѣевъ.**

„Битва казаковъ съ черкесами“

Ш

(Воспоминанія)

Представьте себѣ самую обыкновенную степную рѣчку, при тихой погодѣ съ неподвижно стояшею водою, благодаря длинной гати, задерживавшей воду на уровнѣ двухъ спусковъ мостовъ для стока лишней воды. По сѣверному, слегка повышенному отъ рѣки склону, расположены правильно въ три улицы, уютныя бѣлыя хаты съ огромными дворами и незатѣйливыми, на нихъ постройками.

Всюду, куда только можетъ проникнуть глазъ, по улицамъ, видѣются около хатъ палисадники и цвѣтушія въ нихъ растенія, а въ большинствѣ сады и вишневые садочки. По срединѣ же станицы рѣзко выдѣляется обширная площадь, съ небольшою церковью, тщательно крашеною бѣлою краскою и еще тщательно размалеванною ярко зеленымъ цвѣтомъ по карнизамъ и куполамъ. Вокругъ церкви въ рѣшетку, вся изъ зеленыхъ столбиковъ въ леремѣжку съ бѣлыми, опоясанныхъ зеленою лентою, а внутри ограды молодой вишнякъ и сливы, окаймляющіе съ трехъ сторонъ зданіе церкви. Это церковный садъ, который мы, дѣти, называли садочкомъ.

Настоящіе сады съ густымъ вишнякомъ, рослыми сливами, раскидистыми яблонями, большими грушами, могучими тополями и кудрявыми вербами, тѣснятся у рѣки по дворамъ, расположеннымъ ниже береговой улицы и примыкающимъ къ самой рѣкѣ. Заманчивыя это для дѣтей мѣста, какъ по своимъ соблазнительнымъ плодамъ, такъ и по густой и высокой растительности изъ конопли, болиголовы, лопуховъ, куги и камыша. Хорошо играть

здѣсь въ прятки или въ «овець і вовка». Юркнешь въ сокровенную поросль — и слѣдъ твой простыль. Куда тамъ найти волку даже глупую овцу!

А тамъ, на верхушкахъ вербъ и тополей, цѣлыя полчища грачей, галокъ и воронъ! И такъ они всегда громко кричатъ и живо напоминаютъ о себѣ, столько тамъ гнѣздъ, что, бывало, сердце бьется при одной мысли о возможности взобраться на самую верхушку тополя и наложить «повный картузь» грачиныхъ яицъ изъ чернѣющихъ въ вѣтвяхъ гнѣздъ или забрать изъ гнѣзда маленькихъ пищащихъ галчатъ. Сильно было у меня это желаніе, но признаюсь откровенно, что ни разу не каснулась моя рука ни яицъ, ни птенчиковъ, и не потому, что рисковано было взбираться на верхушки большихъ деревьевъ, а какъ то брала охота, а рука не налегала.

Сады въ свою очередь отгѣняются широкою степною рѣчкою, съ тихою — тихою и блещущею отъ солнца, какъ огромное зеркало или слегка дрожащею, какъ расплавленный металл, водною поверхностью, когда бываетъ свѣтло и безвѣтренно, въ особенности утрами и передъ вечеромъ. Когда же бушуетъ вѣтеръ и зеркальная поверхность превращается въ мутную сѣроватую жидкость, тогда по поверхности ходятъ волны большія, сѣрыя и шумящія, точно онѣ гоняются одна за другою съ оскаленными зубами въ видѣ бѣлѣющихъ на нихъ гребней и стараются сѣсть, поглотить одна другую. Мои сверстники, деревянковскіе казачата, были того мнѣнія, что «то рѣчка сердиться на свѣтер та скале зуби».

Къ противоположному берегу рѣки прилегалъ въ одномъ мѣстѣ высокой и тонкой камышъ, перемежающійся сначала съ зеленымъ лознякомъ, дальше совершенно исчезающій въ старомъ саду при хуторѣ адовы есаула Притули. О! Это былъ завѣтный для меня уголокъ, попасть въ который я всегда мечталъ, сидя на противоположномъ берегу рѣки. Если бы только, думалось мнѣ, старый Шень рыболовъ взялъ меня въ каюкъ, на которомъ онъ ѣздилъ на ту сторону рѣки «трусить рыбу в вентеряхъ і кошахъ», то я нарѣзалъ бы цѣлый пукъ наилучшаго камыша для себя и пріятелей и мы на-

дѣлали бы изъ него чудесныхъ верховыхъ лошадей, ружьевъ и шашекъ.

Но сегодня поразительная тишина въ станицѣ. И галки съ грачами молчатъ, и вороны не каркаютъ, и стараго Шеня не видно на рѣкѣ, и на улицѣ никто не показывается. Всѣ и все точно спятъ. Въ станичномъ правленіи ящики и десятники, въ лавкахъ — лавочники, въ кабакѣ — кабатчики — всѣ смиренно сидятъ по своимъ мѣстамъ вялые и

безжизненные. Жарко, невыносимо жарко и душно. Станичное населеніе почти все въ стени.

И вотъ, среди этой дремотной обстановки, я съ гурьбой казачать несусь по пыльной улицѣ. Это, изволите ли видѣть, войско, составленное изъ вольныхъ казаковъ, изъ которыхъ одни бросили порученныхъ имъ для присмотра телятъ, другіе — гусей, третьи — свиней, а четвертые, какъ истые запорожцы, бѣжали съ мѣстъ осѣдлости — препро-

ПРОФЕССОРЪ ФЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ШЕРБИНА

Популярно-извѣстный Кубанскій Историкъ, писатель и общественно-политическій дѣятель. Сынъ казака-священника, родился 13—26 февраля 1849 г. въ станицѣ Новодеревянконской, Ейскаго отдѣла.

Редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что ей не удалось получить, ко времени выпуска настоящаго сборника обстоятельныя біографическія данныя о маститомъ юбилярѣ и его 60-лѣтней литературной и общественно-политической дѣятельности и о многихъ трудахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за столь долгіи періодъ неустанной работы.

тивныхъ въ лѣтнюю пору хать, въ которыхъ только потому нужно торчать, чтобы не забрался въ нихъ цыгане.

Я впереди войска, потому что состою его командиромъ. Подо мною превосходная лошадь, самая толстая и длинная камышина, которую привезъ мнѣ съ того берега старый Шень; въ рукахъ плетка изъ хорошо скрученной веревки, за спиною на перевязи ружье, великолѣпная вишневая палка, которую, къ моему горю, Юминъ Коржъ, драчунъ и забіяка, нанявшійся къ намъ на срокъ, предательски превратили потомъ въ чубукъ къ трубкѣ; слѣва, сбоку, на ниткѣ, болталась шанка изъ камыша, спереди у ременнаго пояса торчалъ камышевый кинжалъ, а сзади къ тому же поясу прикрѣпленъ цѣлый пукъ мочалы. Это — хвостъ. Когда бѣжишь верхомъ на камышѣ, то оно болтается, какъ настоящій лошадинъ хвостъ.

И все войско также на коняхъ и также основательно вооружено, какъ и командиръ; у каждаго казака, кромѣ того, торчало вверхъ ратище изъ длинной камышины, прикрѣпленной къ поясу и къ лѣвой рукѣ. Только у меня офицера, да у трубача Панасенка нѣтъ ратища; намъ, по нашимъ военнымъ правиламъ, не полагалось этого оружія. За то у меня и трубача красовались на плечахъ бумажные эполеты и мнѣ казалось, что они настоящіе серебрянные, а у знаменосца Савки Віхря къ пикѣ была привязана красная тряпка. Это — знамя. «Отрядъ стой!» — командую я, въ совершенствѣ подражая маленькому ростомъ, но шустрому уряднику нашей станицы, обучавшему «малодітків», очередныхъ молодыхъ казаковъ, пѣшему и конному строю на церковной площади.

И у казаковъ сразу остановились лошади, какъ вкопанныя въ землю.

Я внимательно смотрю вдоль по улицѣ и на церковную площадь. Кажется кто-то скрывается въ проулкѣ. Это навѣрное черкесы. Надо принять мѣры, послать лазутчиковъ. Но тутъ, какъ на грѣхъ, мой конь избѣлѣнился. Изъ всей мочи дергаю я за нитяную уздечку и стегая его плетью, но конь не унимается. Онъ вертится взадъ и впередъ возлѣ отряда, брыкается, приподнимая нѣсколько разъ вверхъ заднюю часть камышины, топчетъ ногами и храпитъ. Я въ совершенствѣ продѣлываю эти «выкрутасы» и буквально задыхался; лотъ пробралъ меня всего, съ головы до пятокъ и крупными каплями катился по лицу, а лошадь все сильнѣе и сильнѣе бѣсилась...

Отрядъ, покорный командѣ, стоялъ безъ движенія. По всему было замѣтно, какъ казаки живо интересовались, какъ командиръ раздѣлывалъ своего скакуна. На лицахъ суровыхъ воиновъ такъ и свѣтилось одобрительное выраженіе «от так! так! Гарненько дучційте чортяку! Нехай слушається лага командира!» И многимъ хотѣлось проучить

и своихъ коней, но дисциплина не позволяла этого. Вдругъ во всеуслышаніе раздался чей то голосокъ: «смогли, смотли, як у пана командила лозмуддовалася плоклята коняка! Иш, иш, як бликаться!»

Мой конь мгновенно присмирѣлъ.

«Что сміє у фронті балакать?» — грозно кричу я обратившись къ отряду и самъ чувствую, какъ у меня закинѣлъ начальнической гнѣвъ.

Въ отрядѣ мертвое молчаніе, а я дико, какъ разсмирѣвшій полковникъ на генеральномъ смотру, вращаю глазами.

«Під арешт!» — раздается мое грозное приказаніе.

И самый крѣпчайшій въ моемъ отрядѣ казакъ Ивась Омельченко, возсѣдающій верхомъ на самой тоненькой камышинкѣ, безъ шапки, съ бѣлосоватой всклокоченною головенкою, плохо вбодурженный и еще игоше одѣтый, босой, безъ штановъ, въ одной полуизодранной рубашенкѣ, медленно выѣзжаетъ изъ строя, насупившись и исхлывшая...

Вдругъ вдаль показались черкесы.

«Икась Омельченко во фронтъ марш!» — командую я.

Обрадованный Ивась живо преобразился, сдѣлалъ поворотъ назадъ, топоча во всю мочь отъ удовольствія маленькими ножками, и даже его голая лошадь при этомъ случаѣ зафыркала и лягнула. Что подѣлаешь? Ни одной смирной лошади во всемъ отрядѣ не было.

«Отр-ряд стрр-ройся! Жив-во!» — снова раздается моя команда.

Всѣ лошади затопали ногами и стали ржать, точно имъ удержку не было.

«Мар-риш!» кричу я, что называется не своимъ голосомъ, стегая своего присмирѣвшаго коня нагайкою и — сломя голову, скачу впередъ.

За мной зыдремъ несется весь отрядъ. Пылъ столбомъ взвился подъ топотомъ босыхъ ногъ скачущихъ казаковъ и ерзающихъ камышинокъ. Слышно было, какъ сопѣли и задыхались всадники. У кого то треснула отъ неосторжной ѣзды камышинка, у трубача Панасенка оборвалась одна эполета и болталась по воздуху, у малорослаго Ивася Омельченка показался подъ носомъ длинный бѣлый червякъ, но бравому казаку некогда было съ нимъ справиться. Всѣ были воодушевлены и скакали съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить врага. Ой, плохо, очень плохо придется черкесамъ.

Вдали по улицѣ поднялся столбъ пыли и показались какія то фигуры. Это дѣйствительно были черкесы. Они галдѣли и выкрикивали что-то на непонятномъ языкѣ. Извѣстно нехристи и бусурманы! Такъ же какъ и мы, они были на коняхъ и въ вооруженіи изъ камышевыхъ матеріаловъ.

Оба войска — казачье и черкесское, мчались од-

но противъ другого. Разстояніе между ними съ каждой минутой уменьшалось. Со стороны любо было сморѣть на беззавѣтную удачу казаковъ и черкесовъ. По всему видно было, что быть ужасной битвѣ. Еще минута и непріатели будутъ лицомъ къ лицу.

Въ это время со стороны казаковъ послышались учащенные выстрѣлы: бухъ! бухъ! бубухъ! баць! баць! бабаць! Джи! джи! — каждый по своему стрѣлялъ изъ ружья, хотя самыя ружья и висѣли у казаковъ за плечами, но каждый непременно пустилъ изъ открытаго рта нѣсколько пуль въ непріателя.

Черкесы не стрѣляли, но одинъ изъ нихъ нестово вопилъ: «Алла! Алла!», а а другіе почему то по собачьи лаяли «гамъ! тамъ! гавъ! гавъ! гававъ!» и даже рычали. Трудно было предположить, чтобы это былъ черкесскій языкъ, но на иномъ языкѣ гъ черкесы, которые дѣтели на казаковъ, не умѣли изъясняться.

Въ то время, какъ дикій казакъ Цыбуля выводитъ сильнымъ, но громкимъ голосомъ: «гу, гу, гу!» изображалъ и голосомъ и своею особою съ толстыми губами нѣчто вродѣ пушки, а трубачъ Панасенко во все горло наигрывалъ наступательный маршь: «тру, тру, трутуту!» казаки и черкесы сблизилсь и сѣпились.

Пальба прекратилась, но за то шумъ, нестовые крики, точно бурный потокъ стремительной горной рѣчки, гудѣли, влохотали и стопами носились, оглашая воздухъ.

Я сразу почувствовалъ, какъ мой ретивый конь лишился превосходнаго мочальнаго хвоста и — увы! — виновникомъ этого несчастья былъ не озвѣрѣвшій черкесъ, а своей же неуклюжей пушкаръ Цыбуля, который, бывало, если ужъ наступить своими копытами на что нибудь, то не выпустить изъ-подъ нихъ ни мочальнаго хвоста, ни болтающейся геревочки. Лишившись лучшаго изъ всей амуниціи украшенія, я очутился сзади отряда. Лично мнѣ не съ кѣмъ было драться. По нашимъ вреннымъ правиламъ требовалось, чтобы начальникъ дрался непременно съ начальникомъ, а подначальные съ подначальными. Черкесскій же начальникъ, какъ въ воду канулъ. Тутъ можно было подозрѣвать военную хитрость.

Только занявши у своего отряда удобную позцію, я получилъ возможность взглянуть, какъ слѣдуетъ, на ряды непріателя и, взглянувши внимательно на черкесовъ, я пришелъ въ изумленіе. Всѣ черкесы оказались съ черными пречерными рожами, точь въ точь, какъ негры или эфіопы, нарисованные на картинкахъ, чего раньше въ горячахъ я не замѣтилъ. Черкесы, видимо, не пожалѣли сажи для раскрашиванія своихъ фizioномій. Но рассчитанная на устрашеніе противниковъ раскраска фizioномій ни мало не устарила казаковъ.

Начался бой. Казаки и черкесы вплотную приблизились другъ къ другу, гремѣли камышевымъ оружіемъ, усиленно топтали ногами на одномъ мѣстѣ и еще усиленнѣе старались перекричать одинъ другого. «Яманъ! Яманъ!» — горлали казаки. «Твоя чушка! Твоя собак!» — ревлѣли въ отвѣтъ имъ черкесы. Роли какъ бы перемѣнились и казаки ругались на черкесскомъ, а черкесы на русскомъ языкѣ. Одинъ лишь черкесъ Пимоненко старался изобразить своею особою настоящаго азіата и, наступая на урядника Сырыцку, настойчиво вопилъ: «якши з місця! якши з місця!» и хотя якши означало хорошо, а никакъ не прочь съ мѣста, но Сырыця по своему понять врага и заодно выкрикивалъ: «а дулі, яман, не хочешь?» и тыкалъ ему дулю. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто-бы казаки и черкесы исполняли на своихъ ретивыхъ коняхъ какой-то военный танецъ.

Но вотъ изъ заднихъ рядовъ черкесскаго отряда выскочилъ ихъ коноводъ Яцько Страженко. Онъ показалъ мнѣ свой языкъ и скорчилъ препротивную рожу. Я плюнулъ отъ негодованія въ его сторону, но ловко попалъ плевкомъ въ затылокъ своему же уряднику Васылю Сырыці. Яцько между тѣмъ началъ гарцевать на лошади сзади черкесскаго отряда. Я послѣдовалъ его примѣру. Кони наши храпѣли и ржали, мы подпрыгивали насколько было можно, и вверхъ, крутили головами, заставляли камышники брыкаться и продѣлывали всевозможные военные артикулы въ такомъ родѣ. Вдругъ Яцько стремительно бросился на нашего знаменосца Вихря и, съ ловкостью истаго черкеса, сломалъ у него пику и оборвалъ знамя.

Тутъ уже я не выдержалъ и прямо ринулся на Яцька. Помилуйте! Онъ, нехристь этакій, коснулся нашего знамени! Въдь это оскорбленіе нашей военной чести. Я рѣшилъ жестоко наказать дерзкаго горца, но оরেць, ловкій и юркій наѣздникъ, пустился вокругъ обонхъ отрядовъ своего и казачьяго, дѣлая прекомичные прыжки и все время дразня меня высунутымъ языкомъ, а я, олицетворенное мщеніе за поруганную казачью честь, изъ силъ выбывался, чогбы догнать и проучить дерзкаго наѣздника: но, очевидно, наѣздникъ былъ на настоящемъ «кабардинцѣ», за которымъ трудно было утнаться на простой казачьей лошади.

Наша скачка въ перегонки послужила общимъ сигналомъ для болѣе энергичныхъ дѣйствій и казаки сѣпились съ черкесами въ рукопашную. За-трещали подъ всадниками кони, начали ломаться лики, сабли и ружья и на первыхъ порахъ круто пришлось одному камышу: пострадали кони и поломалось оружіе. Но чѣмъ больше слышалось камышеваго треска, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти. Шустрый черкесъ Максимъ Пьявка ухитрился схватить сзади за туловище длинноногаго знаменос-

ца казака Савку Вихря да такъ и повисъ на немъ. Напрасно Вихоръ пытался сбросить противника, таская его за собою. Послѣдній виѣнился, какъ клещъ въ своего соперника, и не выпускалъ его изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Урядникъ Сырця повергъ на землю черкеса Пимоненка и усердно отсчитывать ладонью шлепки по тому мѣсту неприятельской фигуры, которое предназначалось у храбрыхъ воиновъ для прикрѣпленія лошадиного хвоста, приговаривая при каждомъ шлепкѣ: «ось тобі якши з місця, ось тобі якши з місця!» чѣмъ, конечно придавъ совершенно иное значеніе слову «якши». Пункарь Цыбуля возился разомъ съ двумя черкесами, при чемъ одинъ черкесь кричалъ уже на чистомъ украинскомъ языкѣ: «пусты, Цыбуля! пусты, чертяка!», а другой плакалъ и въ этомъ случаѣ, кажется, по настоящему, какъ плачуть и черкеси.

Наконецъ, и мнѣ удалось настичь своего противника. Моя лошадь хотя и не могла соперничать въ быстротѣ бѣга съ черкесскимъ скакуномъ, но казалась выносливѣе и, что называется, загоняла черкесскаго скакуна. Нагнавши черкесскаго вожака, я, въ горячахъ, пихнулъ его камышевой шашкой прямо въ щеку. Ударъ вышелъ удачный — отъ праваго глаза до подбородка во всю щеку образовался порѣзъ и показалась кровь. Но разгоряченный Яцько ничего не замѣчалъ и, виѣнившись въ меня, какъ козликъ, шинялъ, царапалъ и толкалъ меня, куда попадетъ. Тогда и я пустилъ въ ходъ излюбленный въ нашей фехтовальной практикѣ приѣмъ: напнулъ Яцька зубами за носъ и въ азартѣ укусылъ его такъ больно, что свирѣпый черкесь заоралъ благимъ матомъ. Я невольно выпустилъ изъ рукъ своего болѣе слабого противника, прогнанный, замѣтивши, что у него сочится со щеки кровь, скончательно растерялся и пошатываясь направился въ сторону отъ побойща, громко выкрикивая: «ой! ой-ой, кров течетъ!». Выходило нѣ сколько не по черкесски и я это чувствовалъ, ибо и самъ началъ всхлипывать, до того мнѣ было жаль несчастнаго Яцька.

Сраженіе между тѣмъ пришло къ концу. Кто кого побилъ, трудно было сказать — но съ обѣихъ сторонъ были «убитые и раненые» какъ полагалось въ военныхъ дѣлахъ. «Убитые» лежали въ пыли по улицѣ въ разтяжку съ раскинутыми руками посмѣивались себѣ подъ носъ, избравши съ начала боя благою часть — лежать, не принимая участія въ бою, а «раненые» и даже вышедшіе изъ борьбы безъ ранъ въ гнѣвъ грозили своимъ противникамъ кулаками и ругались да перекорялись.

Подъ заборомъ сидѣлъ нашъ храбрый Ивас Омельченко и заливался горячими слезами. «Ой мамочка буде бить! Ой, мамочка буде бить!» — повторялъ онъ безперестанно, держа въ рукахъ

единственный свой костюмъ — разорванную въ боѣ рубаху.

Три черкеса и три казака, отбѣжавши на приличное разстояніе въ разныя стороны, пускали другъ въ друга комки земли, при чемъ и черкесы и казаки не успѣли еще хорошенько стереть съ лица — одни сажи а другіе слезы.

— «А у вас с голоду свині цілий день кувіають і кури пізно несуться, бо ви їх не годуєте» — укорялъ черкесь казака.

— «А ваша синія погосяйко свез зіла» — отвѣчала казакъ.

— «А у гвозі-мамки приічок покупунався и долівка не мазана!» — продолжалъ черкесь посылать казаку укору, слышанные имъ во время ссоры взрослыхъ женщинъ и грозить издала кулаками.

— «А наш рябоко покусав вашу кудлату собаку!» — парировалъ въ отвѣтъ противникъ и, по видимому, твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что чувствительно дязвить черкесское самолюбіе.

Знаменосецъ Савка Вихоръ, стоявшій рядомъ со мною и безсознательно толкавшій меня спиною, забывши правила военной дисциплины, ругалъ черкеса Пьявку довольно неприличными словами и грозилъ побить его.

Въ отвѣтъ на это Пьявка, благоразумно удравши отъ протавника на приличное разстояніе, кривляясь и прыгая на одной ногѣ, на-распѣвъ тянулъ: «Савка булавак на собакъ гавка! Савка булавак на собакъ гавка!»

Самъ я печально провожалъ глазами медленно удалявагося по улицѣ Яцька и не чаялъ, что и надо мною собиралась гроза. На мою бѣду битва казаковъ съ черкесами происходила вблизи нашего двора. Моя мать только что заснула въ кладовой, закрывши ставни и выпивши поедварительно мухъ изъ этого прокладнаго помѣщенія; но наши неостовые крики разбудили ее. Она вышла изъ кладовой во дворъ, что бы узнать, что означаютъ эти крики. Какъ разъ въ тотъ моментъ мимо нашего двора плелся голосившій коноводъ черкесовъ. Мать, увидѣвши окровавленнаго Яцька, немедленно потащила его во дворъ къ колодезю, обмыла кровь холодною водою изъ ведра, смыла съ лица сажу, достала кусокъ полотна и перевязала имъ поцарапанную щеку переставшаго плакать Яцька.

— Кто це тебс так шморгонув? — спрашивала моя мать Яцька.

Яцько молчалъ. Увидѣвши, что моя мать возится съ Яцькомъ и онъ пересталъ уже плакать, я подошелъ ближе къ нашему двору.

— Кажи ж, хто тобі щоку порізав, мабуть комишиною? — наставляла моя мать.

Яцько буркнулъ:

— Еге-ж комишиною.

— Та ти не егекай, а скажи, хто тебе покровянив? — продолжала допытываться мать.

— Та то я сам себе... — врзль Яцько.

Моя матъ съ изумленіемъ глядѣла то на Яцька, то на улицу, гдѣ продолжались еще перекоры между казаками и черкесами. Я чуть не размѣялся, услышавши отвѣтъ Яцька и зная его плутовскія замашки. Но матъ, повидимому, скоро сообразила, какъ произошло пораненіе камышиною и гдѣ слѣдовало искать виновника порѣзанной щеки.

— Брежеш! — сердито оборвала она Яцька. — Признавайся, з ким ти бився й хто тобѣ пустив кров? А як не скажеш, то я зараз призову суди твого батю.

При именіи бати, прижатый къ стѣнкѣ черкесь выпалилъ: — Та воно не болить.

— Ну, — настаивала матъ, — кажи хто?

Убы! Годоворѣзь черкесь не выдержалъ дальнѣйшаго напора, чувствуя, что моею матери нельзя «заговорить зубовъ», на что онъ былъ большой мастеръ. Кинувши взглядомъ въ мою сторону, онъ уклончиво прошепталъ, потупя глаза въ землю:

— Та то... то, Федька ненарошне.

— Який Федька? — съ недоумѣніемъ спрашивала матъ, хорошо зная, что я и Яцько были закадычными друзьями и никогда не дрались другъ съ другомъ. Я не зналъ, что дѣлать и не безъ волненія замѣтилъ, что черкесы и казаки, увидѣвши, что на нашемъ дворѣ Яцько попалъ въ руки моею матери, стали кучками подходить къ нашему двору, любопытствуя узнать, что тамъ происходитъ.

Яцько не выдержалъ и прошепталъ: «Федька... Федька в...ваш!».

И вотъ тутъ на глазахъ чуть ли не всѣхъ воиновъ изъ обоихъ отрядовъ, произошелъ неожиданный для меня скандалъ. Моя матъ быстро подбѣжала къ мнѣ и, схвативши командира казаковъ за руку, потащила меня во дворъ, награждая за мои военныя доблести шлепками и приговаривая во всеуслышаніе казаковъ и черкесовъ: «ах ти розбойник! ах ти розбойник!».

Профессоръ Ѳ. А. Щербина.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА

(посвящается казачатамъ)

Подожди, не спи, мой милый,
Еще рано спать,
Я хочу тебѣ, мой милый,
Кой что разсказать.
Ты не знаешь, свѣтикъ ясный,
Нашу старину...
Ну, такъ слушай, ненаглядный —
Я сейчасъ начну:
Миръ когда-то содрогнулся,
Началась война
И въ войнѣ, не съ фронта — съ тыла —
Русь побѣждена...
Озвѣрѣвшіе солдаты,
Бросивъ фронтъ, ушли...
Все, чѣмъ Русь была богата —
Грабили и жгли...
А людей... людей-то, Боже,
Гибло на Руси,
Не имѣлъ кто «красной» рожки,
Всѣхъ руби, коси...

Уцѣлѣли въ грязной тинѣ
Честные полки,
Какъ оазисы въ пустынѣ —
Были казаки.
Шли на родину походомъ,
На своихъ коняхъ,
Межъ взбѣсившимся «народомъ» —
Въ селахъ, городахъ.
Не пришлось имъ, по станицамъ...
Долго отдыхать.
Подходила ужъ къ границамъ
«Сѣверная рать».
Храбро, стойко, на границахъ
Бились казаки...
Шли за Край-Родной рубиться
Дѣти, старики...
Врагъ несчетный шелъ толпою,
Сто на казака,
И не вѣдала покою
Сильная рука
Какъ ни сильны были руки,
Но, онѣ, однѣ
Утомилась въ тяжелой мукѣ
День за днемъ въ огнѣ.
Что творилось въ это время...
Ой! — кошмарный сонъ...
Не подъ силу было время —

Слезы, кровь и стонъ...
 Ужь не сполохъ по станицамъ, —
 Пожары горять,
 Все въ смятеньи, даже птицы
 Къ небесамъ летять.
 Заклубилась по дорогѣ
 Облаками пыль,
 Зашатался весь въ тревогѣ
 Степовой ковыль.
 Бросивъ гнѣзда вѣковья,
 Казаки пошли,
 И знамена Войсковья
 Надъ собой несли.
 Огъ Родныхъ Сѣлыхъ Кургановъ,
 Дѣдовскихъ могилъ,
 Съ помутнѣвшимъ взоръ туманомъ
 Правнукъ уходилъ.
 Поклоняся всемъ станицамъ,

Атаманы шли,
 И дружины за границу,
 За собой вели...
 Сколько горькой тяжкой доли
 Пережили мы,
 Дай-то, Богъ, такой юдоли
 Не видали-бъ вы...
 Разсказать бы можно много...
 Все ли ты слыхаль?
 За тяжелую дорогъ,
 Что казакъ видаль?
 Спи, соколикъ, только «сказки»
 Свято береги...
 Знай во снѣ, закрывши глазки,
 Гдѣ твои враги...

Есауль Е. Булавинъ.

С. Америка.

А. С. ФЕДОРОВЪ / Лантухъ /

(ПОЛКОВНИКЪ, ДОКТОРЪ ПРАВЪ, ИНЖЕНЕРЪ-ЭКОНОМИСТЪ)

(Къ двадцатилѣтнюю журналистическую дѣятельности)

Сергѣй Алексѣевичъ Федоровъ (Лантухъ) родился 13-го января 1891 года въ станицѣ Лабинской, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ мѣстной команды. Родъ его числится по станицѣ Расшеватской, въ которой, по преданіямъ, прадѣдъ былъ первымъ атаманомъ, единственно грамотнымъ человѣкомъ въ станицѣ.

Все свое дѣтство С. А. проводилъ между казаками, которые были друзьями и «воспитателями» его.

Въ станицѣ онъ началъ посѣщать начальное училище, но на слѣдующій годъ перешелъ въ 4-е Екатеринодарское городское училище.

Въ 1899 году С. А. поступилъ въ Кубанское Александровское реальное училище, которое окончилъ въ 1908 году. Какъ въ начальныхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ, С. А. учился очень хорошо и изъ года въ годъ переходилъ съ наградами. Уже въ младшихъ классахъ онъ проявилъ склонность къ литературѣ и писалъ дѣтскіе, пезатѣйливые стихи.

Другимъ увлеченіемъ его были военныя игры.

Въ 1908 году, по окончаніи реального училища, С. А. поступилъ въ Казанское военное училище.

Здѣсь, въ младшемъ классѣ, юнкера издавали нелегальный рукописный журналъ, въ которомъ С. А.

завѣдывалъ отдѣломъ сатиры и юмора, за что, однажды, понесъ наказаніе.

Въ 1910 году С. А. былъ произведенъ въ хорунжіе и вышелъ во 2-й Кубанскій пластунскій батальонъ, на сослуженіе съ отцомъ.

Черезъ два мѣсяца, онъ былъ командированъ съ сотней въ Военный отдѣлъ Терской области, для борьбы съ абречествомъ и Зелымханомъ, гдѣ на него было возложено веденіе дневника военныхъ дѣйствій. Здѣсь С. А. сблизился съ горцами, завелъ кунаковъ даже среди абрековъ, исходилъ вдоль и поперекъ дебри Кавказа и основательно познакомился съ бытомъ и правомъ горцевъ; результатомъ этого впоследствии появились его воспоминанія: «По стопамъ Зелымхана».

Черезъ годъ сотня возвратилась въ гор. Душетъ и здѣсь, наблюдая монотонную и неприглядную жизнь пластуновъ, слыша жалобы старыхъ офицеровъ, онъ рискнулъ взять перо въ руки и вылить казачьи горести на страницахъ печати.

Въ 1911 году появился рядъ статей С. А. Федорова въ газетѣ «Инвалидъ» и журналѣ «Развѣдчикъ». Первая статья: «Горе забытыхъ», обратила вниманіе одного изъ немногихъ казачьихъ публицистовъ Подъесудла Калаушина, приславшаго теплое

письмо. Заниматься публицистикой в то время было не так просто: все статьи проходили строгую цензуру и только благожелательное отношение начальства спасало от преследований, когда острое перо «Линейца» больно кололо власть имущих и когда на писателя напали опытные, матерые штабные волки. В это время С. А. печатался уже в журнале «Офицерская Жизнь» и газетах: «Тифлисский Листок», «Кубанские Областные Ведомости» и «Кавказский Край», не раз и очень сильно будоража людей и добиваясь исправления несправедливостей над казаками, офицерами и их семьями. Пробовать он свое перо и в области сатиры и юмора и первое же его произведение «Саркись под надзоромъ» доставило новых врагов. Начальство его ценило за работоспособность и возлагало одновременно необыкновенное множество обязанностей и обязанностей, не смотря на то, что аттестовало как «безопасного и влияющего на умонастроение офицеров»:

Вспыхнула война и в первом же бою С. А. заработал орден св. Владимира, а вестель Анну «За храбрость». С пластунами С. А. продвигал всю славную боевую эпопею Сарыкамыш, Караургань и т. д.

В 1915 году, совершив с пластунской бригадой все легендарные операции пластунов в Галиции, за что получить помимо всех боевых наград, чин Подесаула, он был вызван в Офицерскую Воздухоплавательную Школу, куда просился еще перед войною. Кончил он ее вторым и вышел в Морскую Воздухоплавательную роту, где сформировал 1-ю наблюдательную станцию, с которой провел на Рижском фронте все боевые дни. Окончил, а затем преподавал на Морских Воздухоплавательных курсах. За свою боевую деятельность произведен в чин Подполковника со старшинством с октября 1916 года.

Настала Корниловская революция и большевизм. С. А. был предан суду Революционного Трибунала за контр-революцию, но был оправдан, так как было доказано, что режим, установленный С. А. по казачьему укладу, очень нравился нижним чинам и что до революции они преподнесли ему кортик, а после нея — присудили Георгиевский крест с лаврами.

Видя разруху всего, С. А., по предложению украинцев — воздухоплателей, организовал особый Воздухотряд и после борьбы с большевиками вывел его в Киев.

В Киев принял живейшее участие в борьбе с большевиками, будучи Начальником Штаба Партизанского отряда. Работал, одновременно по организации Воздухчастей и состоял слушателем консульского отделения Ближневосточного Института.

Здесь он, совместно с послом Юго-Восточного Союза Ф. Ф. Шапкиным отправлял людей на Дон и Кубань для борьбы с большевиками и переправлял вооружение и припасы, выкраденные от немцев.

В январе 1919 г., возвращаясь в Войско, С. А. занялся формированием Воздухчастей в Войске и Доброармии, принимая участие в работах ко-

Первый Командир Кубанского воздухоплавательного дивизиона, Полковник С. А. Федоровъ (докторъ правъ, инженеръ-экономистъ).

мисии Рады и военного Министерства. Летом того же года, несмотря на противодействие Н—ка штаба Доброармии Ген. Романовского, был сформирован Кубанский казачий Воздухоплавательный Дивизион, первым командиром которого был назначен он — Полковник С. А. Федоров. С ним С. А. продвигал «Голодный поход», Крымскую эпопею, Лемнось. В последние дни Крыма он состоял в качестве штаб-офицера для по-

ручений при Предсѣдатель Временнаго Кубанскаго Правительства, Ген. Поповъ.

Лѣтомъ 1921 г. окончивъ службу по войску, С. А. въ Дубровницѣ занялся физической работой, временно пописывая въ эмигрантской прессѣ, защищая казачьи интересы.

Въ 1922 г. переѣхалъ въ Чехословакію, поступивъ въ Украинскую Господарскую Академію въ Подебрадахъ. Тамъ было уже нѣсколько кубанцевъ, которые организовали свое землячество, избравъ первымъ старостой С. А. Землячеству пришлось выдерживать жестокую борьбу за право своего существования.

Одной изъ первыхъ научныхъ работъ С. А. было составленіе «Очерка Экономической географіи Кубани», впоследствии напечатаннаго въ Академическомъ журналѣ и выставленнаго въ 1923 г. на Академической выставкѣ въ Подебрадахъ.

Занимаясь наукой, стоя во главѣ организованнаго имъ кооператива, С. А. не оставлялъ въ сторонѣ казачьей жизни и принималъ участіе въ различныхъ эмигрантскихъ журналахъ.

Въ результатъ длительной работы, имъ были написаны большой трудъ «Казачья Нація», въ теченіи двухъ семестровъ читавшійся на семинарѣ социологии въ Академіи.

Одновременно съ прохожденіемъ курса въ Академіи, С. А. вступаетъ на юридическій факультетъ Украинскаго Университета въ Прагѣ, который заканчиваетъ въ 1926 г. съ дипломомъ доктора правъ, а въ 1927 г. совѣтъ профессоровъ утверждаетъ его профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ исторіи права. Въ этомъ же году онъ оканчиваетъ Академію по отдѣлу мѣстнаго самоуправления съ дипломомъ инженера - экономиста и зачисляется на историческое отдѣленіе философскаго факультета въ Прагѣ и на отдѣлъ промышленности въ Академіи, который оканчиваетъ въ слѣдующемъ году, а философскій факультетъ — въ 1931 году.

Всѣ эти годы С. А. ведетъ самую напряженную работу, результаты публикуетъ въ журналахъ: «Казачій Путь», «Путь Казачества», «Казачій Сполухъ», «Кубанскія Думки», «Кубань», «Вольное Казачество», «Казачье Дѣло», «Родимый Край», «Кубанское Казачество», «Кавказскій Казакъ», «Кубанская Старина и Современность», «Россія», «Записки Украин. Господ. Акад.» и др. русскихъ, украинскихъ, чешскихъ и иныхъ журналахъ и газетахъ въ Чехословакіи и за-границей. Статьями его интересуются, въ Америкѣ переводятъ на иностранные языки; на Чешскомъ Карловомъ Университетѣ онъ читаетъ доклады о Казачествѣ.

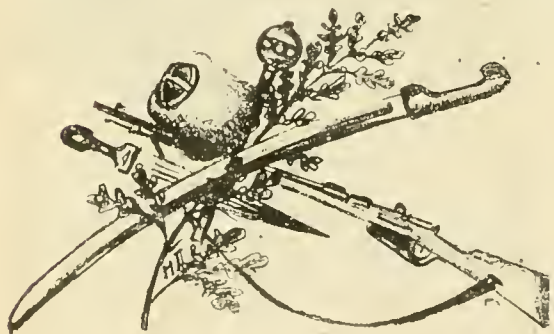
Находя единомышленниковъ, побуждая ихъ къ работѣ, самъ специализируясь по казачьимъ вопросамъ, С. А. организываетъ «Общество Изученія Казачества», во главѣ котораго становится профессоръ Ф. А. Щербина.

Въ области литературной его работа проявляется въ принятіи дѣятельнаго участія въ организаціи «Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ», гдѣ имъ проводится мысль: «мы лишь грибочки казачья; наша задача подготовить плодотворную почву, которая дастъ болѣе молодые всходы талантливыхъ казаковъ писателей и ученыхъ, для которыхъ будетъ Казачество — превыше всего. Для себя намъ ничего не нужно. Все для Казачества и Кубани».

Такимъ застаётъ его 1931 годъ — двадцатый годъ его журналистической дѣятельности. Образованный офицеръ, военный душой и тѣломъ до сего дня, воспитатель казачьей массы на военной службѣ, онъ при измѣнившейся обстановкѣ, въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, находитъ въ себѣ силы и энергію окончить нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній и неутомимо работать въ области научной и журналистической, причѣмъ вся его дѣятельность пропитана искренней и беззаветной любовью къ Казачеству и желаніемъ величія Его.

Правленіе.

ЗА ЧЕСТЬ КУБАНИ...

Вотъ и Новороссійскъ. На рейдѣ, копя огромной черной трубой, покачивается «Керчь» — эскадренный миноносецъ краснаго флота. Въ городѣ, увѣшанные красными лентами, конные матросы, съ общенствомъ въ глазахъ, сгоняютъ народъ на вокзалъ — въ походъ на непокорную казачью столицу — Екатеринодаръ.

Петя сбросилъ сърую фронттовую шинель, скинулъ папѣху, и купивъ на толчокъ рваную штатскую гужурку, обтрепанный картузь, — темной ночью подался въ Ашапу.

Въ Анапѣ было не лучше. Петя пошелъ въ Темрюкъ: пріятель — одноклассникъ по школѣ, Герасименко, — наирно пріютитъ его. Пріятеля не

было. У Герасименко легкія не въ порядкѣ и врачи направили его въ Нальчикъ. Родня его, приняла Петю радушно, предложила помогать въ хозяйствѣ, слѣдить за виноградомъ. Петя былъ радъ и благодаренъ.

Прошелъ май. Въ Екатеринодарѣ безчинствовало Сорокитъ; въ Темрюкѣ — Бѣликовъ; Таманскій Край всколыхнулся.

Своей грубой, красной, жестокой фельдфебельской рукой — Бѣликовъ сильно сдавилъ горло таманскихъ казаковъ и давилъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не проявилось желаніе освободиться отъ этихъ цѣпкихъ красныхъ рукъ.

Есаулъ Гулый, низкій, сухощавый, живой и порывистый, энергичный казакъ, ахтанизовецъ, въ концѣ мая, на каменномъ мосту, верстахъ въ десяти отъ Тамани, остановилъ автомобиль комиссара Бѣликова и убилъ красного вампира. Казаки — Таманцы, Ахтанизовцы, Вышестеблевцы и Голубинцы поднялись, захватили четыре красныхъ орудія на берегу Керченскаго пролива, смотрѣвшихъ жерлами смертоносными на Керчь и обезоружили красноармейскіе отряды, охранявшіе Тамань. Началось таманское возстаніе. Гулый повелъ казаковъ на Темрюкъ, кишѣвшій разнымъ разнужданнымъ сбродомъ.

Послѣ вступленія украинскихъ гайдамаковъ и германскихъ войскъ въ Крымъ — Темрюкъ наводнили красные отряды. Банды матроса Непомнящаго, удравшіе изъ Керчи, толпы сброда комиссара Луриха — избѣстнаго борца «чемпіона міра» красныя роты темрючанъ, дравшіеся подъ Екатеринодаромъ съ Кубанской Арміей... зачѣмъ воевать въ какихъ то донскихъ степяхъ и калмыцкихъ, песчаныхъ, пустыняхъ, когда «Родная Кубань» избавлена отъ «бѣлогвардейцевъ». Къ моменту возстанія, въ городѣ было всякаго изувѣрствованнаго сброда, много больше чѣмъ коренныхъ жителей.

Начальствованіе надъ гарнизономъ прииалъ Романенко, маленькой, упругій, подвижной, полковой писарь. Онъ мобилизовалъ всѣхъ, кто только могъ носить оружіе; составилось два внушительныхъ отряда — Крымскій и Таманскій.

Въ городѣ имѣлось семь орудій и Крымскій конный полкъ, сформированный вахмистромъ Кобызевымъ, преимущественно изъ Крымскихъ татаръ. Петя попалъ солдатомъ въ 8-ю роту Крымскаго отряда. Его роту бросили на Старотиторовскую «переправу». — узкую проселочную дорогу между плавень, болотъ и лимановъ. Половина роты была изъ китаицевъ, набранныхъ Непомнящимъ въ Крыму. Оскаливъ зубы, тараща глазами, они шли выручать «родную Кубань», волоча винтовки прикладами по землѣ.

Отрядъ медленно подвигался къ станицѣ на борьбу съ казаками. Петѣ казалось, что онъ плетется въ хвостъ хунхузекаго отряда, съ китайской грани-

цы идущаго на Русь; камышеватая плавня обращалась у него въ рисовыя плантаціи; а трехлинейная винтовка, казалась, допотопнымъ боксерскимъ оружіемъ.

Его мозгъ свѣдила безпокойная мысль: кого и за что идемъ убивать? Тянуло спросить и получить отвѣтъ, — но у кого? У китаица?

При этихъ мысляхъ рука судорожно сжимала винтовку, а жадо штыка направлялось въ сторону желтокожихъ спина.

— Развѣ спросить у того, кто ведетъ? У комиссара — матроса, съ наглымъ лицомъ и жирнымъ затылкомъ, матеряющаго «куркулей» и ругающаго въ «Бога», и «мать», и «небо» и, даже, на восемьдесятъ верстъ выше неба?

Петю охватило какое-то предчувствіе неотвратимой бѣды. Жуть и холодъ воцарились въ его душѣ. Хотѣлось лечь, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать безумныхъ воплей — ругани безумныхъ людей.

Когда показались станица — затарахтели пулеметы, затрещали винтовки, бухнуло орудіе, рой пѣвучихъ шмелей понеслись надъ ихъ головами, — цѣпи залегли.

Петя почувствовалъ какъ въ груди началъ нарастать какой-то клубокъ. И желая освободиться отъ этого клубка, ничего не сознавая, ни о чемъ не думая, съ глазами дико устремленными въ широкую, лоснящуюся черную кожу, комиссарскую спину...

Петя неожиданно вскопчилъ, побѣжалъ и, со стономъ дикаго наслажденія — всадилъ длинный трехгранный штыкъ по самую шейку. Комиссаръ дикодико завылъ, задрыгалъ несуразными ногами и вытянулся. Лежавшій рядомъ китаецъ что-то залопоталъ по-своему, вскинулъ винтовку дуломъ въ упоръ Петинаго виска и хладнокровно выстрѣлилъ.

Петя, судорожно давившій штыкомъ комиссара, — безъ звука опустился на орошенную кровью родную Кубанскую землю...

Когда казаки энергично продвинулись впередъ — они увидѣли необычную группу: надъ пригвожденнымъ штыкомъ къ землѣ комиссаромъ — сидѣлъ молодой, краснвый юноша, съ типичнымъ казачьимъ лицомъ. У него зіяла черная рана въ разможенной головѣ, а сильныя крѣпкія руки — судорожно сжимали прикладъ винтовки; большого труда стоило отнять ее у этого казачьяго юноши...

Тѣло Пети перевезли въ станицу.

Похоронили его на курганѣ, надъ кровавымъ яромъ, тамъ, гдѣ Бѣликовъ разстрѣлялъ 36 казаковъ. Поль станицы пришло отдать послѣдній долгъ неизвѣстному герою и когда рыдающіе звуки послѣдней надгробной пѣсни звали людей къ послѣднему цѣлованію — кто-то неизвѣстный увнчалъ Петину грудь, малымъ скромнымъ бѣленькимъ крестикомъ на Георгіевской лентѣ — Казачій даръ Казачьему герою...

Хорунжіи Н. Гулый.

Инженеръ В. С. Мащенко

(Снять 2-го сентября 1931 г., въ Парижѣ, на церемоніи вожденія лампы Неизвѣстному Солдату)

Только всеобъемлющая Казачья натура можетъ вмѣстить въ себѣ столько похвальныхъ чертъ характера и спос. бв. стей, какое обнаружено въ душѣ этого молодого и пылкаго казачьяго патріота, какимъ

проявилъ себя нашъ общій другъ, и цѣнный членъ-ревнитель, Владиміръ Степановичъ Мащенко.

Попавъ въ 1920 году, какъ и всѣ, за границу и пройдя положенный стажъ бѣженскихъ мытарствъ — онъ прибываетъ въ Парижъ, заканчиваетъ свое среднее образованіе въ русской гимназіи и въ 1926 году поступаетъ студентомъ въ Высшую Индустриальную Школу Католическаго Университета въ Лилль (сѣверъ Франціи), заканчиваетъ ее въ 1931 году и 29-го декабря того же года — молодой, полный силъ и желаній, инженеръ-кубанецъ, выѣзжаетъ въ экваторіальную Африку, во Французское «Конго».

Карьера обезпечена. Но что испытано до этого?! Рабочій на заводѣ, матросъ паруснаго судна, чертежникъ, слесарь и, наконецъ, — джигитъ.

Члѣясь по гробу на все 100 процентовъ Кубанскимъ кореннымъ казакомъ (сынъ извѣстнаго Кубанскаго вождя Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника С. М. Мащенко, казака станицы Динской и по матери — казачки станицы Кисляковской, урожденной Зубовой) — онъ, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ захватившей всѣхъ «джигитовкѣ» и отдался ей со всѣмъ присущимъ ему пыломъ. Уже инженеромъ, мужчиною въ 30 лѣтъ — но какъ геновъ снѣ былъ въ дезгиткѣ, на кинжалахъ, «на пальцахъ» даже по асфальту... Тонкій, гибкій, увертливый, съ хорошими манерами, образованный, веселый и общительный — онъ былъ украшеніемъ и вѣнцомъ общества. Черкеска и «чинъ» старшаго урядника, заслуженный имъ еще юношею на берегахъ Кубани, казался, радовали его болѣе, чѣмъ положеніе инженера. Казачество затемняло у него все и стояло на первомъ мѣстѣ. И отъѣзжаячи съ одного изъ Парижскихъ подземныхъ вокзаловъ въ далекое Конго на два контрактныхъ года — весело и беззаботно махавъ онъ на-прощанье намъ въ воздухѣ своею бѣлою косматою папахою, пока поѣздъ не скрылся въ изгибѣ темноты. Отъѣзжалъ весело, словно на курортъ. Горе родитъ намъ достойныхъ казаковъ-гражданъ, умѣющихъ раздѣлять — гдѣ кончается французскій инженеръ и начинается Кубанскій казакъ.

Добрый свѣтлый путь мы ему шлемъ средь чернокожихъ въ дѣбряхъ экваторіальныхъ лѣсныхъ зарослей и, знаемъ, что и тамъ — Кубанское Казачество для него — всего выше.

Полковникъ Елисеѣвъ.

Его адресъ: **W. Mastchenko. Société «Alfa». Libreville — Gabon. Afrique. Via Bordeaux.**

Первые Казаки Воздухоплаватели

(Кубанский Казачий Воздухоплавательный Дивизион)

Старые кадровые казаки — офицеры, очень чувствовали недостаток в Войскѣ своихъ инженерныхъ, техническихъ и вспомогательныхъ войскъ, а также пѣшей артиллеріи въ пластуноско-й бригадѣ. Роль казачества — быть только живою силою на случай войны — глубоко ихъ беспокоила и поэтому они совѣтовали молодежи добывать специальныя военныя знанія для того, чтобы впоследствии примѣнить ихъ на пользу Родного Войска. Подъ влияніемъ старшихъ офицеровъ, еще передъ войной, Сотникъ 2-го Кубанскаго пластуноскаго баталіона С. Федоровъ, при объявленіи пріема въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, подалъ рапортъ о командировкѣ въ нее. Война помѣшала этой командировкѣ, но въ 1915 году, на австрийскомъ фронтѣ, изъ Баталіона Его Величества 6-го, были вызваны желающіе офицеры именно въ эту школу. Сотникъ Федоровъ, въ это время бывший начальникомъ сводно-пулеметной команды этого баталіона, вмѣстѣ съ Хоружимъ М. Зайченко изъявили свое желаніе быть командированными въ школу и прибыли туда вмѣстѣ съ десниками — отборнѣйшими казаками, которые должны были контрабандой научиться воздухоплавательнымъ премудростямъ рядовыхъ вояновъ. Одинъ изъ нихъ каз. станицы Бѣслинѣвской Михайлъ Маркинъ окончилъ курсъ учебной команды мирнаго времени.

Казаки учились отлично и Сотникъ Федоровъ, шедшій во главѣ выпуска, взялъ вакансію въ Морскую воздухоплавательную роту, съ цѣлью изучить и морское воздушное искусство. Вначалѣ онъ былъ оставленъ въ команду строящагося дирижабля «Гигантъ», по размѣрамъ превышавшаго Цепелины, но потомъ постройка была прекращена и казаки уѣхали по частямъ.

Морская рота только формировалась и на казакѣ была возложена задача — сформировать первую наблюдательную станицу. Дѣло было новое вообще, казаки взялись за него попластуноски, завели казачьи порядки въ отрядѣ, были вызваны строевые казаки пластуны какъ инструктора пулеметнаго дѣла и пѣнаго строя. Отрядъ разбили не по ранжиру, а по областямъ и краямъ и вскорѣ морскіе воздухоплаватели оглашали казачьими пѣнями эстонское побережье и танцевали лезгинку... Казачій режимъ страшно нравился морякамъ, а еще больше, что казаки между собою и съ офицерами не только «говорили», но и «балакали», что сразу привлекло къ нимъ симпатіи взвода украинскаго и эстонско-латыскаго.

Здѣсь же подготавливался подъ шумокъ и казачій кадръ. Первые смотры прошли блестяще. Благодарственные приказы по Морской крепости въ Ревелѣ, трехдневный отпускъ и по рублю на брата — были наградою казачьему обученію. Весною же, начальникъ отряда, Подъесаулъ Федоровъ, былъ вызванъ Командующимъ эскадрой и получилъ приказаніе подготовить отрядъ къ плаванію для десанта на Рижскомъ побережьи: дѣло было совѣтъ новое; подобная проба была только во время русско-японской войны и кончилась неудачно — воздухоплавательный вспомогательный крейсеръ «Русь» попалъ въ плѣнъ подъ Цусимой къ японцамъ. Казаки и тутъ справились самостоятельно, по ихъ чертежамъ и проэтамъ были приспособлены суда и морской отрядъ вступилъ въ минную дивизию Адмирала Колчака.

Не оставляли первые воздухоплаватели Кубанцы и мысли о пополненіи офицерскаго кадра: въ школѣ и на службѣ они зарекомендовали себя хорошо. Вскорѣ, изъ Дѣйствующей Арміи, прибылъ Подъесаулъ 1-го Лабинскаго полка В.

В. А. Федоровъ, на морскіе воздухоп. у. а Хоружаго 2-го Кубанскаго пластунаго баталіона Б. П. Еглевскаго въ Офицерскую Воздухшк. у. въ Петроградъ. Повторилась предняя исторія съ денщиками, которые своими знаниями забивали морскихъ унтеръ - офицеровъ.

Старшій пулеметный инструкторъ, Подхоружій ст. Царской Василь Ивановичъ Остапенко, изъ пулеметныхъ наводчиковъ - приказныхъ, выбившійся на все кресты и медали, подавлялъ всехъ снайперствіемъ въ критическіе моменты и поражал меткостью огня. Отбоями нападавшие безперестанно аэро и гидропланы нѣмцевъ, саживая ихъ съ одной ленты.

По окончаніи навигаціи, морской отрядъ былъ посланъ на Рижскій фронтъ и оставался тамъ до оставленія Риги русскими войсками въ августѣ 1917 года. Натренировались офицеры, работая безъ отдыха, сами творили воздушную тактику боя и достигли такихъ успѣховъ, что отрядъ ставился въ примеръ остальнымъ частямъ казаковъ на 2-мъ Сибирскому корпусу и XII арміи, въ которыхъ работалъ. Работа на пластунаго системы работы была колоссальна. Нѣмцы стали пассивными: изъ-за желанія имѣть отрядъ у себя — соорились войсковые начальники. При отрядѣ проходили курсы практической стрѣльбы съ аэроплана офицеры - артиллеристы и отбывали воздушную практику слушатели воздухоп. курсовъ и все время, въ непрерывной боевой работѣ, отъ разсвѣта до сумерекъ, а часто и ночью, не зная отдыха и опасности, презирая артиллерійскій огонь и палеты истребителей воздушныхъ машинъ, действовавшихъ противъ морскихъ - казаковъ и химическими средствами.

На составъ отряда сданы кресты и медали: офицеры повышались въ чинахъ и лѣтомъ 1917 года Подполковникъ Федоровъ получилъ высшее назначеніе надъ всеми морскими отрядами въ XII арміи.

А казаки потихоньку, по одиночкѣ, прибывали и врывались въ отрядъ: кадръ былъ подготовленъ на славу. Перебило все планы Корниловское выступленіе и отходъ изъ-подъ Риги. Количество казаковъ испугалось, прослышали, что придутъ еще 70, былъ митингъ, почти бунтъ. Указывали на то, что въ 1-омъ отрядѣ нѣтъ досихъ норовъ краснаго знамени, что тамъ не несутъ красныхъ бантовъ, и избивали большевиковъ - агитаторовъ, членовъ Армейскаго комитета.

Моряки были вызваны въ Ревельскую крепость для обороны ея, а послѣ большевническаго переворота, старшіе офицеры, были отданы подъ слѣдствіе, а потомъ и судъ трибунала ревкомитета. Подп. Федорова обвиняли въ контр-революціи, въ разжиганіи національныхъ страстей тѣмъ, что у него «балакаки», нѣли казачьи пѣ-

ни и ввели казачьи порядки: что казаки не признавали своимъ начальствомъ комитеты, а только своихъ офицеровъ, все носили черески, а денщики оставались у офицеровъ.

Морской ревсудъ оправдалъ Подполковника Федорова и тогда имъ, по просьбѣ украинцевъ, былъ выдѣленъ цѣль состава морскихъ воздухоп. частей Особый морской воздухоп. отрядъ, въ который вошли все Кубаншій, жители Украины и многіе офицеры, механики и чиновники.

Въ декабрѣ 1917 года отрядъ этотъ ушелъ въ Кіевъ и расположился въ Кіевскомъ воздухоп. плавательномъ паркѣ, войдя въ подчиненіе Украинскому правительству. Здѣсь былъ оставленъ цѣль образованія особаго Кубанскаго отряда, на формированіе к которому цѣль области Кубанскій Войсковой штабъ, по докладу Подполковника Федорова, еще въ августѣ на Рижскомъ фронтѣ. Надо было усилить численность казачьяго кадра и избрать самую лучшую материальную часть отряда для вывоза на Кубань. Январскія события на Кубани отдалили на значительное время въ прѣдѣлѣ формирования. Большевики овладѣли железнодорожными узлами и отрѣзали Украину отъ казачьихъ областей.

Подполковникъ Федоровъ прибылъ въ Екатеринодаръ и получилъ аудіенцію отъ Кубанскаго Военнаго министра и его помощника ген. Успенскаго, перешелъ черезъ фронтъ и прибылъ въ Кіевъ съ инструкціями Кубанскаго правительства. Вечерѣ Кіевъ былъ блокированъ советскими войсками: Кубанцы приняли участіе въ его оборонѣ, потому были въ партизанскихъ отрядахъ, захватили въ свои руки управление воздухоп. курсомъ и вмѣстѣ съ б. Инспекторомъ воздухоп. Юго-Запад. фронта, подполковникомъ Н. М. Марковымъ, не допустили эвакуаціи изъ Кіева воздушнаго имущества.

По возвращеніи Украинскаго правительства въ Кіевъ, казаки принялись организовывать воздушныя части Украины: во главѣ сталъ Полк. Марковъ, какъ Инспекторъ воздухоп. Кіевскаго района, а потомъ и всей Украины: Подп. Федоровъ командовалъ Кіево-полтавскимъ учебно-кадровымъ воздухоп. дивизиономъ и работалъ въ украинскіхъ комиссіяхъ при Главномъ и Генеральномъ штабахъ. Казаки - воздухоп. авиаторы приняли участіе въ организационномъ бюро при Послѣ Юго-Восточнаго Союза на Украинѣ, переправляли въ свои Войска военный матеріаль, охотниковъ, машины, мастерскія, пока это бюро не было арестовано нѣмцами, а президіумъ его посаженъ въ тюрьму: выручилъ ихъ Донской полковникъ ген. Черячукинъ: тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано, лучший матеріаль былъ «перенанъ» отъ нѣмцевъ на Довж.

Загорѣвшаяся на Украинѣ гражданская война между Гетманомъ и Петлюрой, заставила совѣтъ прекратить работу: казаки съ миссией по снабженію Полк. летчика Ткачева ушли на Кубань; по дорогѣ, въ Одессѣ, Полковникъ Марковъ остался и сталъ во главѣ воздухоплаватель. присоединившихся къ Добрарміи, а Полк. Федоровъ отправился на Кубань, добиваться у Командованія Добрарміи формировація Воздухплаватель.

Генераль Врангель, нуждавшійся въ ихъ работѣ на Царицынскомъ фронтѣ, главное для постоянного наблюденія за Волгой и советской флотиліей, — рѣшительно поддержалъ казачьи желанія, но Начальникъ Штаба Добрарміи ген. Романовскій, еще болѣе рѣшительно возсталъ противъ казачьихъ воздухоплаватель и Врангеля, приказавъ всѣхъ казаковъ отправить въ пластуны. Иначе смотрѣло на дѣло Кубанское правитель-

ство и Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ. Началась работа по созданію Кубанской Арміи: полк. Федоровъ былъ былъ приглашенъ для работы въ Комисіи Радъ и военного министерства Кубаніи; Радъ утвердила его докладъ: правительство ассигновало суммы и провело штаты. Усиленно старался объ этомъ Начальникъ Кубанскихъ Инженеровъ, ген. С. В. Поповъ, при управленіи котораго была сформирована воздухоплавательная команда. Войсковой штабъ прислалъ штатное укомплектованіе: первый у Кубанцевъ, и единственный у казаковъ, вообще, воздухоплавательный дивизионъ, можно было развертывать, но не доставало имущества и аэростатовъ, которые находились въ паркахъ и складахъ отбывшихъ большевиками отъ украинцевъ.

Къ лѣту 1919 года въ Екатеринодаръ были стянуты всѣ офицеры и чиновники казаки воздухоплаватели и пополнены специалистами, служившими потѣ командой кубанцевъ въ морскихъ воздухоплавательныхъ и въ Кіевѣ.

Послѣ паденія Одесскаго фронта, полк. Мар-

ковъ сталъ во главѣ Воздухотѣла ВСЮР: по соглашенію съ нимъ, кубанцы воздухоплаватели отправляли свои команды вездѣ за продвигавшимися впередъ войсками въ тѣ мѣста, гдѣ находилось воздухоплавательство: казаки захватывали его, сейчасъ же грузили на поѣзда и везли якобы въ склады ВСЮР: въ Таганрогѣ накладныя переадресовывались на складъ въ Георгіевскъ, а фактически все сворачивалось въ Екатеринодаръ. Здѣсь уже былъ вполне укомплектованъ Кубанскій казачій воздухоплавательный дивизионъ, съ учебнымъ отрядомъ при немъ, и воздухоплавательнымъ паркомъ. Во главѣ былъ поставленъ Военный и Морской воздухоплаватель Полковникъ С. Федоровъ.

Технической частью заведывалъ опытный старшій специалистъ Капитанъ Накида, быв. инспекторъ воздухоплавания въ Кіевѣ, хозяйственной частью — морс. воздух. Подъесаулъ В. Федоровъ, учебнымъ отрядомъ — Есаулъ Еглевскій, а старшимъ офицеромъ въ немъ — Подъесаулъ А. М. Норманъ, съ цѣлымъ кадромъ опытныхъ

офицеровъ и механиковъ. Въ открытыхъ воздухоплавательномъ и моторномъ урядничьихъ классахъ обучали спеціалисты казаковъ, имѣвшихъ уже полную подготовку въ 2-хъ классовыхъ стан. училищахъ.

Казакъ проходили кромѣ спеціальной и инженерную подготовку. Воздухокладъ былъ наполненъ имуществомъ: изъ Севастополя привезли имущества Черноморской эскадры аэрижаблей, въ 1917 году принятого отъ англичанъ пор. Норманомъ въ Морской воздухоплав.: не хватало только аэростатовъ, которые были сложены въ Одессѣ подъ охраной Галицкой Арміи, присоединившейся къ Добарміи и переезжавшей все украинское имущество.

Туда былъ командированъ съ командой Хор. Коротенко. — вывезти аэростаты во что бы то ни стало: онъ выполнилъ заданіе блестяще.

Отрядъ былъ снабженъ и вооруженъ. Учебный отрядъ далъ выпускъ молодыхъ спеціалистовъ передъ комиссіей, составленной изъ представителей Войск. Штаба, Инжен. управления, Авіо и воздухоплавательнаго дивизиона, ВСЮР, показавшихъ блестящую подготовку. Инспекторскій смотръ, произведенный пом. нач. Кубанскихъ инженеровъ генераломъ Франкомъ, доказалъ и строевую ихъ подготовку — дивизионъ былъ поставленъ образцемъ инженернымъ частямъ Кубанскаго войска, и подготовился къ выступленію на фронтъ. Въ это время на Кубани произошли печальныя событія ноября 1919 года. Генералъ Романовскій по телеграфу потребовалъ отъ Войскового Атамана расформированія дивизиона и отправленія казаковъ въ пластуны, а офицеровъ въ распоряженіе дежурнаго генерала, однако Кубанскій военный министръ, ген. Звягинцевъ, начальникъ инженер. ген. Половъ были противъ этого, а Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ прямо отвѣтилъ: не для того Войско формировало дивизионъ, чтобы его расформировать по требованію Романовскаго.

Полк. Федоровъ былъ вызванъ въ Штабъ ВСЮР и получилъ разность отъ Романовскаго, полк. Марковъ былъ выпущенъ уйти съ поста начальника воздухоплавательнаго дивизиона, но дивизионъ остался. Вѣлая армія покатила отъ Орла: на дивизионъ были возложены инженерныя задачи, которыя онъ съ успѣхомъ выполнялъ до самаго оставленія Екатеринодара.

Съ оставленіемъ Екатеринодара, повинули его и воздухоплаватели: всё имущество съ паркомъ было эвакуировано въ Новороссійскъ, а строевая часть, составивши инженерную воздухоплавательную сотню, двинулась въ походъ во главѣ Кубанскаго отряда ген. Морозова.

На пути отряда, дивизионъ имѣлъ первое

столкновение съ зелеными подъ стан. Саратовской, гдѣ взялъ въ плѣнъ ихъ дозоръ, а на слѣдующій день выдержалъ упорный бой въ самой станицѣ съ красными войсками, пришедшими черезъ перевалъ изъ Черноморской губерніи. Своего Подхорунжаго и урядника, вмѣстѣ съ 28 убитыми изъ инженернаго отряда, предалъ онъ землѣ въ оградѣ Саратовской станичной церкви, отдавши имъ послѣдній салютъ боевыми патронами: раненыхъ увезли съ собою.

По дорогѣ на Апшеронскую, дивизионъ, слѣдуя въ аррьергардъ инженернаго отряда, отбивалъ зеленыхъ, подиравая дороги, прокладывая новыя для безконечныхъ обозовъ отхлотившихъ съ Кубани и докатился до Туансе, откуда двигался далѣе на Сочи, въ качествѣ головного инженернаго отряда, починяя мосты и дороги, а отъ Сочи до Адлера строя пристани въ мѣстахъ стоянокъ Кубанскаго Войска.

Въ Адлерѣ его захватила безславная сдача Кубанской Арміи. Командиръ дивизиона, разбудивъ ночью казаковъ, сообщилъ имъ о договорѣ сдачи, заявивъ, что офицеры рѣшили не ставаться и предложили желающимъ уйти съ ними къ грузинскимъ границамъ, попытаться пройти въ Грузію, или попасть на американскіе пароходы для перѣзда въ Крымъ, или уйти просто въ зеленые. Вѣзмъ уходящимъ съ красныхъ было приказано раздать одежду изъ обоза, припасы и по 10.000 рублей на человѣка.

Ночью казаки тронулись изъ Адлера за рѣку: часть ихъ пошла съ Командиромъ на хутора Веселые, большинство ушло въ горы въ зеленые, обманувъ «бухротовскую» заставу, воздухоплаватели пришли къ морю подъ предлогомъ постройки пристани для дивизиона ген. Шкуро: не видя кораблей, они рѣзались въ эстонскомъ селеніи два затопленныхъ большихъ баркаса, вытащили ихъ, закопачили и рѣшили вечеромъ отплыть въ Грузію; но послѣ обѣда пришли жданные корабли: воздухоплаватели снова взялись за постройку примитивныхъ пристаней и только, когда вечеромъ, всѣ корабли были заполнены — они послѣдними, оставя обозъ и лошадей, отплыли на маленькій буксирный пароходикъ «Тайфунъ» и отправились въ Крымъ, въ Феодосію, гдѣ ихъ ожидалъ личный составъ воздухопарка, но безъ имущества, оставленнаго въ Новороссійскѣ.

Пополнивши свои ряды, воздухоплаватели присоединились къ Крымскому воздухоотряду, въ которомъ впервые были и донцы и приняли участіе въ прорывѣ перешейка на Мелитополь: аэростатъ работалъ на поѣздномъ составѣ, совместно съ броневиками и замѣняли одновременно конную развѣдку. Связанный телефономъ со

штабомъ Войскъ, наблюдатель въ корзинѣ аэростата видѣлъ на десятки верстъ движеніе своихъ и красныхъ войскъ и передавалъ виденное начальнику штаба, здѣсь же сдѣланному у аэростата и отгнѣванному по картѣ.

Потѣ командой полк. Зиновьева, воздухоплаватели приняли участіе въ разгромѣ Жлобы потѣ Токмакомъ, принявшаго нашъ аэростатъ за советскій и попорочившаго на нашу тяжелую пушку; здѣсь они ходили въ атаку и въ преслѣдованіе Жлобы.

Старый опытъ сухопутнаго, морского и берегового наблюденія былъ дополненъ опытомъ работы въ маневреннѣй войнѣ, бронепоездами. Воздухоплаватели вырабатывали опять новую тактику, до сихъ поръ неизвѣстную.

Войсковые начальники очень цѣнили аэростатъ, какъ средство постоянного непрерывнаго наблюденія: воздухоплаватель работалъ впереди тяжелыхъ бронепоездовъ: за легкими выѣзжалъ и впереди линій, корректировалъ стрѣльбу по скрытыхъ станціяхъ, мостахъ, красныхъ броневикахъ и войскахъ, часто отбываясь и отъ аэроплановъ, забрасывавшихъ насъ бомбами и отъ пѣхоты и конницы красныхъ.

Казакъ мечтали приобрести свой аэростатъ; надо было его взять у красныхъ: случай помогъ — у нихъ оторвало и унесло въ море вѣтромъ аэростатъ: казаки его поймали, починили, приспособили и, сформировавъ въ Севастополѣ Доно-Кубанскій казачій воздухоотрядъ потѣ командой полк. Маркова, отбыли съ нимъ уже не къ Александровску, а къ Перекопу, гдѣ и работали до оставленія Крыма.

Около Джанкоя, ночью, имущество было уничтожено и отрядъ присоединился къ Штабу Куб-

воздухдивизиона, находившемуся на транспортѣ «Владиміръ» въ Феодосіи. Донской отрядъ прикомандировался къ Кубдивизиону: казаки первые воздухоплаватели совместно прибыли на о. Лемнось и тамъ раздѣлились по своимъ корпусамъ.

Выдающаяся организационная и жертвенная дѣятельность полк. Маркова была вознаграждена по заслугамъ: Комвоздухдѣвъ Куб. представилъ его черезъ Кубначинженеровъ въ генералы и достойный этотъ человекъ былъ награжденъ чиномъ, который заслужилъ еще на Юго-Западномъ фронтѣ и на Циспекторскихъ постахъ Украины.

Дивизионъ былъ свернутъ и влитъ въ инженерный кадръ Кубанскаго корпуса, съ которымъ перешли въ Сербію.

Командный составъ его перешелъ на мирныя занятія. Командиръ дивизиона, Н-къ учебнаго отряда, Завхозъ — закончили высшее образованіе: нѣкоторые посвятили себя профессорской дѣятельности — въ Канадѣ, въ Чехіи; старшій офицеръ Есаулъ Нормакъ, окончивъ восточную академію ген. штаба и авіашколу, а нынѣ занимаетъ постъ военнаго аташе въ Парижѣ; одинъ изъ офицеровъ, попавшихъ въ плѣнъ къ краснымъ, претерпѣвъ мученія, — нынѣ профессоромъ въ Политехникумѣ въ СССР. Казаки разбросаны повсюду, но еще до сихъ поръ держать связь не только со своими бывшими командирами, но и съ тѣми, которые остались на Кубани.

Дасть Богъ возродится Кубань, будетъ у нея своя техническая сильная Армія и казаки уже не будутъ только живою силою. А ихъ техники будутъ и проводниками культуры не только на службѣ, но и въ мирное время, у себя дома.

Сотвѣтъ А. Медяникъ

Черезъ Общество РЕВНИТЕЛЕЙ КУБАНИ можно выписывать:

1. «Кавказскій Казакъ», съ пересылкою — 4 фр. Это органъ Кубанскаго Войскового Центра, съ богатымъ информационнымъ матеріаломъ о жизни Кубанскаго Казачества «тамъ и здѣсь». Считаемо — журналъ необходимъ каждому Кубанскому казаку.
2. Кубанскій Календарь — на 1932 г. — 2 фр.
3. Казачьи герои и сподвижники — Проф. и историка Ф. А. Щербинны — 3 фр.
4. Віче, Рада, Кругъ — Полковникъ и Докторъ Правъ С. А. Федорова — 3 фр.
5. Исторія Кубанскаго Войскового Гимна — Полковника Елисѣева — 3 фр.
6. Россія № 7, посвященная исключительно Кубанскому Казачьему Войску — вся распродана.
7. «Кубанское Казачество» №№ 1, 2 и 3 по 3 фр. 50 с.

Заграницей — 5 фр.

СОДЕРЖАНИЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
 2. «Пластуны» (историческій обзоръ) — Полк. Федорова
 3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) — Вл. Куртана
 4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» — Прот. Ломака
 5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» — Ген. Кокунько
 6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисеѣва
 7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) — Подъес. Якименко
 8. «Страдная пора на Кубани» — Подъес. Толбатовскаго
 9. «Послѣдній взглядъ...» — казака Бидолага
 10. «Наша слава, наша гордость» — Елисеѣва
 11. «Казакѣ на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе
- Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта района Турціи, гдѣ прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г. На обложкѣ Штабъ 1-го Хоперскаго полка

СОДЕРЖАНИЕ № 2-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Кубань» — изъ поэмы — Н. Николаева (Члена Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Кубанской и Терской областей и Черном. губ.)
 2. «Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества» — М. С.
 3. «Атаманъ Кухаренко» (историческій очеркъ) — С. Лантуха
 4. «Встрѣчи» — Полковника С. Макѣва
 5. «Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани» — Полковника Елисеѣва
 6. «Казачья пѣсня» — Генерала Толстова
 7. «Екатеринодарская военно-фельдшерская школа» — Д-ра Мед. С. М. Машенко
 8. «Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко» — Подъесаула
Еф. Якименко
 9. «Великое Войско Кубанское» (Некрасовцы — очеркъ. Къ статьѣ приложень четкій портретъ Атамана Игната Некрасова) — Полк. и д-ръ правъ С. Федоорва
 10. «Казачья слава за океаномъ» — П. Нитяга
- Въ журналѣ 17 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ, 2 кроки боя Лабинцевъ. На обложкѣ Командиры сотенъ 1-го Таманскаго полка въ 1905 г. въ г. Асхабадѣ.

СОДЕРЖАНИЕ № 3-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Пластуны въ Севастополѣ» — Полковника С. Федорова
2. «Оренбургское Казачье военное училище (историческій очеркъ) и Кубанское Казачье Войско» — портутей-юнкера Елисеѣва
3. «Битва казаковъ съ черкѣсами» (воспоминанія) — проф. О. А. Шербины
4. «Казачья колыбельная пѣсенка» — Е. Булавина
5. Полковникъ С. А. Федоревъ (къ 20 лѣтію литературной дѣятельности) —
Правленіе
6. «За честь Кубани...» — Хоръ Гулага
7. Инженеръ В. С. Машенко — Полк. Елисеѣва
8. Первые казакѣ воздухоплаватели — — Сопаника Медяника

Цѣна какъдаго номера

3 фр. 50 с.

Цѣна трехъ номеровъ

10 фр.

Для заграницы

5 фр.

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

«LES COSAQUES DU KOUBAN»

JOURNAL ILLUSTRÉ HISTORIQUE ET LITTÉRAIRE

10, rue des Cordilières PARIS XIII

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 3

Издание неперіодическое

Май 1932 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителѣй Кубани

РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Пластуны 1854—55 г.

Изъ колл. Л.-Гв. Агаман. п-ка
Подъесаула Семенченкова.

Настоящій Сборникъ выходитъ при участіи Сюза Кубанскихъ
писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Мы морально удовлетворены: сотни братски-нѣжныхъ писемъ, разнообразный матеріалъ на нѣсколько номеровъ впередъ, масса интересныхъ серьезныхъ дорожныхъ и незабываемыхъ никогда фотографическихъ снимковъ изъ жизни Войска, изъ жизни прошлаго нашего родного «Казачьяго міра», такъ ярко воскрешающихъ нашу родную Кубань-Отчизну, словно прошедшую предъ нами только «вчера» — пріятною истомою волнуется нашъ разумъ, волнуется и зоветъ насъ пѣть чѣсьнѣ Ей — вновь теперь и еще — Ей, нашей Родинѣ Казачьей...

Молчать нельзя. Если не мы — живые и свободные, — то кто же послѣ насъ и гдѣ же и еще споетъ и скажетъ слово-пѣснь о Ней, объ этой Родинѣ Святой..!

Придите къ намъ друзья и братья и — помогите. Всякій десятокъ лишнихъ франковъ, всякій лишній купленный журналъ и всякое иное активное участіе родныхъ Кубанскихъ казаковъ въ нашей работѣ — только усилитъ наши возможности и ускоритъ выходъ въ свѣтъ новыхъ и еще новыхъ номеровъ, чрезъ кои яркой радужной радугой пройдетъ вся жизнь Кубани-Матери, вся жизнь и существованіе Кубанскаго Казачества...

Придите..!

Въ этомъ году исполняется 200-лѣтіе существованія 1-го Кубанскаго полка. Нашъ Войсковой Историкъ — писатель и генералъ В. Г. Толстовъ, уже прислалъ намъ трудъ свой объ этомъ гикомомъ и доблестномъ полкѣ, гдѣ ясно четко просто и понятно даются исчерпывающія данныя, какъ на крови и слезахъ цѣлой тысячи донскихъ и волжскихъ семействъ казачьихъ, преодолевъ всѣ удары судьбы жестокой — ослѣлъ прочно на Кубани, окрѣпѣлъ, расцвѣлъ и размножился въ своихъ станицахъ этотъ молодецкій полкъ.

О 1-омъ Линейномъ полкѣ, о его историческихъ конныхъ атакахъ на истрійцевъ въ самомъ началѣ Великой Войны 1914 года — прислалъ обстоятельный матеріалъ коренной Линеецъ и участникъ всѣхъ боевъ — Полковникъ Е. Тихоцкій.

Имѣется обстоятельный очеркъ, на полный отдѣльный номеръ «Исторія Конвоя Русскихъ Императоровъ», въ которомъ Кубанцы находились съ 1811 года по своему Черноморскому Казачьему эскадрону.

Имѣются цѣныя «воспоминанія» профессора Ф. А. Щербинны. Накопилось много богатыхъ очерковъ о Кубани Полк. С. А. Федорова, и многихъ др. авторовъ.

Придите — же...

Сборникъ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» въ своемъ историко-литературномъ и иллюстрированномъ направленіи, при добромъ желаніи Кубанцевъ — можетъ стать достяніемъ всего Кубанскаго Казачества.

Правленіе.

ПЛАСТУНЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

Я не буду писать о тѣхъ пластунахъ, нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, которые прославили имя пластунское въ годину мужественной обороны Севастополя отъ французовъ, турокъ, англичанъ и итальянцевъ въ 1854—55 г. Я лишь скажу вкратцѣ о насъ самихъ, когда мы, ихъ внуки и правнуки, шестьдесятъ лѣтъ спустя, увидѣли славныя мѣста, политыя кровью нашихъ предшественниковъ, весной 1915 г.

Февраль. Снѣгъ Морозы. На Зивинскихъ позиціяхъ хоть и не голодно, но холодно и неуютно. Турки далеко; бездѣльничаемъ и скучаемъ.

Извѣстіе о назначеніи моемъ Начальникомъ сводно-пластунской команды 6-го Е. И. В. баталіона, взбодраживаетъ пулеметчиковъ 2-го, родного, баталіона. Казаки волнуются, протестуютъ, а больше всѣхъ — всегда спокойный и уравновѣшенный урядникъ Остапенко:

— «Къ бригадному пойдемъ; не пустимъ! Што мы сами дѣлать будемъ? Прапорщикова намъ дають, чи ихъ учить, чи самимъ за ими ходить...»

Протесты не помогли; только то, что бригадный и самого Остапенко со взводомъ назначилъ въ 6-й баталіонъ Казаки довольны: — «ничево; сотникъ заговореный; слово такъ знаетъ; пуля ни ево ни казаковъ не беретъ и тута добре будя».

Черезъ недѣлю, мы, ласкаемые теплыми лучами батумскаго солнца — дышимъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Формируется 5-й Кавказскій корпусъ. Корпусный смотръ. Подъ бодрящіе звуки музыки, выбрыкиваютъ, танцуютъ пулеметные кони на церемониальномъ маршѣ. Казаки подтруниваютъ надъ «крупой сѣрой», марширующей въ однихъ гимнастеркахъ, но въ валенкахъ.

— «Съ ними — какъ-разъ турецкую столицу брать...»

Пластуновъ готовятъ «ставить крестъ на святую Софію» — византійскій соборъ, теперь мечеть въ Цариградѣ

Пріѣхаль экзархъ грузинскій, благословилъ, раздалъ крестики. Страстная недѣля; казакамъ раздали посадочные номера на транспорты; офицеры по топографическимъ картамъ «гуляютъ по улицамъ Константинополя».

Въ пасхальную ночь пришли транспорты за пластунами и въ эту же ночь разогнали ихъ турецко-нѣмецкій дредноутъ «Гебенъ», а на третій день Пасхи катились уже пластуны «кругаля» по желѣзной дорогѣ въ Севастополь.

Баку, Терекъ, Кубань... Родныя лица, встрѣчи, радость и слезы. Казачьи станицы позади, «минаемъ» Донъ, несемъ по Крыму и вскорѣ маршируемъ мимо грозаго 4-го бастіона Севастопольскаго, свидѣтеля былой пластунской славы.

Городъ притихшій, полумертвый. Жителямъ наговорили небыллицъ о «дикихъ» пластунахъ; рекомендовали не ходить зря по улицамъ, а по вечерамъ не пускать дивчать гулять.

Морское начальство позвало наше начальство; усиленно убѣждало вести себя тихо и всенепремѣнно отдавать честь солдатскимъ офицерамъ.

Казаки малость обидѣлись, но сдержались. На третій день пластуны завоевали весь городъ: офицеры—центръ, Приморскій, казаки—слободку, корабельную сторону.

Моряки, портовые рабочіе ревновали: пара схватокъ рукопашныхъ, и казаки вышли навсегда побѣ-

дителями. Дивчатами заперстрѣль городъ: что ни казакъ, то съ дивчинной; затерли старожилы.

**

Въ Дарданеллахъ закипѣлъ бой. Англо - французская эскадра пробивалась въ Мраморное море. Дессантный корпусъ союзниковъ дѣлился на Галиполійскій полуостровъ. Пластуны съѣли на пароходы.

6-й Е. И. В. баталіонъ — на лучшій транспортъ

Дальневосточнаго О-ва «Императоръ Николай II». Чисто, мягко, сытно и вольготно.

— «Такъ воювать, — хоть цѣлую жисть можно, какъ моряки воюють. Опять же — потопать, такъ усѣмь вмѣстѣ, совѣмь и съ казармой ихней».

Союзники подзадерживаются; турки упорно бьются, не пускають. Нашъ флотъ, послѣднія недѣли, дѣлаеть набѣги къ берегамъ Босфора, уничтожаеть отдѣльныя турецкія суда.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 г.г. Слѣва направо: Сидоръ Бѣлобровъ, Дмитрій Горленко, Подполковникъ Головинскій (въ буркѣ) Командиръ 2-го баталіона, Хорунжій Даниленко, Макаръ Усульга, Андрей Гиденко, урядникъ Иванъ Демяненко и Лука Грещовъ.

(Рисовать съ натуры, въ январѣ 1855 г., въ Севастополь, В. Гиммъ)

Сводно - пластунская дивизія изъ Севастополя, Гвардейскій флотскій экипажъ изъ Одессы, и морская пѣхота, — пойдуть въ головѣ нашего десанта на берега Анатолиі.

6-й Е. И. В. баталіонъ будетъ первымъ высаживаться на берегъ; мон пулеметчики — первыми сбивать турокъ и закрѣпляютъ берегъ. Вспоминаютъ запорожскіе и донскіе набѣги на анатолійскіе берега; вспоминаетъ «обкуриваніе пороховымъ дымомъ» стѣнъ Стамбульскихъ нашими прапредками но вспоминаетъ и послѣдній — похоронный салютъ, самимъ себѣ, тонущаго, дырявого отъ дучь

понтонна, на Дунайской переправѣ въ 1877 году.. — «Ничего... Богъ не выдастъ турокъ не угробитъ... опять же сотникъ слово такое знаетъ...»

Слышимъ — ѣдетъ Царь поглядѣть на сарыкамышскихъ храбрецовъ и проводить на Царьградъ. За два дня передъ Его пріѣздомъ нашъ флотъ разгромилъ турецкую береговую батарею у Босфора, потопилъ миноносецъ и загналъ турецкій флотъ въ Босфоръ.

16-го апрѣля, къ вечеру, пріѣхалъ царскій поѣздъ; на пристани, около нашего транспорта, онъ остановился.

1-ая Е. И. В. сотня, съ Есауломъ Рубаномъ, держала почетный карауль.

На другой день, къ 4 часамъ, былъ вызванъ на Царскую пристань весь 6-й Е. И. В. баталіонъ. Высшее начальство суетилось, а мы, малые, какъ всегда — злимъ старшихъ. Моя синяя, расшитая галунами черкеска, не нравится командиру баталіона, полковнику Зинковскому; приказываетъ надѣть другую; одѣваю сѣрую, потрепанную, съ заплатами подъ мышками и рыжую измызанную шапаху, бѣлую на царскій смотръ не позволилъ.

Казачи любопытствуютъ; занимаетъ ихъ — «ка-

ковъ будетъ Царь «сблизка», видали то вѣдь все по портретамъ.

— «Слушай на крауль!» Салютуемъ.

Небольшого роста, привѣтливый, съ мягкими сѣрыми глазами и русыми усами и бородкой — полковникъ нашего же баталіона, въ сѣренькой черкескѣ подходитъ и здоровается съ нами.

— «Здравія желаемъ Ваше И. В.—во... ура-а-а-а...» несется въ отвѣтъ, и... совсѣмъ не страшно.

Начальство рапортуеть, Государь обходитъ фронтъ, по обходѣ вызываетъ офицеровъ и казаковъ, представленныхъ къ наградамъ.

Государь среди пластуновъ въ Севастополѣ въ 1915 году. Правѣ Его — Командиръ 6-го Кубанскаго пластунаго баталіона, Полковникъ Зинковскій.

Государь съ каждымъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ; толстый — претолстый генераль Орловъ, начальникъ походной канцеляріи, подаетъ ему орденъ и темляки «За храбрость». Награждаемые сияютъ. Вижу какъ правѣ меня трясется старый подьесауль Калаушевъ — дрожить рука «подъ-высь», дрожать поджилки; — ишь ты, — вотъ то онъ трепеть...»

Настаетъ и моя очередь. Цифра «2» на погонахъ обращаетъ вниманіе; объясняемъ съ полковникомъ Зинковскимъ — пулеметчики 6-го баталіона остались на Кавказѣ, здѣсь сводные по взводу отъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ. Царь вспоминаетъ о 2-мъ баталіонѣ войска Черноморскаго въ Крымскую кампанію, спрашиваетъ о станицѣ, о матери, отцѣ, даетъ первую боевую награду

Владимира съ мечами и бантомъ — первый бой подъ Кирыхомъ, даетъ и красный темлякъ — за второй бой на Араксѣ.

Подходить къ батюшкѣ.

— «А батюшкѣ что?» спрашиваетъ у командира. Полк. Зинковскій, съ перваго же момента овладѣвшій царскимъ расположеніемъ находится — «ну, а батюшкамъ крестъ даютъ В. И. В.—во».

— «Какой крестъ?» улыбается Государь.

— «Ну извѣстно какой, — золотой» усмѣхается матерой полковникъ.

Генераль Орловъ запускаетъ руку въ карманъ и вытягиваетъ изъ него коробку. Государь открываетъ ее и даетъ батюшкѣ; батюшка чуть не падаетъ въ обморокъ — золото блещетъ на солнцѣ, оббитое широкой георгіевской лентой.

— «Не заслужил, Государь...» отпирается башкою.

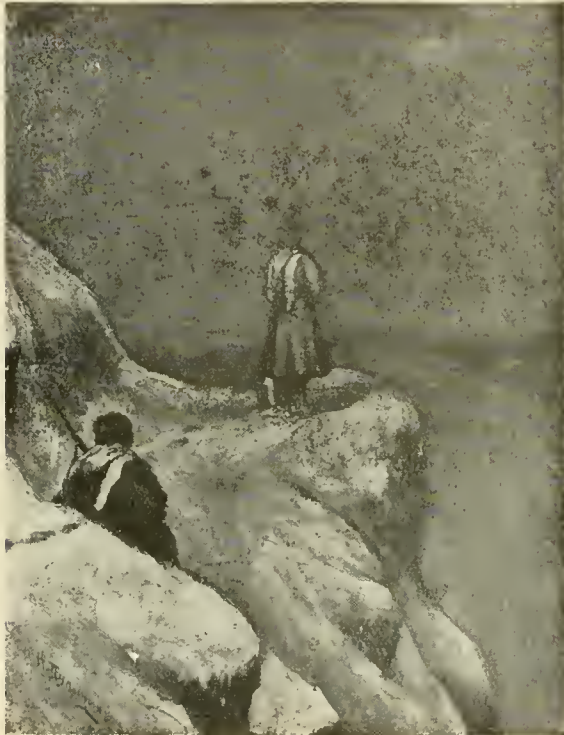
— «Заслужите», вторит Императоръ.

Получаетъ свое и докторъ, — милый, веселый армянинъ.

На крайнемъ флангѣ два подхорунжихъ и старшій писарь.

Подхорунжій Конорѣзовъ и Русановъ отличились въ Сарыкамышѣ особенно.

Изъ подхорунжихъ они становятся прапорщиками.

Пластуны. Часовой и подчасокъ на «Орлиномъ Гнѣздѣ» въ районѣ Трапезунда (Турція) — 1916 г. (Зарисовалъ съ натуры Есаулъ Н. Н. Пупынинъ).

— «Баталіонный писарь Чернобровкинъ, 17-го лѣтъ прослужилъ въ баталіонѣ», говоритъ командиръ.

— «Произвожу тебя въ коллежскіе регистраторы», слышу слова Государя.

Длинной вереницей подходятъ за Георгіевскими наградами казаки; многіе растроганы, цѣлуютъ крестики, на глазахъ слезы — «какъ же и не быть!.. съ самимъ Царемъ разговаривалъ!»

7

Церемониальный маршъ

Смотръ кончился. Длинными рядами выходимъ съ пристани и идемъ городомъ; шпалеры любопыт-

ныхъ стоять по улицамъ, кричать «ура» новымъ кавалерамъ.

Вечеромъ общій ужинъ. Въ чудной каютъ-кампаніи Императора Николая II сидятъ и новые прапорщики и коллежскій регистраторъ.

**

Съ утра 18-го, пластуны готовятся къ общему царскому смотру. Баталіонъ за баталіономъ вытягиваются на полѣ передъ лагеремъ — Куликово поле.

Стоитъ мой родной баталіонъ — 2-й; возлѣ него суетится новый «войсковой» Самойловъ, изъ грековъ, изъ отставки.

— «Подъ знамя слушай на кра—уль!» — командуетъ С.

Наше старое георгіевское пластунское знамя, на прогнувшемся длинномъ древкѣ, безъ чехла, развернутое, до половины, потрепанное временемъ и непогодами.

«Къ но—уль!» — несется команда.

Отъ лагеря выкальвается маленькая фигура полковника Бирюлькина, командира баталіона.

— «Слушай на кра—уль!» — раздается опять команда войскового.

На лицахъ пластуновъ недоумѣніе, но тѣсъ штыковъ взметнулся къ небу; команда, какъ команда — блеснули и офицерскія шашки. Даже «Бирюлька» сообразилъ, что войсковой переборщилъ и отчаянно замоталъ руками. Войсковой это понялъ по своему — двигаться на поле.

— «Шагомъ маршъ!»

Въ первый и, вѣрно, въ послѣдній разъ въ жизни видѣли мы какъ двигался баталіонъ «развернутымъ фронтомъ», — винтовки «на карауль» — на сборное мѣсто; впереди всѣхъ шагаль съ шашкой на плечо новый войсковой.

Мы, лицеувѣшіе, не удержались отъ дружнаго смѣха; нашъ смѣхъ заставилъ опомниться офицеровъ 2-го баталіона; командиры сотѣнь сами по себѣ начали командовать «къ ногѣ», «на плечо» и вытягиваться по-сотенно, а войсковой шагаль и шагаль, какъ ни въ чемъ не бывало.

На обширномъ Куликовомъ полѣ выстроилась длинная предлинная линія войскъ; пластуны на правомъ флангѣ. Къ полудню пріѣхалъ Государь.

Звуки гимна, громовое перекатывающееся ура, долго звучали по полю. Передъ каждымъ баталіономъ Императоръ останавливался и благодарилъ за жертвенную боевую службу. Подойдя къ 3-му баталіону, Государь остановился и сказалъ: «За молодецкую боевую службу 3-го пластунскаго баталіона и въ память сегодняшняго моего смотра — назначаю шефомъ баталіона моего Сына Наслѣдника-Цесаревича Алексѣя Николаевича». Это была награда за особо мужественные бои въ Сарыкамышѣ.

Нѣсколько секундъ ничего не ожидавшій баталіонъ молчалъ, и потомъ понеслось дружное громовое «ура».

Обходъ окончился; войска стали перестраиваться къ церемоніальному маршу.

Государь стоялъ на особомъ помостѣ.

— «Какая историческая картина; никогда Севастополь не видалъ еще столькихъ пластуновъ здѣсь» сказалъ онъ министру Двора Фредериксу. Затѣмъ, взглянувъ на стоявшихъ здѣсь офицеровъ, онъ замѣтилъ: «Впрочемъ, вѣдь слава пластуновъ пошла и отсюда, изъ Севастополя, когда они вмѣстѣ съ моряками Черноморскаго флота совершали славныя дѣла. Здѣсь дѣйствовали 2-й, 5-й и 8-й пластунскіе баталіоны».

Офицеры подтвердили, упомянувъ еще, что въ этихъ баталіонахъ было много охотниковъ изъ иныхъ станицъ Войска.

— «Кажется, старшинство пластунскихъ баталіоновъ идетъ наравнѣ со старшинствомъ одного изъ конныхъ полковъ Вашего Войска? Насколько помню, съ Запорожскимъ полкомъ, съ 1782 г.» — продолжалъ онъ. Офицеры подтвердили, упомянувъ, что этотъ полкъ имѣетъ знамя пѣшихъ казаковъ, полученное за взятіе острова Березани.

Видно было, что наука, полученная Государемъ, еще Наслѣдникомъ, по труду Ф. А. Щербинина «Исторія Куб. К. В.» не забылась.

Перестроеніе закончилось.

Двигались стройныя шеренги пластуновъ, блестя штыками. Нѣкоторые баталіоны шли держа винтовку къ бою — «на руку».

Съ помоста неслись царскія благодарности. Маршъ окончился.

Офицеры густыми кольцами окружили Государя, и вели съ нимъ по-просту разговоры.

— «Ваши пластуны такіе же молодцы какими были въ Севастополь и ихъ дѣды» — сказалъ Государь, увидя командира 2-го баталіона полковника Бирюлькина.

— «Какой тамъ» — отвѣтилъ по-просту тотъ «теперь уже не тѣ казаки, что раньше были. Пластуны — какъ пластуны».

— «Та це брехня, В. И. В.», слышалось сзади «наши козаки и теперь не гірши».

Государь улыбнулся и поддакнулъ, упоминая Сарыкамышскіе упорные бои и пластунскую доблесть на Кавказѣ.

Въ промежуткахъ между разговорами снимались: — сначала офицерскій составъ 6-го баталіона, потомъ офицеры 1-й пластунской бригады, затѣмъ 2-й бригады. Всюду сновалъ, не находившій себѣ мѣста отъ радости ген. Гулыга.

Но особенно героемъ дня чувствовалъ себя командиръ 6-го баталіона полк. Зинковскій, своею простотой и непринужденнымъ обращеніемъ онъ подкупилъ совсѣмъ Государя.

Царь смѣялся и вообще былъ очень доволенъ простою пластунскою; до моего слуха долетѣла фраза, какъ сказала ген. Орловъ, что за всю войну, только два раза Царь былъ веселъ и радостенъ — впервые, когда его встрѣчали русины въ Галиціи и вотъ теперь, среди пластуновъ въ Севастополь.

Разговаривая съ Зинковскимъ, Царь спросилъ о жизни пластунской.

— «Да какая наша жизнь» отвѣчала тотъ «слава то казачья, а жизнь собачья, всѣмъ даютъ, а пластуновъ обдѣляютъ».

Кавказскій фронтъ. Характерные типы пластуновъ Кубанскихъ бригадъ въ Великую войну 1914-17 г.г.

Царь заинтересовался, «какъ это такъ?» и Зинковскій пояснилъ, что вотъ въ пѣхотныхъ полкахъ всѣ командиры ротъ капитаны, а у насъ, въ мирное время 25 есауловъ на все Войско — 18 баталіоновъ. Тамъ, молъ, штабъ-офицеръ получаетъ 85 руб. столовыхъ, а нашъ «войсковой» — 55. Солдаты на службѣ одѣтъ въ казенное, а пластунъ въ свое; на войну солдатъ изъ дома рубашку принесетъ — деньги за нее получить, а мы и на войнѣ въ своемъ и т. д. и т. п. перечислялъ онъ бѣды пластуныя.

Царь слушалъ и давалъ знакъ флигель-адъютанту, а тотъ все записывалъ въ книжечку. Результатъ былъ скоръ, молніеносенъ — пластуновъ сравнивали во всемъ съ пѣхотой и даже обмундированіе стали получать изъ интенданства. Для самого же Зинковского — онъ былъ очень плачевенъ: говорили, что ген. Гулыга и Букретовъ страшно злились и чертыхались по адресу Зинковского — какъ, молъ, онъ осмѣлился, не доложивши по командѣ, докладывать прямо Государю!

♦♦

Смотръ закончился.

Государь отъѣзжалъ на автомобиль — ревъ ура, гучи шалокъ, взвивавшихся къ небу; толпы бѣгущихъ за автомобилемъ воиновъ и штатскихъ — послѣднее мое впечатлѣніе.

Снова пароходъ, но казаки уже въ баракахъ. Ждемъ, когда союзники пробьются въ Дарданеллы и закрѣятся на Галлиполи. Напряженіе чрезвычайное; флотъ каждый день выходитъ въ море. Пластуны послѣ смотра совсѣмъ герои дня; новые крестики на груди окончательно покоряютъ прекрасныхъ и непрекрасныхъ представительницъ слабого пола.

Не только офицеры, но и рядовые пластуны въ Севастополѣ всѣ говорили «намъ би тѣльки за берегъ зацепишся, а тамъ вже насъ турки не виженуть». Офицеры цѣнили очень назначеніе въ эту историческую экспедицію, цѣнили больше, чѣмъ выигрышь въ 200.000, а пожилой полковникъ, лѣтъ 50, съ высшимъ образованіемъ, оставившій въ станицѣ жену и дѣтей, мало денегъ и ровно никакого имущества добавилъ какъ то: двѣсти тысячъ можно прожить, ну а ту славу, которую получаютъ пластуны если войдутъ въ Константинополь — прожить нельзя. Дѣти будутъ говорить всегда — «батько былъ въ войскѣ, которое брало Царьгородъ. А если Богъ приведетъ помереть, такъ дважды не помирать, а вѣдь нѣтъ лучше смерти какъ подъ стѣнами Царяграда».

Пластуны вѣтъ конкуренціи вездѣ и всюду. Въ наши ряды вливаются и добровольцы — въ мою пулеметную посталъ двѣнадцатилѣтній «схоленокъ» Панасъ — «утікъ зъ дому до козаківъ» и никакихъ. «Якъ не візмете въ морі втоплюсь» говорить; казаки упросили «будетъ за конями ходить, на кухни помогать»... Взялъ и не пожалѣлъ; Панасъ отлично помогать и былъ коноводомъ въ бояхъ 12-го мая въ с. Лашки заработалъ Георгиевскую медаль. Прибѣжалъ къ намъ изъ Закавказья, Душета и аптекарскій Казя Троянскій. Юноша-полякъ. Не утерпѣлъ, пошелъ за пластунами и отлично помогать намъ въ Галиціи какъ переводчикъ.

Но пластуны время не теряли — готовили своихъ урядниковъ «въ прапора». Обидно было видѣть, какъ школы прапорщиковъ комплектовались недоростками, а наши урядники все были «нижніе чины». Позвать я всѣхъ урядниковъ, окончившихъ 2-хъ классное училище, сказалъ имъ слово, подучили малость и послали ихъ въ Севастопольскую гимназію держать экзаменъ на права по образованію II-го разряда, а за ними послали и изъ сотенъ и подхорунжихъ всѣхъ... Выдерживали; потомъ шли въ школы прапорщиковъ и уже на Днѣстрѣ мы видѣли ихъ у себя съ блестящими погонями, счастливыхъ и благодарныхъ.

Дессанта не дождались; союзники не прорвались къ Царюграду, но зато на Карпатахъ нѣмцы прорвали русскій фронтъ: «фаланга» Макензена гнала неудержимо армию къ р. Сану; пластуновъ послали въ поѣзда и быстрый курьерскаго погнали на Санъ выручать солдатъ.

Днѣпръ. Вольны. Радзивилловъ. Львовъ. Высадка въ Садовой Вишнѣ и походъ на Яворовъ къ Ярославлю на р. Сожъ; встрѣча съ «фалангой», упорные бои съ гренадерами германской гвардіи и съ гвардіей; пластуны фалангу задержали и стяжали себѣ славу «ударной дивизіи», которая потомъ посылалась по всему фронту, спасая положеніе.

Полковникъ С. Федоровъ.

Оренбургское Казачье Военное училище и Куб. Каз. Войско

Въ 1898 году закрыто было Ставропольское казачье юнкерское училище, — этот мѣстный краевой и дорогой разсадник гл. офицеровъ для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, и — для Казачьей молодежи Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ съ незаконченнымъ среднимъ образованіемъ, для вольноопредѣляющихся и для заслуженныхъ строевыхъ казаковъ, желающихъ стать офицерами, какъ и для самихъ Войскъ — невольно всталъ вопросъ — Куда теперь?!

Ярко и опредѣленно обозначился городъ Оренбургъ и въ немъ — Оренбургское Казачье юнкерское училище.

Въ серединѣ 19-го столѣтія, въ городѣ Оренбургѣ, были учреждены Офицерскіе курсы, которые 20 декабря 1868 года преобразовались въ —

«Оренбургское окружное юнкерское училище».

Первоначально училище имѣло два отдѣленія: пѣхотное (рота) и казачье (сотня). Штатъ училища былъ врасчитанъ на 200 юнкеровъ съ двухъ-годичнымъ курсомъ. По окончаніи курса, юнкера выпускались: въ пѣхоту — подпрапорщиками, а въ

казачьи части — Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго Казачьихъ Войскъ — подхорунжими.

Тѣ и другіе, по прослуженіи въ строю извѣстнаго числа лѣтъ (окончившіе по первому разряду — черезъ годъ, а по второму разряду — по мѣрѣ очищенія вакансій), производились въ офицеры — въ подпоручики и хорунжіе.

Послѣ открытія въ г. Казани окружнаго юнкерскаго училища — пѣхотное отдѣленіе въ Оренбургскомъ училищѣ было закрыто. Съ тѣхъ поръ послѣднее стало чисто Казачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Первымъ начальникомъ училища былъ Потговникъ Котовъ. Но особенно яркій слѣдъ въ училищѣ оставилъ Полковникъ В. А. Потто (впослѣдствіи извѣстный военный историкъ), занимавший должность начальника училища въ теченіи одиннадцати лѣтъ — съ 1870, по 1882 г. Прекрасный администраторъ и высокообразованный военный педагогъ — онъ въ дѣло воспитанія юношества вкладывалъ всю свою душу. Онъ собралъ богатую бібліотеку, стѣны училища украшались богатѣйшими гравюрами и картинками изъ временъ Кавказской войны, кои были въ училищѣ до послѣднихъ дней существованія училища — до 1919 года.

При немъ были построены — церковь и мажежь.

Въ 1901 году было закрыто казачье отдѣленіе (взводъ) при Иркутскомъ юнкерскомъ училищѣ и, съ этого года, молодые казаки Забайкальскаго, Амурскаго и Уссурийскаго Казачьихъ Войскъ, командировались для полученія военнаго образованія, въ Оренбургское училище.

Такимъ образомъ, ходомъ событій, Оренбургское училище сдѣлалось общеказачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Въ немъ были представлены всѣ «Войска», кромѣ Донскаго, имѣвшаго свое училище въ Новочеркасскѣ. Въ строю сотня юнкеровъ блистала всѣми цвѣтами нарядной радуги: юнкера носили форму одежды — каждый своего Войска и справляли ее на собственный счетъ.

Въ 1901—1902 учебномъ году, какъ и во всѣхъ юнкерскихъ училищахъ, въ Оренбургскомъ казачьемъ былъ введенъ 3-хъ-годичный курсъ программы. Съ 1904 года, юнкера изъ училища стали выпускаться въ полки, сразу же, офицерами.

Въ 1902 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ М. И. Михѣевъ (донской казакъ). Въ то же время, начальникомъ Новочеркасскаго юнкерскаго училища состоялъ Генеральнаго штаба Полковникъ А. М. Калединъ (впослѣдствіи извѣстный Донской Атаманъ).

Въ 1903 году, вслѣдствіе совмѣстныхъ ходатайствъ обоихъ начальниковъ казачьихъ училищъ, обмундированіе въ училищахъ было принято на счетъ Войска, по принадлежности юнкера. При

этомъ, въ Оренбургскомъ училищѣ была введена однообразная форма одежды для всѣхъ юнкеровъ, по образцу Оренбургскаго Войска, но съ погонами алака (а не голубого) цвѣта.

Въ томъ же 1903 году, училищу было Высочайше пожаловано знамя. Церемонію передачи знамени производилъ Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска Генераль-Лейтенантъ Я. Ф. Барабашъ, въ училищномъ лагерѣ, на горѣ «Маякъ», при весьма торжественной обстановкѣ.

Оренбургъ. Казачье училище.

Видъ Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища. Вверху — Зимній манежъ для вольтижировки. Вдали его — училищная церковь. Внизу — корпусъ зданія. Правая аллея — постоянный выходъ юнкеровъ въ городъ и церковь.

Въ 1907 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ К. К. Слесаревъ (терскій казакъ). Онъ оказался послѣднимъ начальникомъ училища до послѣднихъ дней существованія училища, до 1920 года, который, почти со всѣмъ училищемъ, въ далекихъ дебряхъ Сибири отступающей Арміи Адмирала Колчака, былъ отрѣзанъ и окруженъ красными войсками и попалъ въ плѣнъ къ нимъ.

Въ 1909 году, всѣ окружныя юнкерскія училища, въ томъ числѣ и Оренбургское, были приравнены во всѣхъ правахъ къ военнымъ училищамъ, и всѣ стали называться

«военными училищамъ».

а Оренбургское стало официально именоваться «Оренбургское Казачье училище»

Во время Великой войны, училище давало усовершенствованные курсы производства въ офицеры.

Въ концѣ 1917 года, послѣ большевnickаго переворота, когда Оренбургское Казачье Войско не признало новой власти и выбрало своимъ Войсковымъ Атаманомъ высокообразованнаго, своего же Оренбургскаго казака, Академика, знаменитаго потомъ Атамана, Полковника А. И. Дутова, бывшего помощника инспектора классовъ и преподавателя Оренбургскаго училища — красные повели наступленіе на Оренбургъ съ двухъ сторонъ — со стороны г. Самары и со стороны Туркестана. Сотня юнкеровъ принимала самое активное участіе во всѣхъ этихъ бояхъ на подступахъ къ Оренбургу. Его же длинное мрачное казарменное зданіе, служило цитаделью при оборонѣ, гдѣ и помѣщался штабъ Войскаго Атамана.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1918 г., Оренбургъ палъ. Генераль Слесаревъ увелъ сотню юнкеровъ къ Уральскимъ казакамъ, въ городъ Уральскъ. Училище, какъ и всѣ учреждения Оренбургскаго Войска, подверглись невиданному разгрому ворвавшихся красныхъ полчищъ, гдѣ было уничтожено все, что такъ долго и кропотливо собиралъ въ ученичныя коллекціи Полковникъ Потто и другіе Начальники.

Въ іюль 1918 года, Оренбургскіе казаки освободили свой Войсковой городъ и училище вновь было призвано къ жизни на разрушенныхъ пепелищахъ своихъ, но уже въ январѣ 1919 года, послѣ ожесточенныхъ боевъ, Оренбургъ вновь палъ и училище, въ сибирскомъ порядкѣ, эвакуировалось въ Сибирь. Постъ цѣлаго ряда скитаній, оно обосновалось въ г. Иркутскѣ, гдѣ и приступило къ занятіямъ, но — не надолго. Въ концѣ 1919 года Сибирскій фронтъ рухнулъ. Въ Иркутскѣ произошло возстаніе мѣстныхъ эсеровъ и большевиковъ.

Училище было окружено красными частями и захвачено полностью... Удалось спастись только нѣсколькимъ юнкерамъ...

Такъ жутко закончило свое существованіе наше родное Оренбургское казачье военно училище.

Итакъ, въ 1898 году, по закрытіи Ставропольскаго юнкерскаго училища, кубанская молодежь, не получившая средняго образованія, невольно взоры свои обратила къ далекому Оренбургу, гдѣ было свое казачье юнкерское училище.

Всѣхъ вакансій въ училищѣ было 120. Наибольшее ихъ число, по праву «первородства», имѣло Оренбургское Войско — 36, затѣмъ Кубанское — 18, и Терское — 12. Остальные Войска — Уральское, Астраханское, Сибирское, Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское имѣли вакансии пропорціонально своей мощи. Последнее имѣло всего лишь одну вакансію.

И вотъ, Кубанское Казачье Войско, первое по величинѣ и могуществу изъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ послѣ Донскаго Войска — оно буквально задыхалось въ этихъ своихъ 18-ти войсковыхъ вакансіяхъ. Неплывъ вольноопредѣляющихся 2-го разряда изъ первоочередныхъ полковъ Войска, и, даже, изъ Пластунскихъ баталіоновъ, настолько былъ великъ, что устанавливался жестокой конкурсъ. Но драма была еще въ томъ, что этотъ конкурсъ опредѣлялся только въ наличіи своихъ Войсковыхъ, Кубанскихъ, вакансій, а не всего училища. Провѣрено и установлено, что юнкера другнхъ Войскъ, за малымъ пріѣздомъ, поступали на свои войсковыя вакансіи безпрепятственно и, даже, порою, ихъ не заполняли. Кубанцы же, прибывая въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ ежегодно — никогда не имѣли своихъ свободныхъ

вакансій и ждали — когда имъ останутся они — или отъ непрібывшихъ, или отъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ казаковъ другихъ Войскъ. На эти чужія свободныя вакансіи зачислялись Кубанцы, уже по общему конкурсу, и училищное начальство потомъ уже хлопотало передъ Кубанскимъ Наказнымъ Атаманомъ о принятіи этихъ новыхъ, дополнительныхъ расходовъ, на Войсковой счетъ. Въ такомъ положеніи, вновь поступившіе юнкера, маялись не меньше мѣсяца — другого, не зная, согласится ли Войсковое Начальство взять на себя лишній расходъ, или, можетъ быть, имъ придется снять мундиръ юнкера и вновь обратиться въ «вольноопредѣляющихся». Столь жуткія переживанія молодой клокочущей стремящейся души — ежегодно испытывали молодые казаки-Кубанцы въ далекомъ чужомъ Оренбургѣ, не имѣя твердаго положенія и болѣя душой, при мысли — «а вдругъ отказъ»!

Въ 1912-омъ году, цѣлый рядъ Кубанскихъ вольноопредѣляющихся, окончившихъ учебныя команды, съ двумя нашивками младшаго урядника и выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ среднемъ на 10,5 балловъ — и всѣ они уѣхали назадъ въ свои полки, такъ какъ Войско отказалось взять на себя лишній расходъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, окончивъ свою службу, — ушли эти молодые, воински воспитанные и отлично подготовленные къ строю молодые казаки на льготу и, въ силу горькой нужды — предпочли искать новыхъ путей къ жизни, разъ постигла неудача тамъ, куда они такъ стремились...

Такъ или иначе, но Кубанцы, какъ и Терцы, всегда заполняли чужія вакансіи и вмѣсто 18-ти, ихъ было свыше 30-ти, а терцевъ — до 20-ти человѣкъ. Эти два однородныхъ «войска» вносили рѣзкую и доминирующую струю Кавказскаго Казачества въ стѣны далекаго степнаго Казачьяго военнаго училища. Живой характеръ, кавказская туземная гиковость, черноморскій юморъ и чарующая музыкальностью пѣснь ихъ, мягкая походка, кавказская лезгинка и казачекъ вприсядку — все это прямо таки выпирало наружу въ стѣнахъ далекой степной школы.

Не въ обиду будь сказано другимъ «войскамъ» — сотня юнкеровъ иныхъ пѣсень въ училищѣ и не пѣла, кромѣ Кубанскихъ и, частью, Терскихъ. Это объяснялось — съ одной стороны — богатымъ и разнообразнымъ репертуаромъ пѣсень этихъ Войскъ, а, во-вторыхъ — врожденной музыкальностью ихъ сыновъ — казковъ, составлявшихъ вмѣстѣ добрую половину всей сотни юнкеровъ. Но въ училищѣ, вообще не было никакого антагонизма между войсками и пѣсни Кубанскихъ казаковъ съ удовольствіемъ воспринимались и остальными юнкерами какъ что-то свое родное казачье и общее наше достояніе. Правда, по Войскамъ юнкера разли-

чались въ своихъ привычкахъ и особенностяхъ: кавказцы, въ особенности Черноморцы, были болѣе безпечны, щеголеватѣе, ударяли на строй и въ немъ чаще другихъ брали первенство въ состязаніяхъ; Оренбургцы были болѣе усидчивые въ наукахъ. Рѣзкой войсковой сплоченностью между собой выдѣлялись Забайкальцы, сплошь съ восточнымъ бурятскимъ прорѣзомъ глазъ и Уральцы; послѣдніе были хорошіе наѣзники. Остальные Войска, за малочисленностью, — своей особенностью рѣзко не выдѣлялись.

Разность войскъ характерно обрисовывалась въ часы частнаго праздничнаго чаепитія, послѣ церковной службы, въ училищной столовой. Тогда уже группировались всѣ по своему Войсковому признаку и шумно, по братски, проводили вмѣстѣ часть - другой, ударя каждый по войсковымъ «лакомствамъ»: Кубанцы и Терцы — на свиное сало; Уральцы — на рыбу, а всѣ остальные войска — на калмыцкій чай. Еще была одна особенность: большинство Кубанцевъ и Терцевъ, при встрѣчѣ, и въ своемъ обиходѣ — старались, почему - то, говорить по-черноморски. Въ этомъ, какъ бы подчеркивалось извѣстное казакманство, свой особенный, южно-казачій стиль, казачій аристократизмъ... Кубанцы и Терцы — въ особенности жили дружно между собою: однородность войскъ, даль родины, иной климатъ — суровый и непривѣтливый — бѣдная растительность, чуждая, стѣсняющая тѣло, форма одежды и прочіе контрасты мягкаго теплаго «юга» съ суровымъ «сѣверо-востокомъ» — все это вмѣстѣ взятое — невольно давало ощущать кавказцамъ базисность другъ къ другу и что они «не у себя дома», а словно въ командировкѣ, «заграницей»... и каждый изъ нихъ высчитывалъ — сколько же еще дней ему остлосъ носить эту «шинель»...

Но зато на училищномъ праздникѣ 20-го декабря, который проводился весьма торжественно, помпезно и заканчивался пышнымъ баломъ до утра — Кавказцы проявляли себя во всю. Имъ разрѣшалось быть въ своихъ черкескахъ, нашивъ на нихъ юнкерскія погоны. Этотъ балъ съ трепетомъ ожидали всѣ и въ особенности учащаяся женская молодежь. Этотъ «юнкерскій» балъ былъ лучшимъ во всемъ городѣ, гдѣ стоялъ довольно сильный гарнизонъ и гдѣ было очень много учебныхъ заведеній. Одно ужъ сказать, что въ городѣ было два кадетскихъ корпуса, женскій институтъ, три женскихъ гимназій, двѣ мужскихъ, реальное училище, епархіальное училище и много другихъ мелкихъ. И вотъ, на немъ то, на этомъ балу, куда собирался весь цвѣтъ гарнизона и городской аристократіи — юнкера - кавказцы, въ цвѣтныхъ своихъ черкескахъ, порою расшитыхъ выше положеннаго, въ чевякахъ, въ папахъ, затянутые поясами до-нельзя — они были буквально кумиромъ дѣвицъ, завистью мужчинъ, украшеніемъ учили-

ща, гвоздемъ вечера... Магически пронизывало шумный балъ слово — «лезгинка»...! «лезгинка.» и, все спѣшило туда, гдѣ кучковались кавказцы. И какъ полагается — въ широкомъ кругу, сидючи «по восточному», или на короточкахъ и, обязательно подь,

«горе намъ, Фези къ намъ...» — выскакивали они въ кругъ съ немилосердно дикими выкриками и профланировавъ по кругу «бѣлымъ лебелемъ» — да потомъ въ среднѣ круга — «на пальцы», «на пальцы...!» О фурорѣ не приходится уже и говорить... все «таяло» кругомъ...

Вообще, юнкера - кавказцы, были въ лѣстящей модѣ тамъ, въ Оренбургѣ. Насъ даже жители называли «черкесами», заглядывались и, слегка стонерились отъ... боязни: черкесы... дикари...

Никакихъ «цукательныхъ» и принижующихъ достоинство юнкера и человѣка «традицій» въ училищѣ не было. Было одно — это «похороны расписанія уроковъ» выпускнымъ классомъ, передъ началомъ экзаменовъ. И, хотя столь безобидный обычай допускался открыто, но дежурный офицеръ старался все это «не видѣть и не знать». Заключение онъ въ томъ, что изъ дальняго класса, на носилкахъ изъ пикъ клали расписаніе уроковъ и торжественно проносили его по всему помѣщенію, до гимнастическаго зала. Впереди шелъ «священникъ» съ «причтомъ» и хоръ; за ними «караулъ» съ обнаженными шапками вокругъ носилокъ, а дальше — старшіе классы строемъ... Всѣ остальные юнкера могли только молчаливо присутствовать. Въ гимнастическомъ залѣ, весь старшій классъ выстраивался, расписаніе выносилось на носилкахъ передъ серединой строя и здѣсь одинъ изъ «способныхъ» къ остроумію — читалъ «ему» длинный - предлинный «приговоръ», написанный въ правдиво - юмористическихъ тонахъ, какъ оно это, «расписаніе» въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ издѣвалось надъ юнкерами и портило имъ кровь, принуждая ихъ сидѣть за нудными учебниками и т. д., и т. д. и сколько черезъ него пострадало людей «безъ отпуска» и, въ особенности, за англійскій языкъ. Этотъ остроумный приговоръ возбуждалъ у слушателей вольготно - веселое настроеніе и заканчивался присужденіемъ «его» къ высшей мѣрѣ наказанія — къ публичному сожженію; послѣдніе слова покрывались дружными выкриками «ура» и расписаніе, приподнятое на пикахъ (отнюдь не дотрагиваясь до него, изъ безрелигиозности, руками), торжественно сжигалось. Въ этотъ же день, въ 4 часа дня, идя на обѣдъ, — сотня выстраивалась, какъ всегда, въ проходномъ корридорномъ залѣ; вахмистръ сотни командовалъ «смирно», сотня замрала, оркестръ гремѣлъ торжественный «офицерскій отбой»:

«Полно вздоромъ заниматься,
«Трубачъ труби отбой...».

и, подъ звуки юнкеровъ-трубачей, со-
ня бравурно маршировала въ столовую
на обѣдъ.

У всѣхъ было на душѣ легко и ве-
село: учебный годъ законченъ, а для
выпускного класса — навсегда...

Въ 1912 году, старшій классъ задумалъ ввести «традицію» — чтобы оба младшихъ класса называли бы ихъ «л. хорунжими», какъ это было въ сотнѣ Николаевского Кавалерійскаго училища.

Узнавъ объ этомъ, командиръ сот-
ни, Есаулъ Бочаровъ (Терскаго Войска), весьма любимый всѣми юнкерами за его умъ, спокойствіе и всегдашнее рѣзко-отеческое наставленіе вмѣсто дисциплинарныхъ взысканій, вызвалъ въ отдѣльный классъ всѣхъ взводныхъ портупей-юнкеровъ, — Беринцева, Каширина, (оба оренбурца), Едифеева, Ряднину (оба кубанца), вахмистра сотни Вертепова (терець) и, какъ всегда, рѣзко-тягуче пронизалъ насъ:

«Вы что это тамъ у меня — а-а-а?!
Традицію задумали вводить?»

«Чтобы я больше о ней не слышалъ.
— поняли?!»

Мы — поняли... а пишущему эти строки, — какъ главному инициатору — онъ сказалъ еще нѣсколько «теплыхъ» словъ и, «традицію», какъ рукой смахнуло...

Между собой юнкера жили дружно, запросто. Заслуженное уваженіе оказывалось всѣми старшему классу, а вообще — это была однородная про-

Характерная группа юнкеровъ училища въ зимней (въ папахѣ) и лѣтней формахъ. Сидятъ: слѣва — мл. портупей-юнкерь 1-го взвода, Кубанецъ В. Д. Гамалій, нынѣ Полковникъ, совершившій въ 1915 г. знаменитый конный рейдъ въ Мессопотамію, на соединеніе съ англійскими войсками, во главѣ 1-й сотни 1-го Уманскаго полка, будучи тогда въ чинѣ сотника. Правѣ его (†) Терець, юнкерь Акуловъ. Зарубленъ курдами въ неудачной конной схваткѣ на Кавказскомъ фронтѣ, у Дутаха, въ самомъ началѣ войны, въ 1914 г., въ чинѣ хорунжаго 3-го Волгскаго полка Терскаго Казачьяго Войска.. Стоить — Кабардинецъ - Терець (†) знаменитый Зарурь-бекъ Серебряковъ-Доутоковъ, который въ 1918 году возглавлялъ, въ чинѣ Ротмистра, Кабардинскую конную бригаду и, будучи вытѣсненъ красными со своей территоріи — вывелъ ее въ Баталпашинскій

отдѣлъ и въ 1919 году, въ чинѣ Полковника, подъ Царицыномъ, былъ безжалостно зарубленъ красными въ неудачной конной схваткѣ своихъ кабардинцевъ.

(Снимокъ относится къ 1910 г., въ Оренбургѣ)

Наряду съ этими видными юнкерами училища — съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что знаменитый Войсковой Атаманъ Забайкальскаго Казачьяго Войска Генераль-Лейтенантъ Семеновъ, является воспитанникомъ Оренбургскаго Казачьяго военного училища, которое окончилъ по первому разряду въ 1911 году, будучи юнкеромъ 1-го взвода.

(О. Е.)

стая братская казачья семья, гдѣ уваженіе дѣлалось только личнымъ качествомъ юнкера и только, такъ какъ ни титулованныхъ, ни богатыхъ, ни нѣженокъ, ни доносчиковъ среди юнкеровъ не было, а всѣ были буквально на 90 процентовъ — дѣти простыхъ казачьихъ земледѣльческихъ семействъ, и, попавъ въ училище, всѣ дорожили своимъ положеніемъ и трудились въ наукахъ откровенно, зная, что ихъ ждетъ впереди.

Поступая въ училище большею частью изъ строевыхъ частей, выпускаемые офицеры изъ Оренбургскаго училища были отлично подготовлены къ строю, а если принять во вниманіе, что многіе до поступленія въ него оканчивали даже учебныя команды въ полкахъ и потомъ еще въ училищѣ 3 года мялись въ сѣдлѣ — легко себѣ представить, какіе изъ нихъ выходили офицеры. И еще эта трехлѣтняя ѣзда на широкомъ вольготномъ плацу, долгій лагерь въ степи — съ мая по августъ — и парфорсная охота по осени — тѣмъ болѣе давали сами по себѣ многое. А зимою, при рыхломъ снѣгѣ — ѣзда всегда заканчивалась джигитовкой, не говоря уже о конномъ ученіи въ хорошую погоду. Рубка бывала каждый день. Кроме этого, большинству юнкеровъ 1-го специальнаго класса выдавали ежегодно, изъ ремонта, молодыхъ лошадей—«нсуковъ», которыхъ они сами выѣживали и уже на нихъ проводили ученіе цѣлыхъ два года, — до самаго выпуска въ офицеры. Въ лагерѣ же — ширь степи, ежедневныя конныя занятія, полевая съемка въ сѣдлѣ, а затѣмъ — 3-хъ недѣльный походъ по Оренбургской губерніи, гдѣ уже не полагалось никакихъ «конюховъ», а юнкера обязаны были обходиться съ лошадыю сами — все это вмѣстѣ взятое, давало каждому юнкеру твердость въ сѣдлѣ, вѣдряло устойчивое понятіе не только въ технику ѣзды, но и въ лошади и вырабатывали въ немъ естественное наѣздничество. Были, конечно, и недостатки: юнкера степныхъ Войскъ были привыкшіе, но насъ, кавказцевъ, не удовлетворяло:

1. Маленькіе, косматые, головастые и тугоуздые степные кони — киргизской породы. Тугоуздость ихъ была настолько велика, что въ лагерѣ, на сотенномъ ученіи, когда сотня переходила въ широкій наметъ, — 4-й взводъ, обычно, «распылялся». Схвативъ пику въ обхватъ, въ зажимъ локтя, а поводья въ обѣ руки, — таскали и въ такомъ положеніи, и какъ хотѣли, эти заносистые маштаки слабосильныхъ юнкеровъ 4-го взвода, пока сотня не останавливалась и они, движимые стаднымъ чувствомъ, сами не вскакивали безудержно въ строй, ломая его.

2. Простыя, грубой отдѣлки, неуклюжія сѣдла и къ нимъ, упряжнаго сорта ремни.

3. Громадныя тяжеловѣсныя степныя шапки. Вообще, въ снаряженіи и обмундированіи — учи-

лише хромало. Здѣсь чувствовалось — и даль его отъ «центра» и — 2-е положеніе, да и само зданіе — бывшія казармы — не ласкало глазъ снаружи. Но училище брало молодую душу юнкера своимъ уютомъ, простотой и сердечностью.

Въ 1913 году, военный министръ генералъ Сухомлиновъ, объѣзжая весь Туркестанъ, проинспектировалъ и Оренбургское училище. Какъ самъ конникъ и спортсменъ, онъ невольно остановился на конскомъ составѣ, и видно было, что лошади ему, опредѣленно, не понравились. А смущенная «поза», слегка расплѣвшаго баринообразнаго Начальника училища Генерала Стесарева, въ долгомъ положеніи «смирно» передъ министромъ, на училищномъ дворѣ, возлѣ конюшенъ, послѣ осмотра лошадей — ясно говорили намъ, юнкерамъ, выглядывавшимъ кучными толпами въ окно со второго этажа, что разговоръ былъ именно о лошадяхъ и не изъ пріятныхъ.

И насъ, кавказцевъ, пріѣзжавшихъ на каникулы къ себѣ въ станицы и сѣдлавшихъ дома своихъ изящныхъ, тонкихъ, нѣжноуздыхъ, поджарыхъ кабардинскихъ лошадей, — явно, тѣ кони, не удовлетворяли. Мы невольно тосковали и думали — эхъ, если бы наши горныя лошади да своя черкеска съ юнкерскими погонами, да и вообще — если бъ свое училище тамъ, на Кавказѣ... И это чувство вполне понятно и законно возникало у Кубанской и Терской юнкерской молодежи.

Не говоря уже объ ограниченности вакансій, какъ главной препонѣ для поступленія туда — это была еще жестокая даль... Четыре дня ѣзды поѣздомъ съ Кавказа до Оренбурга, суровый континентальный климатъ, чуждая обстановка, чужлая форма одежды... И было такъ, что поступавшіе изъ гимназій, которые дома никогда не носили свою казачью форму одежды — они при выпускѣ въ офицеры одѣвались такъ, что вызывали улыбку со стороны. Конечно, такой офицеръ не могъ же въ умѣнны одѣваться быть примѣромъ и учителемъ казаку въ сотиѣ. Это какъ будто мелочь, — (форма одежды), но она имѣетъ глубокое воспитательное значеніе, и если говорить о Казачествѣ — то, конечно, оно, Казачество, не должно быть ни въ пиджакахъ, ни въ галстукахъ.

Национально политическая партія въ странахъ, для будировація наибольшей гордости и возбужденія пульса, моральной сѣпки между собой, для героическаго пафоса, вырабатываютъ однообразную форму одежды, и, конечно, воинственную. Намъ же, казакамъ, остается только сохранить свою родную старую одежду — ее вѣковую стильно - красочную, бодрящую... Для Кавказскихъ казачковъ — Оренбургское училище не являлось въ этомъ отношеніи желаннымъ и — давало минусъ. И еще въ худшемъ положеніи была Кубанская мо-

тодежь, окончившая разныя пѣхотныя училища какъ-го: Тифлисское, Одесское, Чугуевское и другіе малозвѣстныя Кубани.

Насушность имѣть свое Войсковое военное училище выдвигалось замѣтно; да отчего же его и не имѣть Войску Кубанскому своего собственнаго или съ Терскимъ Войскомъ совмѣстно? Каждый годъ, изъ разныхъ училищъ, въ Кубанскіе полки и батальоны пріѣзжало отъ 3 до 5 молодыхъ хорунжихъ (въ каждый полкъ). Всѣхъ же первоочередныхъ пошковъ въ Войскѣ было 11, и 6 батальоновъ, а всего — 17 единицъ, не считая 5 баталей Войска. Слѣдовательно, Войско ежегодно комплектовалось приблизительно 75-ью молодыми офицерами, т.е. одно Кубанское Войско должно было бы уже имѣть свою собственную сотню юнкеровъ. Необходимость затраты Войсковой суммы вполнѣ окупилась бы не только моральнымъ удовлетвореніемъ и Войсковою горделивостью, но и достойною подготовкою на родной Кубанской территоріи своей Кубанской молодежи, въ достойномъ войсковомъ духѣ и своими же Кубанскими офицерами. И какъ былъ бы великъ наплывъ этой молодежи, въ свой родной и близкій сердцу, стольный городъ Екатеринодаръ — окруженный какъ матка пчелынымъ роемъ своихъ станицъ, богатыхъ, многонаселенныхъ... а отсюда — богатѣйшій выборъ комплектованія и навиду у Войскового Атамана — онъ безусловно былъ бы такъ великъ, такъ возможенъ, такъ желателенъ, такъ необходимъ. Начавшаяся Великая война, эту необходимость ярко выявила, и, уже въ 1915 г., въ Екатеринодарѣ, была открыта школа прапорщиковъ, мощная и солидная, принявшая въ свои объятія заслуженныхъ и боевыхъ вахмистровъ - подхорунжихъ и вольноопредѣляющихся Казачьихъ Войскъ. Чѣмъ бы это закончилось, эта Екатеринодарская школа прапорщиковъ, если бы война завершилась удачно для насъ, — остается теперь только гадать, но неожиданно развернувшіяся событія — захватъ власти большевиками во всей Россіи, а отсюда временныя государственная независимость Кубанскаго Края — все это невольно толкнуло на крайнюю необходимость установленія въ Войскѣ своего собственного военного училища, да еще такого громоздкаго, съ отдѣлами: пластунскимъ, коннымъ, артиллерійскимъ и техническимъ. Кстати, юнкера Кубанскаго Войска, главнымъ образомъ Николаевскаго кавалерійскаго и другихъ училищъ, послѣ разгрома большевиками ихъ училищъ на мѣстахъ, прибывшіе къ се

бѣ на родину, не знали куда имъ дѣваться и какъ закончить свое начатое военное образованіе. И вышло такъ, какъ говорить русская пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло... Потребовалось цѣлое разрушеніе Великой страны, чтобы Кубанское Казачье Войско возымѣло бы право и возможность создать свое собственное Кубанское военное училище, которое, къ сожалѣнію, пріютилось тогда гдѣ-то на окраинѣ города, — сѣро и незамѣтно, и красные, занявъ Екатеринодаръ — свое красное кавалерійское училище — сразу же помѣстили въ лучшемъ и нарядномъ зданіи во всемъ городѣ, — въ прекрасномъ, благородной архитектуры, зданіи Войскового Маринскаго женскаго Института... Тѣ рубанули смѣло и — слеча. Къ тому же — Войсковая гордость и достоинство, не были проявлены до конца: Кубанское военное училище принципиально и для доподлинности казачьяго пафоса — должно было бы носить шефство своего Войскового Атамана.

Въ Донскомъ Войскѣ, все это, и другое многое, выходитъ какъ то выпуклѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе...

«Кубанское Войсковое Атаманское военное училище» — звучало бы для сердецъ Кубанскихъ казаковъ, — проникновеннѣе.

Земно кланяюсь былому, далекому и милому: родному и разрушенному «красными» — Оренбургскому Казачьему военному училищу, которое за время своего существованія выпустило не одну сотню юнкеровъ - Кубанцевъ въ офицеры — но долженъ открыто сказать, что при всѣхъ возможныхъ вариантахъ возрожденія Россіи — Кубанскому Войску не придется командировать въ такую даль своихъ сыровъ... Мы приложимъ всѣ свои силы къ тому, чтобы Кубанское Войско сохранилось на своей территоріи свое Войсковое военное училище.

Дѣло будущаго Войскового Атамана и правительства, — какъ провести и закрѣпить этотъ необходимый вопросъ для Войска, но дѣло строевой подготовки и дѣло внѣдренія въ молодя казачьи души Войсковой Гордости и Казачьяго Пафоса, — сдѣлаемъ мы — кадровые офицеры.

Оренбургскаго Казачьяго военного училища, выпуска 1913 года,
взводный портупей-юнкеръ **Ө. Елисеѣвъ.**

„Битва казаковъ съ черкесами“

Ш

(Воспоминанія)

Представьте себѣ самую обыкновенную степную рѣчку, при тихой погодѣ съ неподвижно стоящею водою, благодаря длинной гати, задерживавшей воду на уровнѣ двухъ спусковъ мостовъ для стока лишней воды. По сѣверному, слегка повышенному отъ рѣки склону, расположены правильно въ три улицы, уютныя бѣлыя хаты съ огромными дворами и незатѣйливыми на нихъ постройками.

Всюду, куда только можетъ проникнуть глазъ, по улицамъ, виднѣются около хатъ палисадники и цвѣтушія въ нихъ растенія, а въ большинствѣ сады и вишневые садочки. По срединѣ же станицы рѣзко выдѣляется обширная площадь, съ небольшою церковью, тщательно крашеною бѣлою краскою и еще тщательно размалеванною ярко зеленымъ цвѣтомъ по карнизамъ и куполамъ. Вокругъ церкви въ рѣшетку, вся изъ зеленыхъ столбиковъ въ перемежку съ бѣлыми, опоясанныхъ зеленою лентою, а внутри ограды молодой вишнякъ и сливы, окаймляющіе съ трехъ сторонъ зданіе церкви. Это церковный садъ, который мы, дѣти, называли садочкомъ.

Настоящіе сады съ густымъ вишнякомъ, рослыми сливами, раскидистыми яблонями, большими грушами, могучими тополями и кудрявыми вербами, гѣсняты у рѣки по дворамъ, расположеннымъ ниже береговой улицы и примыкающимъ къ самой рѣкѣ. Заманчивыя это для дѣтей мѣста, какъ по своимъ соблазнительнымъ плодамъ, такъ и по густой и высокой растительности изъ конопля, болиголовы, лопуховъ, куки и камыша. Хорошо играть

здѣсь въ прятки или въ «овець і вовка». Юркнешь въ сокровенную поросль — и слѣдъ твой проствѣль. Куда тамъ найти волку даже глупую овцу!

А тамъ, на верхушкахъ вербъ и тополей, цѣлыя полчища грачей, галокъ и воронъ! И такъ они всегда тремко кричатъ и живо напоминаютъ о себѣ, столько тамъ гнѣздъ, что, бывало, сердце бьется при одной мысли о возможности взобраться на самую верхушку тополя и наложить «повный картузь» грачиныхъ яицъ изъ чернѣющихъ въ вѣтвяхъ гнѣздъ или забрать изъ гнѣзда маленькихъ пищащихъ галчатъ. Сильно было у меня это желаніе, но признаюсь откровенно, что ни разу не каснулась моя рука ни яицъ, ни птенчиковъ, и не потому, что рисковано было взбираться на верхушки большихъ деревьевъ, а какъ то брала охота, а рука не налегала.

Сады въ свою очередь отлѣяются широкою степною рѣчкою, съ тихою - тихою и блещущею отъ солнца, какъ огромное зеркало или слегка дрожащею, какъ расплавленный металлъ, водною поверхностью, когда бываетъ свѣтло и безвѣтренно, въ особенности утрами и передъ вечеромъ. Когда же бушуетъ вѣтеръ и зеркальная поверхность превращается въ мутную сѣроватую жидкость, тогда по поверхности ходятъ волны большія, сѣрыя и шумящія, точно онѣ гоняются одна за другою съ оскаленными зубами въ видѣ бѣляющихъ на нихъ гребчей и стараются съѣсть, поглотить одна другую. Мои сверстники, деревянковскіе казаки, были того мнѣнія, что «то рѣчка сердится на віпер за скале зуби».

Къ противоположному берегу рѣки прилегаеть въ одномъ мѣстѣ высокой и тонкой камышь, перемежающійся сначала съ зеленымъ лознякомъ, дальше совершенно исчезающій въ старомъ саду при хуторѣ вдовы есаула Пригули. О! Это былъ завѣтный для меня уголокъ, попасть въ который я всегда мечталъ, сидя на противоположномъ берегу рѣки. Если бы только, думалось мнѣ, старый Шень рыболовъ взялъ меня въ каюкъ, на которомъ онъ ѣздилъ на ту сторону рѣки «трусить рыбу в веитеряхъ і кошкахъ», то я нарѣзала бы цѣлый пукъ наилучшаго камыша для себя и пріятелей и мы на-

дѣлали бы изъ него чудесныхъ верховыхъ лошадей, ружьевъ и шашекъ.

Но сегодня поразительная тишина въ станицѣ. И галки съ грачами молчатъ, и вороны не каркаютъ, и старого Шеня не видно на рѣкѣ, и на улицѣ никто не показывается. Всѣ и все точно спятъ. Въ станичномъ правленіи ямщики и десятники, въ лавкахъ — лавочники, въ кабакѣ — кабатчики — всѣ смиренно сидятъ по своимъ мѣстамъ вялые и

безжизненные. Жарко, невыносимо жарко и душно. Станичное населеніе почти все въ степи.

И вотъ, среди этой дремотной обстановки, я съ гурьбой казачатъ несусь по пыльной улицѣ. Это, изволите ли видѣть, войско, составленное изъ вольныхъ казаковъ, изъ которыхъ одни бросили порученныхъ имъ для присмотра телятъ, другіе — гусей, третьи — свиней, а четвертые, какъ истые запорожцы, бѣжали съ мѣсть осѣдлости — претро-

ПРОФЕССОРЪ ФЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ШЕРБИНА

Популярно-извѣстный Кубанскій Историкъ, писатель и общественно-политическій дѣятель. Сынъ казака-священника, родился 13—26 февраля 1849 г. въ станицѣ Новодеревянковской, Ейскаго отдѣла.

Редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что ей не удалось получить ко времени выпуска настоящаго сборника обстоятельныя біографическія данныя о маститомъ юбилярѣ и его 60-лѣтней литературной и общественно-политической дѣятельности и о многихъ трудахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за столь долгій періодъ неустанной работы.

тивныхъ въ лѣтнюю пору хать, въ которыхъ только потому нужно торчать, чтобы не забрался въ нихъ цыгане.

Я впереди войска, потому что состою его командиромъ. Подо мною превосходная лошадь, самая толстая и длинная камышина, которую привезъ мнѣ съ того берега старый Шень; въ рукахъ плетка изъ хорошо скрученной веревки, за спиною на перевязи ружье, великолѣпная вишневая палка, которую, къ моему горю, Юминъ Коржъ, драчунъ и забяка, нанявшійся къ намъ на срокъ, предательски превратили потомъ въ чубукъ къ трубкѣ; слѣва, сбоку, на ниткѣ, болталась шашка изъ камыша, спереди у ременного пояса торчалъ камышевый кинжалъ, а сзади къ тому же поясу прикрѣпленъ цѣлый пукъ мочалы. Это — хвостъ. Когда бѣжишь верхомъ на камышѣ, то оно болтается, какъ настоящей лошадиный хвостъ.

И все войско также на коняхъ и также основательно вооружено, какъ и командиръ; у каждаго казака, кромѣ того, торчало вверхъ ратище изъ длинной камышины, прикрѣпленной къ поясу и къ лѣвой рукѣ. Только у меня — офицера, да у трубача Панасенка нѣтъ ратища; намъ, по нашимъ военнымъ правиламъ, не полагалось этого оружія. За то у меня и трубача красовались на плечахъ бумажные эполеты и мнѣ казалось, что они настоящіе серебрянные, а у знаменосца Савки Віхра къ пикѣ была привязана красная тряпка. Это — знамя. «Отрядъ стой» — команду я, въ совершенствѣ подражая маленькому ростомъ, но шустрому уряднику нашей станицы, обучавшему «малолітків», очередныхъ молодыхъ казаковъ, пѣшему и конному строю на церковной площади.

И у казаковъ сразу остановились лошади, какъ вкопанныя въ землю.

Я внимательно смотрю вдоль по улицѣ и на церковную площадь. Кажется кто-то скрывается въ проулкѣ. Это навѣрно черкесы. Надо принять мѣры, послать лазутчиковъ. Но тутъ, какъ на грѣхъ, мой конь взбѣлѣнился. Изъ всей мочи дергаю я за нитяную уздечку и стегаю его плетью, но конь не унимается. Онъ вертится взадъ и впередъ возлѣ отряда, брыкается, приподнимая нѣсколько разъ вверхъ заднюю часть камышины, топчетъ ногами и хрюкаетъ. Я въ совершенствѣ продѣлываю эти «выкрутасы» и буквально задыхался; потъ пробралъ меня всего, съ головы до пятъ, а крупными каплями катился по лицу, а лошадь все сильнѣе и сильнѣе бѣсилась...

Отрядъ, покорный командѣ, стоялъ безъ движенія. По всему было замѣтно, какъ казаки живо интересовались, какъ командиръ раздѣлывалъ своего скакуна. На лицахъ суровыхъ воиновъ такъ и свѣтилось одобрительное выраженіе «от так! так! Гарненко дучційте чортяку!». Нехай слушається папа командира! И многимъ хотѣлось проучить

и своихъ коней, но дисциплина не позволяла этого. Вдругъ во всеуслышаніе раздался чей то голосокъ: «смогли, смотли, як у пана командила лозмудовалася плеклята коняка! Иш, иш, як бликається!»

Мой конь мгновенно присмирѣлъ.

«Хто сміє у фронті балакати?» — грозно кричу я обратившись къ отряду и самъ чувствую, какъ у меня закипѣлъ начальнической гнѣвъ.

Въ отрядѣ мертвое молчаніе, а я дико, какъ разсмирѣлѣвшій полковникъ на генеральномъ смотрѣ, вращаю глазами.

«Під ареш!» — раздается мое грозное приказаніе.

И самый крошечный въ моемъ отрядѣ казакъ Ивась Омельченко, возсѣдающій верхомъ на своей тоненькой камышинкѣ, безъ шапки, съ бѣлосоватой всклокоченною головенкою, плохо вооруженный и еще влоще одѣтый, босой, безъ штановъ, въ одной подузодранной рубашенкѣ, медленно выѣзжаетъ изъ строя, насулившись и всхлипывая...

Вдругъ вдаль показались черкесы.

«Ивась Омельченко во фронтъ марш!» — команду я.

Обрадованный Ивась живо преобразился, сдѣлалъ поворотъ назадъ, топоча во всю мочь отъ удовольствія маленькими ножками, и даже его голая лошадь при этомъ случаѣ зафыркала и лягнула. Что подѣлаешь? Ни одной смирной лошади во всемъ отрядѣ не было.

«Отрядъ сирр-ройся! Жив-во!» — снова раздается моя команда.

Всѣ лошади загопали ногами и стали ржать, точно имъ удержку не было.

«Мар-риш!» кричу я, что называется не своимъ голосомъ, стегаю своего присмирѣвшаго коня нагайкою и — сломя голову, скачу впередъ.

За мной вихремъ несется весь отрядъ. Пылъ столбомъ взвилась подъ топотомъ босыхъ ногъ скачущихъ казаковъ и ерзающихъ камышинокъ. Слышно было, какъ сопѣли и задыхались всадники. У кого то треснула отъ неосторожной ѣзды камышинка, у трубача Панасенка оборвалась одна эполета и боталась по воздуху, у малорослаго Иваса Омельченка показался подъ носомъ длинный бѣлый червякъ, но бравому казаку некогда было съ нимъ справиться. Всѣ были воодушевлены и скакали съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить врага. Ой, плохо, очень плохо придется черкесамъ.

Вдали по улицѣ поднялся столбъ пыли и показались какія то фигуры. Это дѣйствительно были черкесы. Они гадѣли и выкрикивали что-то на непонятномъ языкѣ. Извѣстно нехристи и бусурманы! Такъ же какъ и мы, они были на коняхъ и въ вооруженіи изъ камышевыхъ материаловъ.

Оба войска — казачье и черкесское, мчались од-

но противъ другого. Разстояніе между ними съ каждой минутой уменьшалось. Со стороны любо было смотрѣть на беззащитную удаля казакѡвъ и черкесѡвъ. По всему видно было, что быть ужасной битвѡй. Еще минута и непріатели будутъ лицомъ къ лицу.

Въ это время со стороны казакѡвъ слышались учащенные выстрѣлы: бухъ! бухъ! бубухъ! баць! баць! бабаць! Джи! джи! -- каждый по своему стрѣлялъ изъ ружья, хотя самыя ружья и висѣли у казакѡвъ за плечами, но каждый непремѣнно пустил изъ открытаго рта нѣсколько пуль въ непріателя.

Черкесы не стрѣляли, но одни изъ нихъ неистово вопили: «Алла! Алла!», а другіе почему то по собачьи лаяли «гамъ! гамъ! гавъ! гавъ! гававъ!» и даже рычали. Трудно было предположить, чтобы это былъ черкесскій языкъ, но на иномъ языкѣ тѣ черкесы, которые летѣли на казакѡвъ, не умѣли изъясняться.

Въ то время, какъ дикій казакъ Цыбуля вывондиль силымъ, но громкимъ голосомъ: «гу, гу, гу, гу!» изображая и голосомъ и своею особою съ толстыми губами нѣчто вродѣ пушки, а трубачъ Панасенко во все горло наигрывалъ наступательный маршъ: «тру, тру, трутуту!» казаки и черкесы сблизились и сѣблились.

Пальба прекратилась, но за то шумъ, неистовые крики, точно бурный потокъ стремительной горной рѣчки, гудѣли, хлокотали и стопами носились, оглашая воздухъ.

Я сразу почувствовалъ, какъ мой ретивый конь лишился превосходнаго мочальнаго хвоста и — увы! — виновникомъ этого несчастья быть не озвѣрѣвшій черкесъ, а своей же неуклюжій пушкаръ Цыбуля, который, бывало, если ужъ наступить своими клешнями на что нибудь, то не выпуститъ изъ-подъ нихъ ни мочальнаго хвоста, ни болтающейся геревопки. Лишившись лучшаго изъ всей амуниціи украшенія, я очутился сзади отряда. Лично мнѣ не съ кѣмъ было драться. По нашимъ военнымъ правиламъ требовалось, чтобы начальникъ дрался непремѣнно съ начальникомъ, а подначальные съ подначальными. Черкесскій же начальникъ, какъ въ воду кануль. Тутъ можно было подозрѣвать военную хитрость.

Только занявши у своего отряда удобную позицію, я получилъ возможность взглянуть, какъ слѣдуетъ, на ряны непріателя и, взглянувши внимательно на черкесѡвъ, я пришелъ въ изумленіе. Всѣ черкесы оказались съ черными пречерными рожами, точь въ точь, какъ негры или эфіопы, нарисованные на картинкахъ, чего раньше въ горячахъ я не замѣтилъ. Черкесы, видимо, не пожалѣли сажи для раскрашиванія своихъ физиономій. Но рассчитанная на устрашеніе противниковъ раскраска физиономій ни мало не устарила казакѡвъ.

Начался бой. Казаки и черкесы вплотную сблизились другъ къ другу, гремѣли камышевымъ оружіемъ, усиленно топотали ногами на одномъ мѣстѣ и еще усиленнѣе старались перекричать одинъ другого. «Яманъ! Яманъ!» — горлали казаки. «Твоя чушка! Твоя собак!» — ревѣли въ отвѣтъ имъ черкесы. Роли какъ бы перемѣнились и казаки ругались на черкесскомъ, а черкесы на русскомъ языкѣ. Одинъ лишь черкесъ Пимоненко старался изобразить своею особою настоящаго азіата и, наступая на урядника Сырыця, настойчиво вопилъ: «якши з місця! якши з місця!» и хотя якши означало хорошо, а никакъ не прочь съ мѣста, но Сырыця по своему понялъ врага и задорно выкрикивалъ: «а дулі, яман, не хочешь?» и тыкать ему дулю. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто-бы казаки и черкесы исполняли на своихъ ретивыхъ коляхъ какой-то военной танецъ.

Но вотъ изъ заднихъ рядѡвъ черкесскаго отряда выскочилъ ихъ коноводъ Яцько Страженко. Онъ показалъ мнѣ свой языкъ и скорчилъ препротивную рожу. Я плюнулъ отъ негодованія въ его сторону, но ловко попалъ плевромъ въ затылокъ своему же уряднику Василью Сырыці. Яцько между тѣмъ началъ тарпевать на лошади сзади черкесскаго отряда. Я послѣдовалъ его примѣру. Кони наши храпѣли и ржали, мы подпрыгивали насколько было можно, вверхъ, крутили головами, заставляли камышинки брыкать и продѣлывали всевозможные военные артикулы въ такомъ родѣ. Вдругъ Яцько стремительно бросился на нашего знаменосца Вихря и, съ ловкостью истаго черкеса, сломалъ у него пику и оборвалъ знамя.

Тутъ уже я не выдержалъ и прямо ринулся на Яцька. Помилуйте! Онъ, нехристь этакій, коснулся нашего знамени! Вѣдь это оскорбленіе нашей военной чести. Я рѣшилъ жестоко наказать дерзкаго горца, но горецъ, ловкій и юркій наѣздникъ, пустился вокругъ обоихъ отрядѡвъ своего и казачьяго, дѣлая прекомичные прыжки и все время дразня меня высунутымъ языкомъ, а я, олицетворенное мщеніе за поруганную казачью честь, изъ силъ выбивался, чтобы догнать и проучить дерзкаго наѣздника: но, очевидно, наѣздникъ былъ на настоящемъ «кабардинцѣ», за которымъ трудно было угнаться на простой казачьей лошади.

Наша скачка въ перегонки послужила общимъ сигналомъ для болѣе энергичныхъ дѣйствій и казаки сбѣгли съ черкесами въ рукопашную. Затрещали подъ всадниками кони, начали ломаться пики, сабли и ружья и на первыхъ порахъ круто пришлось одному камышу: пострадали коня и поломалось оружіе. Но чѣмъ больше слышалось камышеваго треска, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти. Шустрый черкесъ Максимъ Пьявка ухитрился схватить сзади за туловище длинноногаго знаменос-

ца казака Савку Вихря да такъ и повисъ на немъ. Напрасно Вихоръ пытался сбросить противника, таская его за собою. Послѣдній вѣсплился, какъ клещъ въ своего соперника, и не выпускалъ его изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Урядникъ Сырыця повергъ на землю черкеса Пимоненка и усердно отсчитывалъ ладонью шлепки по тому мѣсту неприятельской фигуры, которое предназначалось у храбрыхъ воиновъ для прикрѣпленія лошадиного хвоста, приговаривая при каждомъ шлепкѣ: «ось тобі якши з мѣся, ось тобі якши з мѣся!» чѣмъ, конечно придать совершенно иное значеніе слову «якши». Пушкаръ Цыбуля возился разомъ съ двумя черкесами, при чемъ одинъ черкесь кричалъ уже на чистомъ украинскомъ языкѣ: «пусты, Цыбуля! пусты, черыка!», а другой плакалъ и зъ этимъ случаемъ, кажется, по настоящему, какъ плачуть и черкесы.

Наконецъ, и мнѣ удалось настичь своего противника. Моя лошадь хотя и не могла соперничать въ быстротѣ бѣга съ черкесскимъ скакунномъ, но казалась выносливѣе и, что называется, загоняла черкесскаго жакла. Нагнавши черкесскаго жокака, я, въ горячахъ, пихнулъ его камышевой шашкой прямо въ щеку. Ударъ вышелъ удачный — отъ праваго глаза до подбородка во всю щеку образовался порѣзъ и показалась кровь. Но разгоряченный Яцько нижего не замѣчалъ и, вѣсплившись въ меня, какъ кошка, циналъ, царапалъ и толкалъ меня, куда полато. Тогда и я пустилъ въ ходъ излюбленный въ нашей фехтовальной практикѣ приемъ: цапнулъ Яцька зубами за носъ и въ азартѣ укусалъ его такъ больно, что свирѣпый черкесь заоралъ благимъ матомъ. Я невольно выпустилъ изъ рукъ своего болѣе слабаго противника, а противникъ, замѣтивши, что у него сочится со щекъ кровь, окончательно растерялся и пошатываясь, направился въ сторону отъ побойща, громко выкрикивая: «ой! ой-ой, кров тече!». Выходило нѣсколько не по черкесски и я это чувствовалъ, ибо и самъ началъ всхлипывать, до того мнѣ было жаль несчастнаго Яцька.

Сраженіе между тѣмъ пришло къ концу. Кто кого побилъ, трудно было сказать — но съ обѣихъ сторонъ были «убитые и раненые» какъ полагалось въ военныхъ дѣлахъ. «Убитые» лежали въ пыли по улицѣ въ растяжку съ раскинутыми руками и посмѣивались себѣ подъ носъ, избравши съ начала боя благою частью — лежать, не принимая участія въ бою, а «раненые» и даже вышедшіе изъ борьбы безъ чванъ въ гнѣвѣ грозили своимъ противникамъ кулаками и ругались да перекорялись.

Подъ заборономъ сидѣлъ нашъ храбрый Ивасъ Омельченко и заливался горячими слезами. «Ой, мамочка буде бить! Ой, мамочка буде быть!» — повторялъ онъ безперестанно, держа въ рукахъ

единственный свой костюмъ — разорванную въ боѣ рубаху.

Три черкеса и три казака, отбѣжавши на приличное разстояніе въ разныя стороны, пускали другъ въ друга комки земли, при чемъ и черкесы и казаки не успѣли еще хорошенько стереть съ лица — одни сажи а другіе слезы.

— «А у вас с голоду свини цілий чень кувіають і кури пізно несуться, бо ви їх не годузете» — укорялъ черкесь казака.

«А ваша свиня поросятко свез зіла» — отвѣчалъ казакъ.

— «А у твоєі мамки припічок покудупався и долівка не мазана!» — продолжалъ черкесь посылать казaku укору, слышанные имъ во время ссоры взрослыхъ женщинъ и грозить издала кулаками.

— «А наш рярко покусав вашу куллату собаку!» парировалъ въ отвѣтъ противникъ и, по видимому, твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что чувствительно^о дязвить черкесское самолюбіе.

Знамисоєць Савка Вихоръ, стоявшій рядомъ со мною и безсознательно толкавшій меня спиною, забывши правити военной дисциплины, ругалъ черкеса Цыявку дозволено неприличными словами и грозилъ побить его.

Въ отвѣтъ на это Цыявка, благоразумно удрани отъ противника на приличное разстояніе, кривляясь и прыгая на одной ногѣ, на-распѣвъ тянулъ: «Савка булава на собакъ гавка! Савка булава на собакъ гавка!»

Самъ я печально провожалъ глазами медленно удалявагося по улицѣ Яцька и не чаялъ, что и падо мною собиралась гроза. На мою бѣду битва казаконъ съ черкесами происходила вблизи нашего двора. Моя мать только что заснула въ кладовой, закрывши ставни и выгнавши предварительно мухъ изъ этого прохладнаго помѣщенія; но наши неистовые крики разбудили ее. Она вышла изъ кладовой во дворъ, что бы узнать, что означаютъ эти крики. Какъ разъ въ тотъ моментъ мимо нашего двора плелся голосившій коноводъ черкесовъ. Мать, увидѣвши окровавленнаго Яцька, немедленно потащила его во дворъ къ колодцу, обмыла кровь холодною водою изъ ведра, смыла съ лица сажу, достала кусокъ полотна и перевязала имъ поцарапанную щеку переставшаго плакать Яцька.

— Кто це тебе так шморгонув? — спрашивала моя мать Яцька.

Яцько молчалъ. Увидѣвши, что моя мать возится съ Яцькомъ и онъ пересталъ уже плакать, я подошелъ ближе къ нашему двору.

— Кажі ж, хто тобі щоку порізав, мабудь комішиною? — наставвала моя мать.

Яцько буркнулъ:

— Еге-ж комишиною.

— Та ти не егекай, а скажи, хто тебе покровянив? — продолжала допытываться мать.

— Та то я сам себе... — врать Яцько.

Моя мать съ изумленіемъ глядѣла то на Яцька, то на улицу, гдѣ продолжались еще перекоры между казаками и черкесами. Я чуть не размѣялся, услышавши отвѣтъ Яцька и зная его плутовскія замашки. Но мать, повидимому, скоро сообразила, какъ произошло пораненіе камышиною и гдѣ слѣдовало искать виновника порѣзанной щеки.

— Брешиш! — сердито оборвала она Яцька. — Признавайся, зъ кимъ ты бився и кто тобѣ пустивъ кровъ? А якъ не скажеш, то я заразъ призову суди твоего батю.

При имени бати, прижатый къ стѣнкѣ черкесъ выпалилъ: — Та воно не болить.

— Ну, — настаивала мать, кажи хто?

Убы! Годоворѣзь черкесъ не выдержалъ дальнѣйшаго напора, чувствуя, что своей матери нельзя «заговорить зубовъ», на что онъ былъ большой мастеръ. Кинувши взглядомъ въ мою сторону, онъ уклончиво прошепталъ, потупя глаза въ землю:

— Та то... то Федька ненарошне.

— Який Федька? — съ недоумѣніемъ спрашивала мать, хорошо зная, что я и Яцько были закадычными друзьями и никогда не дрались другъ съ другомъ. Я не зналъ, что дѣлать и не безъ волненія замѣтилъ, что черкесы и казаки, увидѣвши, что на нашемъ дворѣ Яцько попалъ въ руки моей матери, стали кучками подходить къ нашему двору, любопытствуя узнать, что тамъ происходитъ.

Яцько не выдержалъ и прошепталъ: «Федька... Федька в...ваш!».

И вотъ тутъ на глазахъ чуть ли не всѣхъ воиновъ изъ обонхъ отрядовъ, произошелъ неожиданный для меня скандалъ. Моя мать быстро подбѣжала ко мнѣ и, схвативши командира казаковъ за руку, потащила меня во дворъ, награждая за мои военныя доблести шлепками и приговаривая во всеулышаніе казаковъ и черкесовъ: «ахъ ти розбойникъ! ахъ ти розбойникъ!».

Профессоръ **Ө. А. Щербина.**

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА

(посвящается казачатамъ)

Подожди, не спи, мой милый,
Еще рано спать,
Я хочу тебѣ, мой милый,
Кой что рассказать.
Ты не знаешь, свѣтикъ ясный,
Нашу старину...
Ну, такъ слушай, ненаглядный —
Я сейчасъ начну:
Миръ когда-то содрогнулся,
Началась война
И въ войнѣ, не съ фронта — съ тыла —
Русь побѣждена...
Озвѣрѣвшіе солдаты,
Бросивъ фронтъ, ушли...
Все, чѣмъ Русь была богата —
Грабили и жгли...
А людей... людей-то, Боже,
Гибло на Руси.
Не имѣлъ кто «красной» рожи,
Всѣхъ руби, коси...

Уцѣлѣли въ грязной тинѣ
Честные полки,
Какъ оазисы въ пустынѣ —
Были казаки.
Шли на родину походомъ,
На своихъ коняхъ,
Межъ взбѣсившимся «народомъ» —
Въ селахъ, городахъ.
Не пришлось имъ, по станциямъ...
Долго отдыхать.
Подходила ужъ къ границамъ
«Сѣверная рать».
Храбро, стойко, на границахъ
Бились казаки...
Шли за Край-Родной рубиться
Дѣти, старики...
Врагъ несчетный шель толпою,
Сто на казака,
И не вѣдала покою
Сильная рука.
Какъ ни сильны были руки,
Но онѣ однѣ
Утомилась въ тяжкой мукѣ
День за днемъ въ огнѣ.
Что творилось въ это время...
Ой! — кошмарный сонъ...
Не подь силу было время —

Слезы, кровь и стонъ...
 Ужь не сполохъ по станицамъ, —
 Пожары горять,
 Все въ смятеніи, даже птицы
 Къ небесамъ летять.
 Заклубилась по дорогѣ
 Облаками пыль,
 Зашатался весь въ тревогѣ
 Степовой ковыль.
 Бросивъ гнѣзда вѣковья,
 Казаки пошли,
 И знамена Войсковья
 Надъ собой несли.
 Отъ Родныхъ Съдыхъ Кургановъ,
 Дѣдовскихъ могилъ,
 Съ помутнѣвшимъ взоръ туманомъ
 Правнукъ уходилъ.
 Поклоняся всеѣмъ станицамъ,

Атаманы шли,
 И дружины за границу,
 За собой вели...
 Сколько горькой тяжкой доли
 Пережили мы,
 Дай-то, Богъ, такой юдоли
 Не видали-бъ вы...
 Разказать бы можно много...
 Все ли ты слыхаль?
 За тяжелую дорогу,
 Что казакъ видалъ?
 Спи, соколикъ, только «сказки»
 Свято береги...
 Знай во снѣ, закрывши глазки,
 Гдѣ твои враги...

.Есаулъ Е. Булавинъ.

С. Америка.

А. С. ФЕДОРОВЪ / Лантухъ /

(ПОЛКОВНИКЪ, ДОКТОРЪ ПРАВЪ, ИНЖЕНЕРЪ-ЭКОНОМИСТЪ)

(Къ двадцатилѣтнюю журналистическую дѣятельности)

Сергѣй Алексѣевичъ Федоровъ (Лантухъ) родился 13-го января 1891 года въ станицѣ Лабинской, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ мѣстной команды. Родъ его числится по станицѣ Расшеватской, въ которой, по преданіямъ, прадѣдъ былъ первымъ атаманомъ, единственно грамотнымъ человѣкомъ въ станицѣ.

Все свое дѣтство С. А. проводилъ между казаками, которые были пріятелями и «воспитателями» его.

Въ станицѣ онъ началъ посѣщать начальное училище, но на слѣдующій годъ перешелъ въ 4-е Екаторинодарское городское училище.

Въ 1899 году С. А. поступилъ въ Кубанское Александровское реальное училище, которое окончилъ въ 1908 году. Какъ въ начальныхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ, С. А. учился очень хорошо и изъ года въ годъ переходилъ съ наградами. Уже въ младшихъ классахъ онъ проявилъ склонность къ литературѣ и писать дѣтскіе, незатѣйливые стихи.

Другимъ увлеченіемъ его были военныя игры.

Въ 1908 году, по окончаніи реального училища, С. А. поступилъ въ Казанское военное училище.

Здѣсь, въ младшемъ классѣ, юнкера издавали нелегальный рукописный журналъ, въ которомъ С. А.

завѣдывалъ отдѣломъ сатиры и юмора, за что, однажды, понесъ наказаніе.

Въ 1910 году С. А. былъ произведенъ въ хорунжіе и вышелъ бо 2-й Кубанскій пластунскій батальонъ, на сослуженіе съ отцомъ.

Черезъ два мѣсяца, онъ былъ командированъ съ сотней въ Военный отдѣлъ Терской области, для борьбы съ абречествомъ и Зелимханомъ, гдѣ на него было возложено веденіе дневника военныхъ дѣйствій. Здѣсь С. А. сблизился съ горцами, завелъ кунаковъ даже среди абрековъ, исходилъ вдоль и поперекъ дебри Кавказа и основательно познакомился съ бытомъ и нравомъ горцевъ; результатомъ этого впоследствии появились его воспоминанія: «По стопамъ Зелимхана».

Черезъ годъ сотня возвратилась въ гор. Душетъ и здѣсь, наблюдая монотонную и неприглядную жизнь пластунъ, слыша жалобы старыхъ офицеровъ, онъ рискнулъ взять перо въ руки и вылить казачьи горести на страницахъ печати.

Въ 1911 году появился рядъ статей С. А. Федорова въ газетѣ «Инвалидъ» и журналѣ «Развѣдчикъ». Первая статья: «Горе забытыхъ», обратила вниманіе одного изъ немногихъ казачьихъ публицистовъ Подъесаула Калаушина, приславшаго теплое

письмо. Заниматься публицистикой в то время было не так просто: все статьи проходили строгую цензуру и только благожелательное отношение гачальства спасало от преследований, когда острое перо «Линейца» больно кололо власть имущих и когда на писателя падали опытные, матерые шпайные волки. В это время С. А. печатался уже в журнал «Офицерская Жизнь» и газетах: «Тифлисский Листок», «Кубанские Областные Ведомости» и «Кавказский Край», не раз и очень сильно будоража людей и добиваясь исправления несправедливостей над казаками, офицерами и их семьями. Пробовал он свое перо и в области сатиры и юмора и первое же его произведение «Саркисъ под надзоромъ» доставило новых врагов. Начальство его цѣнило за работоспособность и возлагало одновременно необыкновенное множество должностей и обязанностей, несмотря на то, что аттестовало как «безпокойнаго и вѣяющаго на умоустроене офицеровъ».

Вспыхнула война и в первом же бою С. А. заработал орден св. Владимира, а вслѣдъ Анну «За храбрость». Съ пластунами С. А. продѣлалъ всю славную боевую эпопею — Сарыкамышъ, Кабарганъ и т. д.

Въ 1915 году, совершивъ съ пластуноскою бригадою всѣ легендарныя операции пластуновъ в Галиции, за что получилъ помимо всѣхъ боевых наградъ, чинъ Поттесаула, онъ былъ вызванъ въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, куда просился еще передъ войною. Кончилъ онъ ее вторымъ и вышелъ въ Морскую Воздухоплавательную роту, гдѣ сформировалъ 1-ю наблюдательную станцію съ которой провелъ на Рижскомъ фронтѣ всѣ боевые дни. Окончилъ, а затѣмъ преподавалъ на Морскихъ Воздухоплавательныхъ курсахъ. За свою боевую дѣятельность произведенъ въ чинъ Подполковника со старшинствомъ съ октября 1916 года.

Насталъ Корниловскій переворотъ и большевизмъ. С. А. былъ преданъ суду Революціоннаго Трибунала за контръ-революцію, но былъ оправданъ, такъ какъ было доказано, что режимъ, установленный С. А. по казачьему укладу, очень нравился нижнимъ чинамъ и что до революціи они преподнесли ему кортикъ, а послѣ нея—присудили Георгіевскій крестъ съ лаврами.

Видя разруху всего, С. А., по предложенію украинцевъ — воздухоплателей, организовалъ особый Воздухотрядъ и послѣ борьбы съ большевиками вывелъ его въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ принялъ живѣйшее участіе въ борьбѣ съ большевиками, будучи Начальникомъ Штаба Партизанскаго Отряда. Работалъ одновременно по организационной Воздухочастей и состоялъ слушателемъ консульскаго отдѣленія Ближневосточнаго Института.

Здѣсь онъ, совместно съ посломъ Юго-Восточнаго Союза Ф. Ф. Шапкинымъ отправлялъ людей на Донъ и Кубань для борьбы съ большевиками и переправлялъ вооруженіе и припасы, выкраденныя отъ немцевъ.

Въ январѣ 1919 г., возвращаясь въ Войско, С. А. занялся формированіемъ Воздухочастей въ Войскѣ и Доброварміи, принимая участіе въ работахъ ко-

Первый Командиръ Кубанскаго воздухоплавательнаго дивизиона, Полковникъ С. А. Федоровъ (докторъ правъ, инженеръ-экономистъ).

мисси Рады и военнаго Министерства. Лѣтомъ того же года, несмотря на проливодѣйствіе Н—ка штаба Добрарміи Ген. Романовскаго, былъ сформированъ Кубанскій казачій Воздухоплавательный Дивизионъ, первымъ командиромъ котораго былъ назначенъ онъ — Полковникъ С. А. Федоровъ. Съ нимъ С. А. продѣлалъ «Голодный походъ», Крымскую эпопею, Лемпосъ. Въ послѣдніе дни Крыма онъ состоялъ въ качествѣ штабъ-офицера для по-

ручений при Предсѣдателѣ Временнаго Кубанскаго Правительства, Ген. Поповѣ.

Лѣтомъ 1921 г. окончивъ службу по войску, С. А. въ Дубровникѣ занялся физической работой, временною полисывая въ эмигрантской прессѣ, защищая казачьи интересы.

Въ 1922 г. переѣхалъ въ Чехословакію, поступивъ въ Украинскую Господарскую Академію въ Подебрадахъ. Тамъ было уже нѣсколько кубанцевъ, которые организовали свое землячество, избравъ первымъ старостой С. А. Землячеству пришлось выдержать жестокую борьбу за право своего существованія.

Одной изъ первыхъ научныхъ работъ С. А. было составленіе «Очерка Экономической географіи Кубани», впоследствии напечатаннаго въ Академическомъ журналѣ и выставленнаго въ 1923 г. на Академической выставкѣ въ Подебрадахъ.

Занимаясь наукою, стоя во главѣ организованнаго имъ кооператива, С. А. не оставлялъ въ сторонѣ казачьей жизни и принималъ участіе въ различныхъ эмигрантскихъ журналахъ.

Въ результатѣ длительной работы, имъ былъ написанъ большой трудъ «Казачья Нація», въ теченіи двухъ семестровъ читавшійся на семинарѣ социологій въ Академіи.

Одновременно съ прохожденіемъ курса въ Академіи, С. А. вступаетъ на юридическій факультетъ Украинскаго Университета въ Прагѣ, который заканчивающъ въ 1926 г. съ дипломомъ доктора правъ, а въ 1927 г. советъ профессоровъ утверждаетъ его профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ исторіи права. Въ этомъ же году онъ оканчиваетъ Академію по отдѣлу мѣстнаго самоуправленія съ дипломомъ инженера - экономиста и зачисляется на историческое отдѣленіе философскаго факультета въ Прагѣ и на отдѣлъ промышленности въ Академіи, который оканчиваетъ въ слѣдующемъ году, а философскій факультетъ — въ 1931 году.

Всѣ эти годы С. А. ведетъ самую напряженную работу, результаты опубликовываетъ въ журналахъ: «Казачій Путь», «Путь Казачества», «Казачій Споллохъ», «Кубанскія Думки», «Кубань», «Вольное Казачество», «Казачье Дѣло», «Родимый Край», «Кубанское Казачество», «Кавказскій Казакъ», «Кубанская Старина и Современность», «Россія», «Записки Украин. Господ. Акад.» и др. русскихъ, украинскіхъ, чешскихъ и иныхъ журналахъ и газетахъ въ Чехословакіи и за-границей. Статьями его интересуются, въ Америкѣ переводятъ на иностранные языки; на Чешскомъ Карловомъ Университетѣ онъ читаетъ доклады о Казачествѣ.

Находя единомышленниковъ, побуждая ихъ къ работѣ, самъ специализируясь по казачьимъ вопросамъ, С. А. организовываетъ «Общество Изученія Казачества», во главѣ котораго становится профессоръ Ф. А. Щербина.

Въ области литературной его работа проявляется въ принятіи дѣятельнаго участія въ организаціи «Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ», гдѣ имъ проводится мысль: «мы лишь грибыща казачья; наша задача подготовить плодотворную почву, которая дастъ болѣе молодые всходы талантливыхъ казаковъ писателей и ученыхъ, для которыхъ будетъ Казачество — превыше всего. Для себя намъ ничего не нужно. Все для Казачества и Кубани».

Такимъ застающъ его 1931 годъ — двадцатый годъ его журналистической дѣятельности. Образованный офицеръ, военный душой и тѣломъ до сего дня, воспитатель казачьей массы на военной службѣ, онъ при измѣнившейся обстановкѣ, въ тяжелыхъ материальныхъ условіяхъ, находитъ въ себѣ силы и энергію окончить нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній и неутомимо работать въ области научной и журналистической, причемъ вся его дѣятельность пропитана искренней и беззаветной любовью къ Казачеству и желаніемъ величія Его.

Привлеченіе.

ЗА ЧЕСТЬ КУБАНИ...

Вотъ и Новороссійскъ. На рейдѣ, коптя огромной черной трубой, покачивается «Керчь» — эскадренный миноносецъ краснаго флота. Въ городѣ, увѣшанные красными лентами, конные матросы, съ обшествомъ въ глазахъ, споняютъ народъ на вокзалъ — въ походъ на непокорную казачью столицу — Екатеринодаръ.

Петя сбросилъ събрую фронтową шинель, скинулъ паніху, и кинувъ на толчкѣ рваную штатскую тужурку, обрѣзанный картузь, — темной ночью подлезъ въ Анзалу.

Въ Анапѣ было не лучше. Петя пошелъ въ Темрюкъ: пріятель - одноклассникъ по школѣ, Герасименко, — нахитро пріютитъ его. Пріятеля не

было. У Герасименко легкія не въ порядкѣ и врачїи направили его въ Нальчикъ. Родня его, приняла Петю радушно, предложила помогать въ хозяйствѣ, слѣдить за виноградомъ. Петя былъ радъ и благодаренъ.

Прошелъ май. Въ Екатеринодарѣ безчинствовало Сорокинѣ; въ Темрюкѣ — Бѣликовъ; Таманскій Край всколыхнулся.

Своей грубой, красной, жестокой фельдфебельской рукой — Бѣликовъ сильно сдвинулъ горло таманскихъ казаковъ и давилъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не проявилось желаніе освободиться отъ этихъ цѣпкихъ красныхъ рукъ.

Есаулъ Гулый, низкій, сухошавый, живой и порывистый, энергичный казакъ, ахтанизовецъ, въ концѣ мая, на каменномъ мосту, верстахъ въ десяти отъ Тамани, остановилъ автомобиль комиссара Бѣликова и убилъ краснаго вампира. Казаки — Таманцы, Ахтанизовцы, Вышестеблевцы и Голубинцы поднялись, захватили четыре красныхъ орудія на берегу Керченскаго пролива, смотрѣвшихъ жерлами смертоносными на Керчь и обезоружили красноармейскіе отряды, охранявшие Тамань. Началось таманское возстаніе. Гулый повелъ казаковъ на Темрюкъ, кишѣвшій разнымъ разнуданнымъ сбродомъ.

Послѣ вступленія украинскихъ гайдамаковъ и германскихъ войскъ въ Крымъ — Темрюкъ наводнили красные отряды. Банды матроса Непомнящего, удравшіе изъ Керчи, толпы сброда комиссара Луриха — извѣстнаго борца «чемпіона міра» красныя роты темрючанъ, дравшіеся подъ Екатеринодаромъ съ Кубанской Арміей... зачѣмъ воевать въ какихъ то донскихъ степяхъ и калмыцкихъ песчаныхъ пустыняхъ, когда «Родная Кубань» избавлена отъ «бѣлогвардейцевъ». Къ моменту возстанія, въ городѣ было всякаго изувѣрствовавшаго сброда, много больше чѣмъ коренныхъ жителей.

Начальствованіе надъ гарнизономъ принял Романенко, маленькій, упругій, подвижной, полковой писарь. Онъ мобилизовалъ всѣхъ, кто только могъ, носить оружіе; составилось два внушительныхъ отряда — Крымскій и Таманскій.

Въ городѣ имѣлось семь орудій и Крымскій конный полкъ, сформированный вахмистромъ Кобызевымъ, преимущественно изъ Крымскихъ татаръ. Петя попалъ солдатомъ въ 8-ю роту Крымскаго отряда. Его роту бросили на Старотиторовскую «переправу» — узкую проселочную дорогу между плавень, болотъ и лимановъ. Половина роты была изъ китайцевъ, набранныхъ Непомнящимъ въ Крым. Оскаливъ зубы, тараща глазами, они шли выручать «родную Кубань», волоча винтовки прикладами по землѣ.

Отрядъ медленно подвигался къ станицѣ на борьбу съ казаками. Петѣ казалось, что онъ плетется въ хвостѣ хунхузскаго отряда, съ китайской грани-

цы идущаго на Русь; камышеватая плавни обращались у него въ рисовыя плантаціи, а трехлинейная винтовка, казалась, допотопнымъ боксерскимъ оружіемъ.

Его мозгъ свѣдила беспокойная мысль: кого и за что идемъ убивать? Тянуло спросить и получить отвѣтъ, — но у кого? У китайца?

При этихъ мысляхъ рука судорожно сжимала винтовку, а жало штыка направлялось въ сторону желтокожихъ спинъ.

— Развѣ спросить у того, кто ведетъ? У комиссара — матроса, съ наглымъ лицомъ и жирнымъ затылкомъ, матюкающаго «куркулей» и ругающаго въ «Бога», и «мать», и «небо» и, даже, на восемьдесятъ верстъ выше неба?

Петю охватило какое-то предчувствіе неотвратимой бѣды. Жуть и холодъ воцарились въ его душѣ. Хотѣлось лечь, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать безумныхъ воплей — ругани безумныхъ людей.

Когда показалась станица — затарахтели пулеметы, затрещали винтовки, бухнуло орудіе, рой пѣвучихъ шмелей понеслись надъ ихъ головами, — цѣли залегли.

Петя почувствовалъ какъ въ груди началъ нарастать какой-то клубокъ. И желая освободиться отъ этого клубка, ничего не сознавая, ни о чемъ не думая, съ глазами дико устремленными въ широкую, лоснящуюся чернюю кожи, комиссарскую спину...

Петя неожиданно вскочилъ, побѣжалъ и, со стономъ дикаго наслажденія — всадилъ длинный трехгранный штыкъ по самую шейку. Комиссаръ дико завылъ, задрыгавъ несуразными ногами и вытянулся. Лежавшій рядомъ китаецъ что-то залопоталъ по-своему, вскинулъ винтовку дуломъ въ упоръ Петинаго виска и хладнокровно выстрѣлилъ...

Петя, судорожно давившій штыкомъ комиссара, — безъ звука опустил на орошенную кровью родную Кубанскую землю...

Когда казаки энергично продвинулись впередъ — они увидѣли необычную группу: надъ пригвожденнымъ штыкомъ къ землѣ комиссаромъ — сидѣлъ молодой, красивый юноша, съ типичнымъ казачьимъ лицомъ. У него зіяла черная рана въ разможенной головѣ, а сильныя крѣпкія руки — судорожно сжимали прикладъ винтовки; большаго труда стоило отнять ее у этого казачьяго юноши...

Тѣло Пети перевезли въ станицу.

Похоронили его на курганѣ, надъ кровавымъ яромъ, тамъ, гдѣ Бѣликовъ разстрѣлялъ 36 казаковъ. Полъ станицы пришлось отдать послѣдній долгъ неизвѣстному герою и когда рыдающіе звуки послѣдней надгробной пѣсни звали людей къ послѣднему цѣлованію — кто-то неизвѣстный увѣнчалъ Петину грудь малымъ скромнымъ бѣленькимъ крестикомъ на Георгіевской лентѣ — Казачій дакъ Казачьему герою...

Хорунжія Н. Гулый.

Инженеръ В. С. Мащенко

(Снятъ 2-го сентября 1931 г., въ Парижѣ, на церемоніи вожденія лампады Неизвѣстному Солдату)

Только всеобъемлющая Казачья натура можетъ вмѣстить въ себѣ столько похвальныхъ чертъ характера и способностей, какое обнаружено въ душѣ этого молодого и пылкаго казачьяго патриота, какимъ

проявилъ себя нашъ общій другъ, и цѣнный членъ-ревнитель, Владиміръ Степановичъ Мащенко.

Попавъ въ 1920 году, какъ и всѣ, за границу и пройдя положенный стажъ бѣженскихъ мытарствъ — онъ прибываетъ въ Парижъ, заканчиваетъ свое среднее образование въ русской гимназій и въ 1926 году поступаетъ студентомъ въ Высшую Индустриальную Школу Католическаго Университета въ Лилль (сѣверъ Франціи), заканчиваетъ ее въ 1931 году и 29-го декабря того же года — молодежавый, полный силъ и желаній, инженеръ-кубанецъ, выѣзжаетъ въ экваторіальную Африку, во Французское «Конго».

Карьера обезпечена. Но что испытано до этого?! Рабочій на заводѣ, матросъ паруснаго судна, чертёжникъ, слесарь и, наконецъ, — джигитъ.

Являясь по крови на все 100 процентовъ Кубанскимъ кореннымъ казакомъ (сынъ извѣстнаго Кубанскаго гвдчи Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника С. М. Мащенко, казака станицы Динской и по матери — казачки станицы Кисляковской, урожденной Зубовой) — онъ, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ захватившей всѣхъ «джигитовкѣ» и отдался ей со всѣмъ присущимъ ему пыломъ. Уже членомъ, мужчиною въ 30 лѣтъ — но какъ гибковъ онъ былъ въ дешифрѣ, на кинжалахъ, «на пальцахъ» даже въ асфальтѣ... Тонкій, гибкій, увертливый съ хорошими манерами, образованный, неселый и общительный — онъ былъ украшеніемъ и душою общества. Черкеска и «чинъ» старшаго урядника, заслуженный имъ еще юношею на берегахъ Кубани, казались, радовали его болѣе, чѣмъ положеніе инженера. Казачество затемняло у него все и стояло на первомъ мѣстѣ. И отъѣзжая съ одного изъ Парижскихъ подземныхъ вокзаловъ въ далекое Конго на два контрактныхъ года — весело и беззаботно махалъ онъ на-прошанье намъ въ воздухъ свою бѣлою косматою папашою, пока поѣздъ не скрылся въ изгибѣ темноты. Отъѣзжалъ весело, — словно на курортъ. Горе родитъ намъ достойныхъ казаковъ-гражданъ, умѣющихъ раздѣлять — гдѣ кончается французскій инженеръ и начинается Кубанскій казакъ.

Добрый свѣтлый путь мы ему шлемъ средь чернокожихъ въ дѣбряхъ экваторіальныхъ лѣсныхъ зарослей и, знаемъ, что и тамъ — Кубанское Казачество для него — всего выше.

Полковникъ Елисеѣвъ.

Его адресъ: **W. Mastchenko. Société «Alfa». Libreville — Gabon. Afrique. Via Bordeaux.**

Первые Казаки Воздухоплаватели

(Кубанскій Казачій Воздухоплавательный Дивизионъ)

Старые казровые казаки - офицеры, очень чувствовали недостатокъ въ Войскѣ своихъ инженерныхъ, техническихъ и вспомогательныхъ войскъ, а также пѣшей артиллеріи въ пластунской бригадѣ. Роль казачества быть только живою силою въ случай войны - глубоко ихъ безпокоила и поэтому они совѣтовали молодежи добывать специальныя военныя знанія для того, чтобы впоследствии примѣнить ихъ на пользу Родного Войска. Подъ вліяніемъ старшихъ офицеровъ, еще передъ войной, Сотникъ 2-го Кубанскаго пластунскаго баталіона С. Федоровъ, при объявленіи пріема въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, подалъ рапортъ о командировкѣ въ нее. Война помѣшала этой командировкѣ, по въ 1915 году, на австрійскомъ фронтѣ, изъ Баталіона Его Величества 6-го, были вызваны желающіе офицеры именно въ эту школу. Сотникъ Федоровъ, въ это время бывшій начальникомъ сводно - пулеметной команды этого баталіона, вмѣстѣ съ Хорунжимъ М. Зайченко изъявили свое желаніе быть командированными въ школу и прибыли туда вмѣстѣ съ денщиками — отборнѣйшими казаками, которые должны были контрабандой научиться воздухоплавательнымъ премудростямъ рядовыхъ вояновъ. Одинъ изъ нихъ каз. станицы Бѣслинѣвской Михаилъ Маркинъ окончилъ курсъ учебной команды мирнаго времени.

Казаки учились отлично и Сотникъ Федоровъ, пещій во главѣ выпуска, взялъ вакансію въ Морскую воздухоплавательную роту, съ цѣлью изучить и морское воздушное искусство. Вначалѣ онъ былъ оставленъ въ команду строящагося дирижабля «Гигантъ», по размѣрамъ превывшавшаго Цепеллины, но потомъ постройка была прекращена и казаки уѣхали по частямъ.

Морская рота только формировалась и на казачковъ была возложена задача — сформировать первую наблюдательную станцію. Дѣло было новое вообще, казаки взялись за него попластуны, завели казачьи порядки въ отрядѣ, были вызваны строевые казаки пластуны какъ инструктора пулеметнаго дѣла и пѣшаго строя. Отрядъ разбили не по ранжиру, а по областямъ и крайямъ и вскорѣ морскіе воздухоплаватели оглашали казачьими пѣснями эстонское побережье и танцевали лезгинку... Казачій режимъ страшно нравился морякамъ, а еще больше, что казаки между собою и съ офицерами не только «говорили», но и «балакали», что сразу привлекло къ нимъ симпатіи взвода украинскаго и эстонско-латышкаго.

Здѣсь же подготавливался подъ шумокъ и казачій кадръ. Первые смотры прошли блестяще. Благодарственные приказы по Морской крепости въ Ренелѣ, трехдневный отпускъ и по рублю на брата — были наградою казачьему обученію. Весною же, пачальникъ отряда, Подъесаулъ Федоровъ, былъ вызванъ Командующимъ эскадрой и получилъ приказаніе подготовить отрядъ къ плаванію для десанта на Рижскомъ побережьи: дѣло было совсѣмъ новое; подобная проба была только во время русско - японской войны и кончилась неудачно — воздухоплавательный вспомогательный крейсеръ «Русь» попалъ въ плѣнъ подъ Цусимой къ японцамъ. Казаки и тутъ справились самостоятельно, по ихъ чертежамъ и проэктамъ были приспособлены суда и морской отрядъ вступилъ въ минную дивизию Адмирала Колчака.

Не оставляли первые воздухоплаватели Кубанцы и мысли о пополненіи офицерскаго кадра: въ школѣ и на службѣ они зарекомендовали себя хорошо. Вскорѣ, изъ Дѣйствующей Арміи, прибылъ Подъесаулъ 1-го Лабинскаго полка В.

В. А. Федоровъ, на морскіе воздухокрысы, а Хорунжаго 2-го Кубанскаго пластунаго баталіона Б. П. Еглевскаго въ Офицерскую Воздушкоду въ Петроградъ. Повторилась прежняя исторія съ денщиками, которые своими знаніями забивали морскихъ унтеръ - офицеровъ.

Старшій пулеметный инструкторъ, Подхорунжій ст. Царской Василь Ивановичъ Остапенко, изъ пулеметныхъ наводчиковъ - приказныхъ, выбившійся на всѣ кресты и медали, подавлялъ всѣхъ спокойствіемъ въ критическіе моменты и поражалъ меткостью огня, отгоняя нападавшіе безверестанно аэро и гидропланы нѣмцевъ, ссаживая ихъ съ одной левты.

По окончаніи навигаціи, морской отрядъ былъ посланъ на Рижскій фронтъ и оставался тамъ до оставленія Риги русскими войсками въ августѣ 1917 года. Натренировались здѣсь и офицеры, работая безъ отдыха, сами творили воздухтактику боя и достигли такихъ успѣховъ, что отрядъ ставился въ примѣръ остальнымъ частямъ казаки во 2-му Сибирскому корпусу и XII арміи, въ бояхъ работали. Польза пластунаго системы работы была колоссальна. Нѣмцы стали пассивными; изъ-за желанія имѣть отрядъ у себя --- ссорились войсковые начальники. При отрядѣ проходили курсы практической стрѣльбы съ аэростата офицеры - артиллеристы и отбывали воздушную практику слушатели воздухокрысовъ и все время, въ непрерывной боевой работѣ, отъ развѣта до сумерковъ, а часто и ночью, не зная отдыха и опасности, презирая артиллерійскій огонь и палеты истребителей воздушныхъ эмбевъ, дѣйствовавшихъ противъ морскихъ - казаковъ и химическими средствами.

На составъ отряда спускались кресты и медали; офицеры повышались въ чинахъ и дѣломъ 1917 года Подполковникъ Федоровъ получилъ высшее назначеніе надъ всѣми морскими отрядами въ XII арміи.

А казаки потихоньку, по одиночкѣ, прибывали и прибывали въ отрядъ: кадръ былъ подготовленъ на славу. Перебило всѣ планы Корниловское выступленіе и отходъ изъ-подъ Риги. Колличества казаковъ иссугались, прослышали, что придуть еще 70, былъ митингъ, почти бунтъ. Указывали на то, что въ 1-омъ отрядѣ нѣтъ до сихъ поръ краснаго знамени, что тамъ не посятъ красныхъ бантовъ, и избili большевиковъ - агитаторовъ, членовъ Армейскаго комитета.

Моряки были вызваны въ Ревельскую крѣпость для обороны ея, а послѣ большевickaго переворота, старшіе офицеры, были отданы подъ слѣдствіе, а потомъ и судъ трибунала ревкомитета. Подп. Федорова обвиняли въ контръ-революціи, въ разжиганіи національныхъ страстей тѣмъ, что у него «балакали», пѣли казачьи пѣс-

ни и ввели казачьи порядки: что казаки не признавали своимъ начальствомъ комитеты, а только своихъ офицеровъ, всѣ носили черкески, а денщики оставались у офицеровъ.

Морской ревсудъ оправдалъ Подполковника Федорова и тогда имъ, по просьбѣ украинцевъ, былъ выдѣленъ изъ состава морскихъ воздухокрысовъ Особый морской воздухокрысъ, въ который вошли всѣ Кубанцы, жители Украины и многіе офицеры, механики и чиновники.

Въ декабрѣ 1917 года отрядъ этотъ ушелъ въ Кіевъ и расположился въ Кіевскомъ воздухоплавательномъ паркѣ, войдя въ подчиненіе Украинскому правительству. Здѣсь былъ составленъ планъ образованія особаго Кубанскаго отряда, на формированіе котораго далъ согласіе Кубанскій Войсковой штабъ, по довлду Подполковника Федорова, еще въ августѣ въ Рижскомъ фронтѣ. Надо было усилить численность казачьяго кадра и подобрать самую лучшую матеріальную часть отряда для вывоза на Кубань. Январскія событія на Кубани отдалили на значительное время впроектъ о формированіи. Большевики овладѣли железнодорожными узлами и отрѣзали Украину отъ казачьихъ областей.

Подполковникъ Федоровъ прибылъ въ Екатеринбургъ и получивъ инструкціи отъ Кубанскаго Военнаго министра и его помощника ген. Усенскаго, прорвался черезъ фронтъ и прибылъ въ Кіевъ съ инструкціями Кубанскаго правительства. Вскорѣ Кіевъ былъ блокированъ совѣтскими войсками; Кубанцы приняли участіе въ его оборонѣ, потому были въ партизанскихъ отрядахъ, захватили въ свои руки управление воздухокрысомъ и вмѣстѣ съ б. Инспекторомъ воздухоплаванія Юго-Занад. фронта, капитаномъ Подполковникомъ Н. М. Марковымъ, не допустили эвакуаціи изъ Кіева воздушнаго имущества.

По возвращеніи Украинскаго правительства въ Кіевъ, казаки принялись организовывать воздушныя части Украины; во главѣ сталъ Полк. Марковъ, какъ Инспекторъ воздухоплаванія Кіевскаго района, а потомъ и всей Украины: Подп. Федоровъ командовалъ Кіево-полтавскимъ учебно-кадровымъ воздухокрысомъ и работалъ въ украинскіихъ комиссіяхъ при Главномъ и Генеральномъ штабахъ. Казаки - воздухоплаватели приняли участіе въ организаціи бюро при Послѣ Юго-Восточнаго Союза на Украинѣ, переправили въ свои Войска военный матеріаль, охотниковъ, машины, мастерскія, пока это бюро не было арестовано нѣмцами, а президіумъ его посаженъ въ тюрьму; выручили ихъ Донской посоль ген. Черячуккинъ; тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано — лучший матеріаль былъ «переванъ» отъ нѣмцевъ на Донъ.

Загорѣвшаяся на Украинѣ гражданская война между Гетманомъ и Петлюрой, заставила совѣтъ прекратить работу: казаки съ миссией по снабженію Полк. летчика Ткачева убыли на Кубань: по дорогѣ, въ Одессѣ, Полковникъ Марковъ остался и сталъ во главѣ воздухоплавательныхъ частей, присоединившихся къ Добрарміи, а Полк. Федоровъ отправился на Кубань, добиваться у Командованія Добрарміи формировація Воздухплавательныхъ

Генераль Врангель, пужавшійся въ ихъ работѣ на Царщинскомъ фронтѣ, главное для постоянного наблюденія за Волгой и совѣтской флотиліей, рѣшительно поддержалъ казачьи желанія, по Начальникъ Штаба Добрарміи ген. Романовскій, еще болѣе рѣшительно возсталъ противъ казачьихъ воздухоплавательныхъ частей и Врангеля, приказавъ всѣхъ казаковъ отправить въ пластуны.

Иначе смотрѣло на дѣло Кубанское правитель-

ство и Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ. Началась работа по созданію Кубанской Арміи: полк. Федоровъ былъ былъ приглашенъ для работы въ Комисіи Рады и военного министерства Кубани: Рада утвердила его докладъ: правительство ассигновало суммы и провело штаты. Усиленно старался объ этомъ Начальникъ Кубанскихъ Инженеровъ, ген. С. В. Поповъ, при управленіи котораго была сформирована воздухоплавательная команда. Войсковой штабъ прислалъ штатное укомплектованіе: первый у Кубанцевъ, и единственный у казаковъ, вообще, воздухоплавательный дивизионъ, можно было развертывать, но не доставало имущества и аэростатовъ, которые находились въ паркахъ и складахъ отбитыхъ большевиками отъ уваранцевъ.

Къ лѣту 1919 года въ Екатеринодарѣ были стянуты всѣ офицеры и чиновники казаки воздухоплаватели и пополнены специалистами, служившими подъ командой кубанцевъ въ морскихъ воздухоплавательныхъ частяхъ и въ Кіевѣ.

Послѣ паденія Одесскаго фронта, полк. Мар-

ковъ сталъ во главѣ Воздухотряда ВСЮР: по соглашенію съ нимъ, кубанцы воздухоплаватели отправляли свои команды вѣдѣть за продвигавшимися впередъ войсками въ тѣ мѣста, гдѣ находилось воздухоплавательное имущество: казаки захватывали его, сейчасъ же грузили наповѣзда и везли якобы въ склады ВСЮР: въ Таганрогѣ накладныя переадресовывались на складъ въ Георгіевскъ, а фактически все сворачивалось въ Екатеринодаръ. Здѣсь уже былъ вполне укомплектованъ Кубанскій казачій воздухоплавательный дивизионъ, съ учебнымъ отрядомъ при немъ, и воздухоплавательнымъ паркомъ. Во главѣ былъ поставленъ Военный и Морской воздухоплавательный Полковникъ С. Федоровъ.

Технической частью завѣдывалъ опытный старшій специалистъ Капитанъ Пакида, быв. инспекторъ воздухоплаванія въ Кіевѣ, хозяйственной частью — морск. воздух. Подьесаулъ В. Федоровъ, учебнымъ отрядомъ — Есаулъ Еглевскій, а старшимъ офицеромъ въ немъ — Подьесаулъ А. М. Норманъ, съ цѣлымъ кадромъ опытныхъ

офицеровъ и механиковъ. Въ открытыхъ воздухоплавательномъ и моторномъ урядничьихъ классахъ обучали специалисты казаковъ, имѣвшихъ уже полную подготовку въ 2-хъ классныхъ стан. училищахъ.

Казаки проходили кромѣ специальной и инженерную подготовку. Воздухскады были наполнены имуществомъ: изъ Севастополя привезли имущества Черноморской эскадры дирижаблей, въ 1917 году принятого отъ англичанъ пор. Нормакромъ въ Морской воздухофлотъ; не хватало только аэростатовъ, которые были сложены въ Одессѣ подъ охраной Галицкой Арміи, присоединившейся къ Добарміи и перевзавшей все украинское имущество.

Туда были командированы съ командой Хор. Коротенко, — вывезти аэростаты во что бы то ни стало; онъ выполнилъ задание блестяще.

Отрядъ былъ снабженъ и вооруженъ. Учебный отрядъ далъ выпускъ молодыхъ специалистовъ передъ комиссіей, составленной изъ представителей Войск. Штаба, Инжен. управления, Авіо и воздуходивизиона, ВСЮР, показавшихъ блестящую подготовку. Инспекторскій смотръ, произведенный пом. нач. Кубанскихъ инженеровъ генераломъ Фравкомъ, доказалъ и строевую ихъ подготовку — дивизионъ былъ поставленъ образцемъ инженернымъ частямъ Кубанскаго войска, и подготовился къ выступленію на фронтъ. Въ это время на Кубани произошли печальныя событія ноября 1919 года. Генералъ Романовскій по телеграфу потребовалъ отъ Войскового Атамана расформирования дивизиона и отправления казаковъ въ пластуны, а офицеровъ въ распоряженіе дежурнаго генерала, однако Кубанскій военный министръ, ген. Звягинцевъ, начальникъ инженер. деп. Поповъ были противъ этого, а Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ прямо отвѣтилъ: не для того Войско формировало дивизионъ, чтобы его расформировывать по требованію Романовскаго.

Полк. Федоровъ былъ вызванъ въ Штабъ ВСЮР и получилъ разность отъ Романовскаго, полк. Марковъ былъ вынужденъ уйти съ поста начальника воздухофлота ВСЮР, но дивизионъ остался. Бѣлая армія покатила отъ Орла; за дивизионъ были возложены инженерныя задачи, которыя онъ съ успѣхомъ выполнялъ до самаго оставленія Екатеринодара.

Съ оставленіемъ Екатеринодара, покинули его и воздухоплаватели: все имущество съ паркомъ было эвакуировано въ Новоросійскъ, а строевая часть, составивши инженерную воздухоплавательную сотню, двинулась въ походъ во главѣ Кубанскаго отряда ген. Морозова.

На пути отряда, дивизионъ имѣлъ первое

столкновение съ зелеными подъ стан. Саратовской, гдѣ взялъ въ плѣнъ ихъ дозоръ, а на слѣдующій день выдержалъ упорный бой въ самой станицѣ съ красными войсками, пришедшими черезъ перевалъ изъ Черноморской губерніи. Своего Подхорунжаго и урядника, вмѣстѣ съ 28 убитыми изъ инженернаго отряда, предалъ онъ землѣ въ оградѣ Саратовской станичной церкви, отдавши имъ послѣдній салютъ боевыми патронами; раненыхъ увезли съ собою.

По дорогѣ на Анжеронскую, дивизионъ, слѣдуя въ арбергартѣ инженернаго отряда, отбивалъ зеленыхъ, подпиралъ дороги, прикладывая повязи для безконечныхъ обозовъ отходившихъ съ Кубани и добатился до Туансе, откула двинулся далѣе на Сочи, въ качествѣ головного инженернаго отряда, починяя мосты и дороги, а отъ Сочи до Адлера — строя пристани въ мѣстахъ стоянокъ Кубанскаго Войска.

Въ Адлерѣ его захватила безславная сдача Кубанской Арміи. Командиръ дивизиона, разбудивъ ночью казаковъ, сообщилъ имъ оговорѣ сдачи, заявивъ, что офицеры рѣшили не сдаваться и предложилъ желающимъ уйти съ ними къ грузинскимъ границамъ, попытаться пройти въ Грузію, или попасть на американскіе пароходы для переѣзда въ Крымъ, или уйти просто въ зеленые. Всѣмъ уходящимъ отъ красныхъ было приказано раздать одежду изъ обоза, припасы и по 10.000 рублей на человѣка.

Ночью казаки тронулись изъ Адлера за рѣку; часть ихъ пошла съ Командиромъ на хутора Веселые, большинство ушло въ горы въ зеленые. Обманувъ «букретовскую» заставу, воздухоплаватели пришли къ морю подъ предлогомъ постройки пристани для дивизион. ген. Шкуро; но видя корабли, они разсыпались въ эстонскомъ селеніи два затопленныхъ большихъ баркаса, вытащили ихъ, заколоплатили и рѣшили вечеромъ отплыть въ Грузію; но послѣ обѣда пришли жданные корабли: воздухоплаватели снова взялись за постройку примитивныхъ пристаней и только, когда вечеромъ, всѣ корабли были заполнены — они послѣдними, остави обозъ и лошадей, отплыли на маленькій буксирный пароходикъ «Тайфунъ» и отправились въ Крымъ, въ Феодосію, гдѣ ихъ ожидалъ личный составъ воздухопарка, но безъ имущества, оставленнаго въ Новоросійскѣ.

Пополнивши свои ряды, воздухоплаватели присоединились къ Крымскому воздухоотряду, въ которомъ впервые были и донцы и приняли участіе въ прорывѣ перешейка на Мелитополь: аэростаты работали на позадномъ составѣ, совместно съ броневиками и замѣняли одновременно конную развѣлку. Связанный телефономъ со

штабомъ Войскъ, наблюдатель въ корзины аэростата видѣлъ на десятки верстъ движеніе своихъ и красныхъ войскъ и передавалъ виденное начальнику штаба, здѣсь же сидѣвшему у аэростата и отмѣчавшему по картѣ.

Подъ командой полк. Зиновьева, воздухоплаватели приняли участіе въ разгромѣ Жлобы подъ Токмакомъ, принявшаго нашу аэростатъ за советскій и напорывшагося на нашу тяжелую пушку; здѣсь они ходили въ атаку и въ преслѣдованіе Жлобы.

Старый опытъ сухопутнаго, морского и берегового наблюденія былъ дополненъ опытомъ работы въ заперенной войнѣ, бронешодами. Воздухоплаватели вырабатывали опять новую тактику, до сихъ поръ неизвѣстную.

Войсковые начальники очень цѣнили аэростатъ, какъ средство постоянного непрерывнаго наблюденія: воздухопѣды работали впередъ тяжелыхъ бронешодовъ; за легкими выѣзжали и впередъ ливій, корректировали стрѣльбу по скрытыхъ станціяхъ, мостахъ, красныхъ броневикахъ и войскахъ, часто отбиваясь и отъ аэроплановъ, забрасывавшихъ насъ бомбами и отъ пѣхоты и конницы красныхъ.

Казачи мечтали приобрести свой аэростатъ: надо было его взять у красныхъ: случай помогъ — у нихъ оторвало и унесло въ море вѣтромъ аэростатъ: казаки его поймали, починили, приспособили и, сформировавъ въ Севастополѣ Дно-Кубанскій казачій воздухоотрядъ подъ командой полк. Маркова, отбыли съ нимъ уже не къ Александровску, а къ Перекопу, гдѣ и работали до оставленія Крыма.

Около Джанкоя, ночью, имущество было уничтожено и отрядъ присоединился къ Штабу Куб-

воздухдивизиона, находившемуся на транспортѣ «Владиміръ» въ Феодосіи. Донской отрядъ прикомандировался къ Кубдивизиону: казаки первые воздухоплаватели совместно прибыли на о. Лемносъ и тамъ раздѣлились по своимъ корпусамъ.

Выдающаяся организационная и жертвенная дѣятельность полк. Маркова была вознаграждена по заслугамъ: Комвоздухливъ Куб. представилъ его черезъ Кубначинженеровъ въ генералы и достойный этотъ человекъ былъ награжденъ чиномъ, который заслужилъ еще на Юго-Западномъ фронтѣ и на Инспекторскихъ постахъ Украины.

Дивизионъ былъ свернуть и влитъ въ инженерный кадръ Кубанскаго корпуса, съ которымъ перешли въ Сербію.

Командный составъ его перешелъ на мирный занятіа. Командиръ дивизиона, Н-къ учебнаго отряда, Завхозъ — закончили высшее образованіе: нѣкоторые посвятили себя профессорской дѣятельности — въ Канадѣ, въ Чехіи; старшій офицеръ Есаулъ Нормакъ, окончилъ эстонскую академію ген. штаба и авіашколу, а нынѣ занимаетъ постъ военнаго аташе въ Парижѣ; одинъ изъ офицеровъ, попавшихъ въ плѣнъ къ краснымъ, претерпѣвъ мученія, — нынѣ профессоромъ въ Политехникумѣ въ СССР. Казаки разбросаны повсюду, но еще до сихъ поръ держатъ связь не только со своими бывшими командирами, но и съ тѣми, которые остались на Кубани.

Дасть Богъ возродится Кубань, будетъ у нея своя техническая сильная Армія и казаки уже не будутъ только живою силою. А ихъ техники будутъ и проводниками культуры не только на службѣ, но и въ мирное время, у себя дома.

Сотникъ А. Медяникъ

Черезъ Общество РЕВНИТЕЛЕЙ КУБАНИ можно выписывать:

1. «Кавказскій Казакъ», съ пересылкою — 4 фр. Это органъ Кубанскаго Войскового Центра, съ богатымъ информационнымъ матеріаломъ о жизни Кубанскаго Казачества «тамъ и «здѣсь». Считаемъ — журналъ необходимъ каждому Кубанскому казаку.
2. Кубанскій Календарь — на 1932 г. — 2 фр.
3. Казачьи герон и сподвижники — Проф. и историка Ф. А. Щербины — 3 фр.
4. Віче, Рада, Кругъ — Полковникъ и Докторъ Правъ С. А. Федорова — 3 фр.
5. Історія Кубанскаго Войскового Гимна — Полковника Елисѣева — 3 фр.
6. Россія № 7, посвященная исключительно Кубанскому Казачьему Войску — вся распродана.
7. «Кубанское Казачество» №№ 1, 2 и 3 по 3 фр. 50 с.

Заграницей — 5 фр.

СОДЕРЖАНИЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
 2. «Пластуны» (историческій обзоръ) — Полк. Федорова
 3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) — Вл. Куртана
 4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» — Прот. Ломака
 5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» — Ген. Кочучько
 6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисѣева
 7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) — Подъес. Якименко
 8. «Страдная пора на Кубани» — Подъес. Толбатовскаго
 9. «Последній взглядъ...» — казака Бідолога
 10. «Наша слава, наша гордость» — Елисѣева
 11. «Казакѣ на могилѣ Нензвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе
- Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта района Турціи, гдѣ прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г. На обложкѣ Штабъ 1-го Хоперскаго полка

СОДЕРЖАНИЕ № 2-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Кубань» — изъ поэмы — Н. Николаева (Члена Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Кубанской и Терской областей и Черном. губ.)
 2. «Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества» — М. С.
 3. «Атаманъ Кухаренко» (историческій очеркъ) — С. Лантуха
 4. «Встрѣчи» — Полковника С. Макѣева
 5. «Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани» — Полковника Елисѣева
 6. «Казачья пѣсня» — Генерала Толстова
 7. «Екатеринодарская военно-фельдшерская школа» — Д-ра Мед. С. М. Машенко
 8. «Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко» — Подъесаула
Еф. Якимерко
 9. «Великое Войско Кубанское» (Некрасовцы очеркъ. Къ статьѣ приложень четкій портретъ Атамана Игната Некрасова) — Полк. и д-ръ правъ С. Федорова
 10. «Казачья слава за океаномъ» — П. Нитяга
- Въ журналѣ 17 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ, 2 кроки боя Лабинцевъ. На обложкѣ Командиры сотен 1-го Таманскаго полка въ 1905 г. въ г. Асхабадѣ.

СОДЕРЖАНИЕ № 3-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Пластуны въ Севастополѣ» — Полковника С. Федорова
2. «Оренбургское Казачье военное училище (историческій очеркъ) и Кубанское Казачье Войско» — поручей-юнкера Елисѣева
3. «Битва казаковъ съ черкесами» (воспоминанія) — проф. О. А. Щербинны
4. «Казачья колыбельная пѣсенка» — Е. Бузавина
5. Полковникъ С. А. Федоровъ (къ 20 лѣтію литературной дѣятельности) —
Правленіе
6. «За честь Кубани...» — Хор. Гулаго
7. Инженеръ В. С. Машенко — Полк. Елисѣева
8. Первые казаки воздухоплаватели» — Сочника Медяника

Цѣна какъдаго номера

3 фр. 50 с.

Цѣна трехъ номеровъ

10 фр.

Для заграницы

5 фр.